

Т. А. ТАРАСОВА

**ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ
ГОДА**

SHOUT
SHARE IT

- Четыре времени года

-
- Предисловие
- Мой талисман — черепаха
- Вступление литзаписчика.
- Стадион юных пионеров
- Мои родители
- Лейк-Плэсид: последняя олимпиада Родниной
- Ира и Саша
- Костюм для чемпионов
- Моисеева и Миненков
- Пять минут у льда
- Бестемьянова и Букин
- Тарасята

- Людмила Суслина и Александр Тихомиров
- Ирина Черняева и Василий Благов.
- Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин
- Марина Леонидова и Владимир Боголюбов.
- Елена Гаранина и Игорь Завозин
- Наталья Карамышева и Ростислав Синицин

- Сибирское турне
- Выдающиеся фигуристы
  - Людмила Пахомова — Александр Горшков.
  - Джон Карри.
  - Толлер Крэнстон.
  - Габи Зайферт.
  - Джудди Швомейер и Джон Сладки.
  - Джейн Торвилл и Кристофер Дин.

- Турне мировых звезд
- Выдающиеся тренеры

- Елена Чайковская.
- Станислав Жук.
- Тамара Москвина.
- Ютта Мюллер.
- Карло Фасси.
- Бэтти Калловэй
- Эрик Целлер

- Музыка в моей жизни
- Мои друзья
- День тренера

- [Мой мир, мое фигурное катание](#)
- [Содержание](#)

Четыре времени года

Прославленный советский тренер по фигурному катанию рассказывает как изменяется и развивается этот вид спорта, как на смену одному поколению фигуристов приходит другое и какой след оставили в истории выдающиеся спортсмены разных стран и разных поколений.

Тарасова Т. А.

Предисловие

Зачем человек пишет книгу? Тем более автобиографическую? Должно быть, он считает, что ему есть чем поделиться с людьми, он хочет на своем примере убедить их в чем-нибудь или, наоборот, от чего-то предостеречь. И, наверно, садиться за такое дело надо в преклонном возрасте. Конечно, я еще этого возраста не достигла, но все же о своих годах думаю, как о зрелых. Жизнь в большом спорте так прессует время не только у спортсменов, но и у тренеров, что порой кажется, с каждым новым поколением учеников ты прожил еще одну жизнь.

Я не берусь никого предостерегать, тем более поучать, просто пришел час рассказать о моем фигурном катании, как я его понимаю, чувствую, как я на него смотрю. Очень многое изменилось в моем виде спорта, виде, которому я отдала почти тридцать пять лет. Написав эту цифру, вижу, что даже без оговорок мой срок пребывания в фигурном катании совсем не мал.

Всякая книга воспоминаний, естественно, разговор о себе. Очень трудно уберечь себя от самовосхвалений. Я старалась, как могла. Большую часть книги я посвятила людям, с которыми вместе работала, с которыми дружила, с которыми соревновалась. Я рассказываю о тех, кто мне дорог, кто помог мне даже одним только присутствием рядом. Я сознательно не стала говорить о многих известных советских спортсменах, которые не были моими учениками. О них написаны или будут написаны книги, и они сами и их тренеры смогут, конечно, лучше, чем я, рассказать о себе.

Книга уже готова, лежит передо мной, и, придирчиво перечитывая ее, я глубоко убеждена, в ней я не отступила от истины. Фигурное катание — вид спорта, в котором много субъективизма, и найти «золотую середину» здесь непросто. Мне не раз приходилось проигрывать тогда, когда я считала своих учеников сильнейшими. Мне не раз приходилось доказывать, что программам, которые не приняты не только зрителями, но и судьями-профессионалами, принадлежит будущее, и поэтому то, что истина для меня, для кого-то, может быть, наоборот. Но я не ставила себе целью написать учебник по фигурному катанию.

Для любителей спорта фигурное катание всегда будет ассоциироваться с блеском льда в лучах прожектора, нарядными костюмами и приветственными жестами перед камерой. И в этом нет ничего плохого, прекрасно, когда в дом приходит праздник. Но в моей книге праздника мало, потому что я рассказываю о

своей жизни, а она, как и у всех, складывается из будней.

Как любой человек, который в силу своей профессии постоянно находится на виду, я вызываю к себе определенный интерес. Может быть, некоторым кажется, что у меня нет больших проблем. Но не надо забывать, что тренеров обычно показывают по телевизору в минуты триумфа, а минут этих очень мало. Хотя, казалось бы, не мне жаловаться — и все равно их мало.

Награды и почести приходят после больших побед, разочарований, обид, слез (я ведь женщина-тренер), радостей находок и открытий, но прежде всего после огромного труда.

Профессия тренера — трудная профессия. В ней тратится много сил, много нервов, но тот, кто ею занимается, не может уже от нее отказаться, кем бы он ни работал: тренером сборной или детской спортивной школы. Ни у кого нет такой большой семьи, как у тренера. Ведь все ученики, по сути дела, его родные дети. Может быть, моя книга поможет привлечь молодежь в нашу профессию, где дефицит специалистов всегда был острым.

Что помогает мне не оставлять этот нелегкий труд, нескончаемый подъем? Что заставляет меня всегда и везде быть тренером, воспитателем? Наверное, любовь к ученикам. На ней держатся отношения, которые всегда напряжены. Наверное, помогает и врожденное любопытство: что ожидает меня на следующей ступеньке? Но и воспитанное с детства отношение к труду, отношение к делу, за которое взялась, прежде всего.

А главное, что поддерживает меня в самые трудные минуты, — это патриотизм. Победы моих учеников — победы нашей страны, нашего строя, нашего образа жизни. В спорте невозможно быть всегда первым, но стремиться к этому ты обязан.

Заслуженный тренер СССР Татьяна Тарасова

Мой талисман — черепаха

Я никогда не верила в приметы. Да и не приняты были в те времена, когда я выступала, всякого рода амулеты. Но вот мы с Жорой (моим последним партнером Георгием Проскуриным) стали ездить на чемпионаты мира и Европы, и я обратила внимание, что девочки в раздевалке сидят кто с куклой, кто с плюшевой собакой, короче, каждый что-то в руках теребит... А у меня ничего не было. Никаких счастливых примет. Я знала только, что ботинки всегда начинаю шнуровать с левой ноги, но это получалось совершенно автоматически. И если я вдруг проверяла себя, не перепутан ли порядок шнуровки, то всегда успокаивалась, убеждаясь, что магическое воздействие на руки остается неизблемым. Даже если надевала вначале правый ботинок, то все равно шнуровку начинала с левого — и так по несколько раз в день.

А когда перешла на тренерскую работу, то также автоматически неизменно начала шнуровать ботинки с правой ноги...

Ни талисмана в молодые годы не было, ни причуд, мол, надо надевать на старт что-то одно и ни в коем случае не переодеваться. Теперь же во время соревнований я три дня костюм не меняю. Я выбираю себе какое-нибудь удобное платье или специально шью — и начиная с «Нувели» (так фигуристы называют традиционный декабрьский международный турнир на призы газеты «Московские новости»), весь сезон надеваю на все старты только его. Теперь не снимаю на соревнованиях шубы, потому что Букин назвал ее счастливой, хотя Наташа и Андрей тоже не верят в приметы. Но если им кажется, что шуба приносит счастье, я готова носить ее, даже когда в зале от жары начинает плавиться лед.

Мой талисман — латаная-перелатаная кожаная черепашка. Известный тренер сборной ГДР, наставник такой популярной пары, как Уве Гросс и Мануэла Кагельман, Йохан Линднер, который один из первых начал заниматься подкрутками (ими с большим удовольствием и успешно мы все сейчас пользуемся), подошел ко мне, протянул маленькую набивную, обшитую искусственной кожей черепашку и сказал: «Я знаю, она принесет тебе счастье». Черепаха перекочевала в мой карман. Это произошло шестнадцать лет назад на «Нувели», когда после трех недель совместных занятий я выпустила на соревнования свою первую в тренерской жизни пару — Людмилу Суслину и Александра Тихомирова. Почему Линднер сделал мне такой

подарок, не знаю. Он хорошо ко мне относился, а может быть, помнил, как я соревновалась с его парами и хотел теперь пожелать мне удачи.

Эта черепашка объехала со мной весь мир в кармане или сумке. Она небольшая, с ладонь, и много места не занимает. Сшитая из кусочков, черепаха стала рваться, накануне Олимпиады в Лейк-Плэ-сиде я дала ее Родниной, и Ира ее аккуратно подштопала. В сезоне 1982 года я черепашку с собой никуда не брала, чтобы она отдохнула, набралась сил, а накануне чемпионата страны 1983 года отдала починить Наташе Бестемьяновой. Наташа вернула черепаху мне перед чемпионатом Европы, на котором они впервые с Андрюшей завоевали золотые медали.

Маленькая кожаная черепашка положила начало целой

коллекции.

В Саппоро на Олимпийских играх 1972 года, где я впервые была в роли тренера олимпийской сборной, привезла пару Ирину Черняеву и Василия Благова, Юра Овчинников подарил мне 13 февраля, в день моего рождения, черепаху. Он сказал: «Ты сама похожа на черепаху Тортиллу, вот тебе на память игрушечная Тортилла», — и преподнес хорошенькую черепашку, в шапочке и с бусами на шее. Он не знал, что вместе с его подарком у меня дома теперь уже две черепахи. Впрочем, эта парочка дала возможность кому-то пустить слух, что Тарасова собирает черепах, да я и сама стала приглядываться к этим игрушкам и кое-что покупать. Но больше всего мне их дарили. Спортсмены, родные, друзья. Сейчас в моей коллекции больше ста черепах, Саша Зайцев привез мне с Кубы чучело настоящей черепахи, Марина Неёлова нашла для меня стеклянную черепаху в Венеции, моя подруга Ира Возианова купила мне огромную черепаху-подушку в Милане. Большой вклад в коллекцию сделал мой муж, пианист Владимир Крайнев, привозя черепах из всех своих гастролей. Потом черепах стали приносить и Володиные друзья.

Повторов нет никаких. Черепахи бронзовые, золотые, позолоченные, серебряные (серебряную, очень красивую черепаху, мне подарила Ира Роднина), деревянные, матерчатые. Кстати, две огромные матерчатые черепахи-подушки мне в Лейк-Плэсиде подарили на день рождения Роднина и Бестемьянова.

Так и собралась из-за талисмана целая коллекция, может, именно в этом было его предназначение. Коллекция, которую я очень люблю и могу разглядывать, не отрываясь, часами. Я при этом отдыхаю. Правда, моя мама ворчит: «Такое впечатление, что ты не с людьми работаешь, а в зоопарке. Все медали и кубки выставляют на полки, а ты черепах».

Ну и что ж. Я люблю их показывать, люблю ими хвастаться, и теперь все наши знакомые знают — Тарасова коллекционирует черепах.

Что же касается талисманов, то я, как и прежде, не придаю им большого значения, однако кожаная черепашка никогда не бывает забыта дома. На соревнованиях я ее ищу в кармане и сжимаю рукой, когда тяжело стоять или нервничаешь. Надо же что-нибудь сжимать! Сжимаю я ее, беднягу, поэтому она и рвется — от плохого к ней отношения.

Мне кажется, что ни у кого из советских спортсменов амулетов нет. У тренеров есть, например шапка у Чайковской. Впрочем, последние годы она ее не надевает.

Когда-то мне предложили написать книгу о фигурном катании, о том, как я стала тренером, о моих учениках. Я долго

собиралась и, наконец, решилась. В первые месяцы работы над рукописью мой товарищ привез мне из Дюссельдорфа еще один экземпляр (на сей раз керамический) в черепашечье собрание.

Лежит себе такая довольная, отдыхает.

Пусть она принесет удачу будущей книге.

Вступление литзаписчика.

Помочь написать книгу Татьяна Анатольевна предложила мне. Чем определялся ее выбор, не знаю. Возможно, сыграло роль, что я друг дома, возможно, то, что я спортивный журналист, к тому же много писавший об учениках Тарасовой. Скорее всего, сумма этих «достоинств» заставила автора обратиться за помощью именно ко мне. В дальнейшем для упрощения я буду называть нас «автор» и «литзаписчик», как это принято в издательствах. Впрочем, о какой помощи может идти речь, если мои обязанности сводились лишь к расшифровке магнитофонных кассет. В силу крайнего дефицита со временем автор наговаривала на диктофон очередную главу, литзаписчик переводил ее на бумагу и отдавал машинистке. Роль незавидная, но литзаписчик ее не стыдился, так как получал большое удовольствие от бесед с автором, и надеется, что читатель с ним согласится.

Казалось бы, все, что здесь записано, можно было наговорить за неделю. Литзаписчик же таскался с диктофоном без малого год. Помимо непосредственной работы автор постоянно занята устройством жизни всех своих учеников и друзей, все это делает ее неуловимой. Те немногие часы, когда автор дома и никаких срочных дел у нее нет, обычно тоже не могли использоваться для работы над книгой, потому что дом Крайнева — Тарасовой, когда в нем хозяева, тут же наполняется друзьями...

Когда-то Наташа Бестемьянова сказала: «Самое мое любимое время — время осени, когда программа уже поставлена и остается лишь ждать соревнований».

Жизнь тренера по фигурному катанию четко циклична, и каждый цикл — это время года. Весна — окончание очередного сезона. Затем турне, подбор музыки к новым программам, поиск новых элементов, совершенствование техники. Весной можно хоть каждый вечер ходить в театр, на концерты, в кино. Лето — самое напряженное время. Постановочный период. Работа с утра и до позднего вечера. Нервы. Срывы. Страх перед предстоящей оценкой программы.

Осень — встреча со сборной, первые показательные выступления, изменения и доработки в постановках. Зима начинается с турнира «Московские новости», и дальше старт за стартом. Чемпионат СССР, чемпионат Европы, чемпионат мира.

Замкнутый, непрерывный круг.

За рукопись будущей книги литзаписчик взялся осенью. Настроение автора казалось замечательным, ею подготовлено

около десятка показательных номеров для трех лучших пар, обговорен план совместной работы с литзаписчиком, все друзья живы-здоровы. Автор и литзаписчик договариваются встретиться в Харькове, чтобы записать первые главы. Автор прилетает в Харьков из Запорожья. Литзаписчик и муж автора — Владимир Крайнев приезжают из Москвы. Так совпало, что у Крайнева в Харькове концерт, к тому же он родился в этом городе и здесь же начал учиться музыке.

До концерта гостиничный номер, где живет автор со своим мужем, наполнен цветами, родственниками, харьковскими друзьями. Их очень много. Автор обязана всех принять, иначе кто-то может обидеться, поэтому ни о какой записи и речи быть не может. Наконец, концерт. Успех у Крайнева сумасшедший. В гостинице еще больше, чем было, цветов, друзей, родственников. На следующий день он уезжает в Москву.

Мама не пропускала ни одного моего соревнования

Но теперь у сборной начинаются прокаты. Ни о какой записи главы и заикнуться нельзя. Литзаписчик не солоно хлебавши возвращается в Москву.

Зима, не очень морозная в том году, незаметно пролетела в соревнованиях, поздравлениях, обещаниях, главное, в долгих разговорах автора и литзаписчика, какую интересную книгу они способны написать. Однако кое-что уже легло в тоненькую пока папку с придуманным еще осенью заголовком «Четыре времени года».

Наконец, автор возвращается после чемпионата мира в Москву. Зима закончена, спортсмены уехали в турне. Литзаписчик не поехал в интересную командировку, чтобы успеть со своей работой, но наступила весна.

А весна — трудное время. Надо придумывать, надо искать. Год-то олимпийский, никто этого понять не хочет, в том числе и

литзаписчик, который пристаёт со своими вопросами. В начале весны в квартире у автора поселяется друг ее детства — Юрий Овчинников. Когда-то муж автора высказал мысль о создании ледового шоу, в котором могли бы собраться все лучшие фигуристы страны, ушедшие из спорта. По наивной мечте мужа, этот поток должен был увлечь и его жену, то есть автора. Отталкиваясь от ложной посылки, муж резонно полагал, что место художественного руководителя подобного шоу могло бы отвлечь его жену от спорта. При существующем положении дел, то есть при его гастролях, а ее разъездах и соревнованиях, встречи супругов сведены к минимуму. Однако жена из спорта не ушла, но возможность создания такого коллектива становилась реальностью, так как группа известных фигуристов прекратила участвовать в соревнованиях, но прощаться со льдом не торопилась. Это Игорь Бобрин, Ирина Воробьева и Игорь Лисовский, Елена Гаранина и Игорь Завозин, Наталья Карамышева и Ростислав Синицин. Теперь на кухне, где обычно записывались главы, идет шумное обсуждение судьбы будущего коллектива, его программа и репертуар.

Автор уезжает в Италию, потом во Францию, собирается в Финляндию, тем не менее еще несколько кассет, записанных в промежутке между поиском музыки и базы для нового коллектива, у литзаписчика остаются. Так наступило лето.

Лето в том году было отмечено населением столицы как одно из самых дождливых, а литзаписчиком как рекордное по количеству дней отсутствия автора в Москве.

У лета есть одна, всем известная особенность: оно пролетает стремительно и незаметно. Наступила осень. Обычно покладистый и спокойный литзаписчик стал нервничать и проявлять признаки возмущения.

В начале зимы рукопись полагалось сдать в издательство. Теперь главы записывались в самых невероятных местах. Так, например, рассказ о великих фигуристах был надиктован в машине по дороге в Дом моды к Вячеславу Зайцеву на просмотр новых моделей. Литзаписчик сидел за рулем, автор перемешивала рассказ с указанием, как ехать кратчайшим путем, литзаписчик упорно, по вполне понятным соображениям, не сворачивал с забитых магистралей.

В Москве уже шел дождь пополам со снегом, когда заполнялись последние кассеты. Наташа Бестемьянова и Андрей Букин вовсю отплясывали на льду крытого катка стадиона Юных пионеров русский танец, готовясь к поездке сперва в Будапешт, затем в Сараево. С первым снегом литзаписчик удрал из Москвы. Времени, чтобы доделать рукопись, ему было выделено совсем

немного...

Литзаписчик перед отъездом прощался с катком на стадионе Юных пионеров. Больше года он приезжал сюда регулярно, как на тренировку, чтобы забрать автора и отвезти ее домой, устроиться на кухне, поставив перед ней, чистившей картошку или нарезавшей салат, диктофон. Литзаписчик привык к этому стадиону и несомненно будет скучать без него.

Но пора уже переходить к воспоминаниям автора, переходить, собственно говоря, именно к тому, ради чего было написано вступление литзаписчика.

Виталий Мелик-Карамов

Стадион юных пионеров

Нет места в Москве дороже и любимее. Здесь, я знаю, нужна людям, здесь мои ученики, здесь я провела большую часть своей жизни.

Какое счастье — возвращаться из поездки на родной каток. Стадион Юных пионеров — это моя жизнь.

Я сейчас иду по СЮПу, как шла и тридцать лет назад, по Центральной аллее мимо бюста Ленина, но как изменился мой СЮП! Слева от меня те же невысокие трибуны стадиона, но теперь на поле положен искусственный газон, а справа тянется длинное прозрачное здание крытого манежа для легкоатлетов и, наконец, глухой прямоугольник нашего крытого катка. Народу на СЮПе значительно поубавилось, хотя вроде бы детей сейчас рождается больше, чем раньше.

На СЮПе прошло мое детство. Кататься я начала в пять лет, но в детском парке имени Дзержинского, на катке, чуть побольше, чем две комнаты обычной квартиры, у Самсона Вульфовича Гляйзера и Ларисы Яковлевны Новожиловой. Но настоящий спорт — занятие по ОФП, хореографии, тренировки на льду — все это я узнала уже на СЮПе.

Что представлял собой в те годы каток на СЮПе? Их было два. Один и тогда, тридцать лет назад, был закрытый, с искусственным льдом, но площадка значительно меньше нынешней, и право кататься на нем имели лишь лучшие спортсмены. Остальные занимались на открытом стадионе, К катку примыкала теплушка. В ней стояли старинные кресла, висело огромное зеркало в раме. Уроки хореографии проходили на другом конце стадиона, в Доме физкультуры, перестроенной церкви, где на втором этаже тренировались гимнасты и акробаты, внизу расположился зал хореографии, с зеркалами и станком вдоль стены. Мотались мы и на трек, погонять на велосипеде.

На СЮПе всегда было шумно и везде бегал народ. Кто в волейбол играет, кто в баскетбол. Зимой каток на стадионе заливали не только для фигуристов, по краям были проложены дорожки для конькобежцев. С конькобежцами фигуристы дружили — они целый день на льду и мы тоже. Иногда нам, совершенно незаслуженным, выпадали занятия на маленьком пятакке искусственного льда — они приходили как награды, их не пропускали.

Моя сестра на тренировке у отца

Ах, уже нет сейчас того, что было,— выходишь из теплушки, кружатся вокруг крупные хлопья снега, и ты идешь на лед такая гордая, на коньках в самодельных чехлах, на тебе свитер, который связала бабушка, папина мама Екатерина Харитоновна, идешь под музыку по синему снегу к площадке. Каждый вечер — праздник. Музыка грохотала до двенадцати ночи, из соседних домов жильцы писали жалобы. Мы разойтись по домам не могли. Нам не хватало льда.

Я начинала на СЮПе в одной группе с Милой Пахомовой у Александры Ивановны Нарядчиковой, с самого начала мы считались у нашего тренера абсолютно бесперспективными, только «артистками хорошими» (не в лучшем смысле этого словосочетания). . .

Тем не менее в группа Нарядчиковой, несмотря на отсутствие способностей, мы обе, как нам казалось, процветали. Сами ставили себе программы и изображали черт знает что. Но потом действительно выдвинулись, и в пятнадцать лет нас с Милой забрал к себе Виктор Иванович Рыжкин, молодой, но уже известный тогда тренер.

Попасть на СЮП в середине пятидесятых годов задача была очень сложная. И за меня и за Милу хлопотали отцы. Отец у Милы был летчик, Герой Советского Союза, генерал, он умер очень молодым, лет сорока. Просили они Татьяну Александровну Толмачеву, старшего тренера по фигурному катанию, на СЮПе она тогда, можно сказать, «возглавляла» тренерский корпус в нашем фигурном катании, во всяком случае, была одним из самых известных тренеров в стране, тренером чемпионов. Татьяна Немцова, Елена Осипова (Чайковская), Ирина Люлякова,

Александр Веденин, Сергей Четверухин — вот неполный список ее учеников. Она работала исключительно с одиночниками. Нас к себе она, конечно, не взяла, большого впечатления мы с Милой на нее не произвели.

Татьяна Александровна была хозяйкой на СЮПе. Прошло с тех пор почти двадцать лет, а я до сих пор слышу ее голос, который звенел над стадионом и был слышен, как только выходишь из трамвая. Раньше работали с мегафоном, сидя в будке, подобной караульной,— катки были открытые, холод страшный,— Толмачева кричала, возмущалась, руководила. Услышать ее можно было в любое время дня и ночи. Казалось, что она со стадиона вообще не уходит.

Фанатичная в работе, она, занимаясь со своим последним учеником, Владимиром -Ковалевым, приходила на стадион минут на двадцать-тридцать раньше Володи. Старенькая, с палочкой, она в полной темноте — одиночники начинают свои тренировки раньше всех— брела от метро к стадиону.

На СЮП на просмотр меня привела мама, и я показала все, на что была способна, после чего и была определена к тренеру Нарядчиковой, заодно получив расписание тренировок. Мне шел седьмой год. После просмотра больше на СЮП со мной на тренировки никто из родителей не приезжал. Других же в группе сопровождал кто-то из взрослых. Мамы, бабушки, няни стояли за загородкой и давали советы, одевали разомлевших в тепле фигуристов. В шестилетнем возрасте я довольно спокойно ездила одна по Москве в общественном транспорте и не терпела рядом с собой провожатых. С двух лет я жила и живу по сей день, только в другой квартире, в доме рядом со станцией метро «Сокол», и от него до Беговой, где расположен СЮП, ходил по прямой, не сворачивая, 23-й номер трамвая. Давали мне десять копеек на расходы, и я, очень самостоятельная, собирала сама сумку и отправлялась на тренировку. Деньги не экономила, всегда покупала в трамвае билет. «Зайцем» ездить не могла. Мне казалось, что у меня на лице написано, что я не заплатила за проезд.

Потом, уже на соревнования, начала приходить мама. Отец появился на трибуне, когда мне уже исполнилось четырнадцать лет. У нас проходили соревнования, и я выполнила на них норму первого разряда. Следующий его визит на соревнования фигуристов, в которых участвовала дочка, состоялся спустя еще четыре года, во Дворце спорта в Лужниках.

В четырнадцать лет я входила а команду фигуристов московского «Труда», и меня взяли на юг, на тренировочный сбор. О, какой восторг и упоенье! Завязались под южным небом первые

романы, с утра и до ночи я ела фрукты, периодически посылая родителям телеграммы, чтобы они выслали еще хотя бы три рубля.

Без СЮПа я не могла представить свою дальнейшую судьбу. И мне выпало огромное счастье, когда после недолгих мытарств в ЦСКА меня, девятнадцатилетнюю, взял на работу Вячеслав Васильевич Хатунцев, тогдашний председатель спортобщества «Труд», и определил тренером на СЮП. Для тренерской деятельности я не имела ничего, в том числе и образования, было одно страстное желание работать. И вот я снова вместе с парами, вместе с танцорами оказалась на том же открытом катке. Закрытый, искусственный, все еще принадлежал одиночникам и чемпионам.

Новый каток строился очень долго, и построен не очень толково. Зал для хореографии и общефизической подготовки всего лишь один, раздевалок мало, дневной свет на лед почти не попадает, искусственное освещение слабое. Нет тренерской комнаты. Каток примыкает к легкоатлетическому манежу, в котором есть то, чего нет у нас,— много света и воздуха. Мы ждали, что сначала начнут строить каток, но вышло наоборот. Манеж теперь часто пустует, на него затрачены, кстати, те же деньги, что и на наше неказистое сооружение, а мы выкраиваем время, чтобы могло пройти как можно больше фигуристов. Но все равно он самый родной и любимый — наш каток.

Любовь к своему стадиону и катку настолько крепка в сюповцах-фигуристах, что когда открывался новый каток, на торжество собрались все, кто когда-то тренировался на старенькой площадке. Меня много раз приглашали работать тренером в ЦСКА и «Динамо», но изменить СЮПу я не могу. На СЮП я прихожу, как к себе в дом, где тебе удобно, где знаком каждый уголок, где с тобой здороваются даже самые маленькие фигуристы, и ты видишь в них родных для себя людей.

На новом катке сохранились традиции устраивать прекрасные елки, проводить по праздникам показательные выступления для родителей.

31 декабря у нас обычно две тренировки, а в шесть часов вечера мы приглашаем на каток всех близких нам людей и всех тех, кто раньше катался на этом льду, приглашаем выпить с нами бокал шампанского, пожелать успехов в новом году.

Мои родители

Моя семья — это начало начал моей тренерской биографии. Моя семья — с ее дисциплиной, подчинением всего в жизни главной цели, дружбой, связывающей всех ее членов, — помогла мне после травмы вернуться на лед тренером. Огромная доля в создании моей биографии принадлежит нежной, настойчивой, а когда надо, суровой маме, но особенно важна роль отца, пример его жизни. Тем не менее рассказ о родителях я хочу начать с мамы.

Мама живет в таком ритме, что, мне кажется, если б я попробовала его на себе, то вскоре бы умерла. Работать она пошла с шестнадцати лет: воспитательницей, пионервожатой... Ей сейчас 66 лет, на пенсию ее долго не отпускали, и ушла она лишь в шестьдесят, набрав стаж сорок четыре года. Работать приходилось и летом, в дни каникул, когда училась в институте. В семье их было три сестры, брат погиб на фронте, и жилось, прямо скажем, нелегко.

Мама — это продолжение бабушки. А бабушка была уникальным человеком. Звали ее Валентина Константиновна. Доброты необыкновенной, порой казалось, что чужих она любила больше, чем своих. Она вырастила нескольких девочек, помимо своих детей, и они теперь нам — как родные тетки, а их дети — как братья и сестры. Бабушка могла отдать последнее. Ничего не жалела, никого не ругала. И я вижу, что у матери очень много бабушкиных черт, и чем она становится старше, тем больше на нее похожа, по отношению к людям, к семье, друзьям. По абсолютной честности. Маме вечно некогда, она все время что-то делает, а главное, все время кому-то помогает.

Она у нас основа семьи. Ее слово для нас закон. Мы боимся ее расстроить. По сей день я стараюсь не показываться ей на глаза с сигаретой, не столько из-за того, что она огорчится, сколько из-за страха. Мы ее побаиваемся. И сестра, и я. Хотя отец и знаменит своим крутым характером, мы его не боимся, а перед матерью трепещем, глядя ей в глаза, никто не может соврать.

Наша учеба никогда не обсуждалась дома. Само собой разумеется — учиться полагается хорошо. А вот уборка квартиры, натирка полов, стирка — это лежало на нас, и мать железно контролировала домашнюю работу. Нам было запрещено приходить домой после десяти, когда подросли — после одиннадцати часов. Никогда мама нас не наряжала, ничего лишнего мы с сестрой не имели, хотя возможности тогда в семье уже появились, и время изменилось, наши подружки начали расхаживать с золотыми сережками или колечками. У нас ничего подобного не было, впрочем, как и у самой мамы. В семье такие украшения не признавались.

Мать прожила с отцом, таким знаменитым и популярным, огромную жизнь. Они поженились в двадцать один год. И все годы мать была для отца опорой.

Как мама переживала все отцовские матчи! Она имела возможность довольно часто ездить с отцом за границу, но воспользовалась этим правом всего два раза. Она боялась отца потревожить. Безумно боялась неизбежных на эту тему разговоров, тем более если команда вдруг проиграет. Часто жены или мужа вмешиваются в работу тренера — мать не делала этого никогда. Все ее «вмешательство» заключалось в том, что ей звонили жены хоккеистов, плакались, отец за что-то их ругал, и мама долго наставляла их на путь истинный. И друзья моей сестры Гали, и мои друзья знают, что за человек наша мама — Нина Григорьевна.

Последние пять лет у нее на руках осталась бабушка. Хотя бабушка жила у Гали, но сестра и ее муж работали, и мама по пять раз на день строго по часам и точно по диете кормила бабушку, подолгу разговаривала с ней, рассказывала о наших делах. Бабушка уже плохо слышала, и маме приходилось кричать, мама выискивала интересные для нее книги, так как бабушка до последнего дня читала, правда, с громадной лупой. Входя в ее комнату, можно было видеть такую идиллическую картину: у окна, сжавшись в комочек, сидит бабушка в косыночке и с лупой в руке. Лицо совершенно просветленное. Из-за бабушки мама никуда надолго уехать не могла. Ухаживать за ней она считала только своей обязанностью, хотя близких у нас много.

Я воспитывалась мамой и двумя бабушками. Отец всегда был или на соревнованиях, или на сборах, он не «вылезал» из своего хоккея, и все «радости» моего ращения легли прежде всего на маму. Колготаясь с двумя дочерьми, работая, она еще успевала следить за тем, чтобы, когда отец возвращался домой, он мог отдохнуть в уютной, доброй обстановке. Сейчас я вижу, что мама все в жизни делала правильно и, не боюсь показаться нескромной, даже меня сумела правильно воспитать, хотя это была нелегкая задача. У нас очень цельная семья, мы живем в постоянном общении с родными. Сейчас подобное тяготение не принято, а мы собираемся вместе не только по праздникам. Мы просто любим друг друга — это тоже заслуга матери.

Нет дня, чтобы вечером, в половине седьмого, за полчаса до второй тренировки, она бы не позвонила мне и не спросила, как я себя чувствую, не болит ли у меня голова, не нужны ли мне лекарства, не надо ли пригласить медсестру, чтобы сделали укол, но под конец обязательно скажет: «Танечка, ты не опаздываешь?» Это уже «наследие» отца. Она не понимает, как тренер может не

поехать на тренировку. На работу надо ходить, даже если умираешь, при любой температуре, потому что нельзя оставлять людей, о которых заботишься. Когда я говорю, что очень устала или что очень плохо себя чувствую,— эти жалобы принимаются с состраданием, но если я скажу, что у кого-то из ребят болит нога, мама приходит в волнение: «Что же ты сидишь, надо что-то делать, надо искать врача-специалиста». У нас в семье не принято в первую очередь заниматься собой. Но стоит мне сказать, что я вечером, после тренировки, поеду к подруге, как мама тут же вспомнит, что я очень устала, очень плохо себя чувствую и мне надо полежать.

Раньше мама не пропускала ни одного моего соревнования, потом ни одного соревнования моих учеников, если оно проходило в Москве, сейчас она уже не успевает. У нее свой взгляд на мои постановки. Она считает, что у меня сильный уклон в сторону драматизма, а народ пришел не для того, чтобы грустить. «Почему четырнадцать тысяч зрителей московского Дворца спорта должны грустить, — рассуждает мама, — это неправильно. Хочется чего-то веселого, легкого. Вот посмотри— «цыганочка», замечательный танец». Этими разговорами она меня порой так донимает, что я выхожу из себя и с ней на время порчу отношения. Она понимает, что танцы должны быть разноплановые, что драматический танец сильнее комического, но все равно аккуратно выпрашивает, какую музыку я взяла: «Фу, гадость — рок-н-ролл» или «Русскую, вот это хорошо», «цыганочку» делаешь, ну, просто прелесть». А потом: «Посмотри, посмотри, я, конечно, ничего сказать не хочу, но после «цыганочки» все браво кричат, и всем так нравится, и на душе у всех хорошо. Вы выступаете последним номером (мои ученики долгое время закрывали программу показательных выступлений), значит, люди должны уходить с хорошим настроением. А то и на работе люди устают, и от забот, к тому же любят ужасы всякие друг другу рассказывать, на каток пришли отдохнуть— и танцы грустные мысли навевают. Смотреть это совершенно нежелательно. Хочется смотреть на то, от чего душа радуется. Что-нибудь веселое!»

Мама прочла черновики моих записей и возмутилась: «Что ж ты пишешь, что я тебя била, я пальцем до тебя не дотрагивалась». А на самом деле — лупила. Она потом сама объясняла, что я относилась к тем детям, которых не драть было невозможно. Я абсолютно ее не слушалась, а по повадкам напоминала мальчишку. Дома я покорно принимала любые наставления, кивала головой, но как только за мной закрывалась дверь, я сразу обо всем забывала. Часами, несмотря на строжайший запрет,

сидела в трубах. Около нашего дома прятали под землю речку Таракановку, и залезать в приготовленные для этого трубы почему-то приносило огромное наслаждение. Потом где-нибудь в последней трубе, слышишь, орут: «Танька, тебя мать ищет!» Выбираешься долго-долго, но в конце трубы тебя за шиворот моментально выволакивают. Мама старалась хотя бы через двор пройти спокойно, но, как правило, не выдерживала и, не доходя до нашего подъезда, начинала мутузить.

Вещами меня не баловали, но когда отец привозил что-то новое — со мной сразу же случалась какая-нибудь неприятность. Отец купил мне в Праге ботинки — так ребята бросили меня в них в стоявшее во дворе огромное металлическое корыто с остывающим варом.

Я тут же к нему прилипла. Довольно скоро все разбежались, потому что всяческие попытки меня вытащить были безуспешны. Полчаса я стояла в этой ванне, ноги по щиколотку в вар засосало. Ботиночки были красненькие на белом каучуке. Наконец, мама увидела меня с балкона. Прибежала. Что делать — неизвестно, хоть снова огонь разжигай, чтобы вар расплавить. Протянула она мне палку и со страшными усилиями вытащила. Я ноги еле-еле после этой ванны передвигала. За ботиночки мне, естественно, попало.

Не везло с обновками. Только пальто светлое купили, выпустили на улицу — прислонилась к столбу, он, конечно, крашеный. Эти несчастья преследовали меня очень долго. Когда я уже на свои, заработанные деньги сшила себе первую шубку, мне шел тогда восемнадцатый год, и отправилась в ней кататься с горки, то вернулась домой в шубке без обоих рукавов — так гуляли, что я их оторвала.

Со мной моим родителям трудно было соскучиться. Когда мы попали в сильную аварию — пострадала только я, правда, через два дня после этого мы уже ехали (я с перебинтованной головой) в Москву в той же машине.

Отец научил меня плавать самым простым и самым непедagogическим способом — выбросил пятилетнюю из лодки.

Жили мы с Галей летом на даче у бабушки, маминой мамы, под Серпуховом, папа с мамой отдыхали на юге, как правило, без нас. Мама приезжала на дачу часто. Отец совсем редко. В один из таких приездов он взял меня к себе на велосипед, чтобы покатать, у меня тут же нога попала в спицы.

Я купила машину, какое-то время ездила на ней сама. Мама, зная мое отношение к новым вещам, сразу же, как я только отъезжала от дома, начинала звонить во все места. Я не успевала добраться до катка «Кристалл», как раздавался звонок Нины

Григорьевны. Не успевала я доехать до какой-нибудь подружки, как она уже говорила с ней по телефону, обязательно в начале разговора подробно расспросив о жизни и здоровье всей семьи: детей, мужей, мам и бабушек — мать знала всех, потом, как бы между прочим, интересовалась, приехала ли я и долго ли еще собираюсь там находиться. Она так переживала и нервничала, когда видела меня за рулем, что я не выдержала и продала машину.

Дело, наверное, даже и не в машине. Волнуется и звонит она всегда. Я замужем. Но все равно, стоит мне переступить порог квартиры своих друзей или знакомых, как Нина Григорьевна справляется по телефону, когда я собираюсь вернуться домой. Находит она меня моментально!

Можно подумать, что ее любимое занятие — ремонт. Она на даче, когда отец уезжал, делала ремонт, проводила воду, перестраивала дом. Под ее руководством капитально ремонтировалась моя квартира, потом наша с Володей квартира, квартира Гали. Все заняты, всем неохота возиться с таким тяжелым делом, как ремонт. Одна Нина Григорьевна его не боится.

Она единственная в семье не ест после шести вечера. Из каждой поездки на юг она обязательно привозит подругу, которая у нее остается подружкой на всю жизнь. Весь пляж делает под ее руководством по утрам зарядку, женщины занимаются с ней физкультурой. Желающих она учит и выучивает плавать. Так она обычно проводит свой отдых.

Мне исполнилось десять лет, когда у матери случился инфаркт при двустороннем воспалении легких. Я еще мало что понимала в болезнях, ясно было одно: мама умирает, и неизвестно, смогут ли ее спасти. Отец ничего не знал, он уехал с командой в Канаду, маму с трудом выносили. Ей тогда исполнилось тридцать девять лет. Через десятилетие у нее прошла еще одна полоса тяжелых болезней. И тем не менее сейчас она выглядит моложе нас с сестрой, она легче на подъем. Ей ничего не стоит съездить из одного конца города в другой — поднялась и поехала. Широким шагом, всегда в ботинках на размер больше, она успевает в день накручивать столько километров, что я не раз советовала ей пользоваться спидометром для подсчета личных выдающихся результатов. На маминых плечах, помимо заботы об отце и бабушке, когда та была жива, забот о моем доме — нас с мужем часто не бывает в Москве, — лежит и забота о всех моих спортсменах. Те отвечают ей большой привязанностью и за глаза называют «наша мама».

Росли мы с сестрой, как я уже говорила, довольно

самостоятельно, без постоянных нравоучений. Самый страшный родительский гнев я пережила в восьмом классе, когда решила выделять больше времени для тренировок и по совету своей ближайшей подруги Иры Люляковой ушла в школу рабочей молодежи. В ту самую, где уже работала лаборанткой сестра Галя, которая всегда стремилась в школьные учителя. После первой четверти, проведенной в общеобразовательной школе, я подошла к директору и сказала, что уйду в школу рабочей молодежи. Он почему-то сразу отдал мне документы. Я с большим успехом начала с ноября посещать занятия, всего лишь три раза в неделю, в новой школе. И только в феврале — марте мама поинтересовалась: «Ты почему последнее время дома утром сидишь, почему не в школе?» — «Мама, — отвечаю, — я с ноября совсем в другой школе учусь...»

Мама долго бушевала, потом успокоилась. А мы в нашу 18-ю школу, где учились ребята из ансамбля Игоря Александровича Моисеева, из художественного училища и фигуристы, чинно приходили днем на занятия в школьной форме и фартуках, с нами занимались замечательные педагоги, и вся разница с обычной школой заключалась только в том, что в классе нас оказывалось максимум восемь человек, естественно, программа изучалась и качественнее и быстрее, по сравнению с классом, где сидит тридцать-сорок учеников. Такое мизерное количество одноклассников, как ни странно, позволяло нам довольно часто прогуливать занятия. Правда, мама один раз сходила туда с дневной проверкой и вечером меня спрашивает: «Таня, где ты была с утра?» — «А какой сегодня день недели?» — задаю тут же я ответный вопрос, соображая, к чему это она клонит. «Четверг». — «Где же мне быть, как не в школе», — не задумываясь, говорю я и тут же нарываюсь на взбучку.

Мамино «рукоприкладство» шло скорее от бессилия со мной справиться. Ведь она бесконечно добрый и мягкий человек. Очень любила встречать меня и провожать. А я, как отец, не терплю, когда провожают, хотя нравится, если приходят встречать. Минуты томления во время проводов на вокзале или в аэропорту, когда уже все сказано и все перецеловались, одинаково мучительны как для отъезжающего, так и для провожающего. Мама обижалась, что я отказываюсь от ее услуг, конечно, ей спокойнее дать последние напутствия дочке у вагона, а не за час до отъезда, но я ничего с собой поделать не могла.

Родители нам доверяли, не вмешивались в наши дела. Лишь однажды, когда я поняла, что из спорта надо уходить, и решила пойти по стопам своей подруги Иры

Даниловой, которая из фигурного катания ушла в

Государственный ансамбль народного танца СССР, отец круто поломал все мои радужные планы (в них, кстати, входила и мечта поступить в ГИТИС, на балетмейстерское отделение).

Он сказал, что актрис в семье не было и никогда не будет.

Я поступила по его настоянию в институт физкультуры, где училась долго и довольно безобразно. Впрочем, в фигурное катание ведь тоже определил меня отец: «Уж если родилась девочкой, то хоть на коньках стоять будет».

И мою дальнейшую судьбу после вынужденного прекращения занятий спортом определил отец. Тренером я не думала становиться, но он посоветовал заняться именно этим делом, сказав, что в профессии тренера я найду себя, найду счастье, найду все, о чем могу мечтать в жизни. Я плохо себе представляла свое будущее. Что такое быть сильным спортсменом, я уже испытала, а вот тренером?..

Я росла двигательной способной девочкой. Я лучше всех прыгала, бегала, имела почти по всем видам легкой атлетики третий-второй разряд, прилично прыгала с вышки в воду. Летом для фигуристов проводился чемпионат по легкоатлетическим видам, и мы с Милой Пахомовой обычно шли в лидерах. Проигрывать я страшно не любила — важнейшее для спортсмена качество. Не знаю, как сложилась бы моя спортивная карьера, если бы не травма. Морально она меня надломила. До травмы я страха не знала. Тренироваться любила самозабвенно, но эта любовь пришла не сразу.

Как сейчас, я помню тот день на стадионе Юных пионеров. Мы уже перешли на двухразовые тренировки. Мне четырнадцать лет. Весь вечер идет крупный снег. Я катаюсь, катаюсь, получаю от занятий невероятное наслаждение. Уходить со льда не хочется. Утомленная до предела, я впервые поняла, что счастье наступает тогда, когда ты уже на границе собственных сил, а у тебя все получается.

В свое время отец не хотел, чтобы я занималась в ЦСКА, то есть там, где он работает. Не хотел лишних разговоров. Мне, маленькой, из всех московских катков проще всего было доезжать до СЮПа, он меня и устроил туда. Второй раз пришел на каток через много лет,

Не надоедал моим тренерам советами, как надо работать, хотя уже тогда был популярнейшим в стране тренером. Конечно, отец целиком отдавался своему делу, но я видела, как он счастлив, что я увлечена спортом. Галю тоже определили в фигурное катание, но ходила она туда недолго. У нее болело в детстве сердце, к тому же ей куда больше нравилось читать, она любила поэзию. Она тоже шла к своей цели — мечтала и стала

учительницей литературы.

Я у отца была вместо сына. Я и в футбол в детстве здорово играла, и воспитывалась, как мальчик. И так сейчас приятно, потому что я вижу: он гордится мною и очень хочет, чтобы мои ученики были всегда первыми.

Для него, кроме тренерского дела, ничего на свете не существовало. Он говорил: работа тренера сродни труду шахтера. Тренер, как и шахтер, все время пробивается вперед в абсолютной темноте. И отец работал действительно по-шахтерски. Он приходил домой с катка измочаленный до такой степени, будто вернулся после тяжелой физической работы. И все же труд отца я бы отнесла к умственным занятиям. Тренер обязан быть замечательным психологом. Отец обладал этим даром в полной мере. К тому же свои уроки он проводил очень эмоционально.

Суммируя все высказывания отца, можно сказать, что тренерская профессия — это творческая работа вместе с педагогической деятельностью. Но самое главное заключается в том, что эта работа — основной смысл всей отцовской жизни.

Теперь точно так же я могу сказать и о себе.

Отец знал досконально каждого своего хоккеиста. Каждого. Знал и чувствовал.

С тех пор как отец ушел на пенсию, он занялся выращиванием на даче цветов. Все, за что он берется, должно в итоге превратиться во что-то грандиозное. Я не знаю, сколько у нас цветет весной тюльпанов. По-моему, несколько тысяч. В сад залезают мальчишки и обрывают немалую их часть. Но даже оставшиеся цветы некуда ставить ни дома, ни на даче. Он развозит их нянечкам, врачам в ЦСКА, дарит всем тем, кто его любит и кого он любит. Мама сбивается с ног, разнося десятки его букетов. А он продолжает что-то еще сажать необычное, из другой климатической зоны или полушария. У него это «необычное» то растет, то не растет, но он, не унывая, носится по участку в наколенниках и в майке, на спине у него написано «тренер». Забор залатан старыми поломанными клюшками, и все кустики подвязаны к клюшкам, и калитка собрана из клюшек.

Как истинно талантливый человек, он все делает по-своему. Любой куст, любое дерево он будет сажать так, как никто не сажает. Пусть не растет, но воткнет в землю он все равно по-своему. Рад, когда мы приезжаем, безгранично. Топит баню. Рядом с баней стоит огромная бочка, сделанная по его заказу. И так смешно и трогательно видеть, когда он в ней купается, выпрыгнет из парной огромная туша и падает в эту бадью.

В Москве отец бывает два-три раза в неделю. Летом и зимой живет на даче. И друзья к нему туда приезжают. И пишет он там.

Пишет постоянно и очень много. Все на даче сделано его руками — от вешалки до самого дома.

Он до всего доходил сам. Образования у него институтского не было. Отцу долго не разрешали защищать кандидатскую диссертацию из-за отсутствия диплома, он кончил лишь высшую школу тренеров. Там, кстати, он и познакомился с моей мамой, которая, правда, училась не в ВШТ, а в институте физкультуры, но занятия у них проходили в одном здании на улице Казакова.

Мама в институт приехала из Тульской области. Она выросла в спортивной семье — все увлекались лыжами. Мамина сестра Галя, которая тоже закончила институт физкультуры, тридцать лет проработала учительницей в одной и той же школе в Подлипках.

Познакомились родители перед войной, в 1984 году, первого августа, они отметили сорокапятилетие со дня свадьбы.

Отец никогда не говорил о себе как о человеке, стоявшем у истоков зарождения хоккея с шайбой в нашей стране. Тем более я никогда от него не слышала, что он у нас один из родоначальников этой игры и поднял ее до международного уровня, хотя так считают многие. У отца совсем другие измерения своего места в хоккее. И свою цену в нем он, безусловно, знает.

Он — патриот, и для него каждый международный матч превращается в ситуацию, похожую на военную. В бой! Не знаю, правильно это или нет, у меня несколько другие методы, но для него это органично. Он так убедителен во всем, что делает, что когда он с тобой разговаривает, понимаешь — по-другому нельзя. У отца огромная сила убеждения. И на собраниях, определяющих предыгровой настрой, спортсмены ему верили.

Когда отец оставил хоккей, то взялся тренировать футбольную команду ЦСКА. Дома он уверял, что ему это по силам. Но заниматься с футболистами он уже не мог. Отец не в состоянии был бегать, ноги не выдерживали его массы. Так успевать, как он успевал на коньках в коробке 30 на 60 метров (он всегда на тренировках стоял на коньках), на 110-метровом поле не получалось. А один из важнейших законов тренировки: не только идти вровень со спортсменами, но и быть чуть впереди них. «Впереди» у отца уже не получалось.

Что бы там ни было, но те недолгие тренировки, когда отец работал футбольным тренером, собирали уйму народа, даже хоккеисты на них прибегали, потому что уроки отца всегда необыкновенно интересны.

Свою хоккейную систему он оттачивал, доводил и шлифовал десятилетиями. Это глубоко продуманная и отработанная система. И, мне кажется, здесь правомочно сравнение: если театр

живет системой Станиславского, то хоккей — системой Тарасова.

Он и в футболе мог бы многое сделать, впрочем, как и в любом деле, за которое брался, если бы не большая нога, если бы смог лет десять проработать тренером. Я уверена, что и в футболе, где есть свои законы, родилась бы система Тарасова.

Хотя отец в наши детские годы был одной из самых популярных фигур в стране, на нас с сестрой Галей это никак не отражалось. Мы занимались своими делами и помощи от него никакой не ожидали. Я стремилась достичь первых мест в спорте, но мне это не удалось. Правда, золото на Всемирной универсиаде и медали на чемпионате Советского Союза я выигрывала, но большой популярности как спортсменка не приобрела. Когда начала работать тренером, может быть, звание «дочка Тарасова» на первом этапе помогло, но признания добивалась сама. В нашем деле и не может быть иначе. По знакомству или по наследству хорошим тренером не станешь. Теперь уже многие из болельщиков и не знают, что я дочь «того самого хоккейного» тренера.

У нас в доме не обращают внимание на то, кто в каких наградах и орденах. Вчерашний день не помним. «Тебя вечером носили на руках, — говорил отец, — а ночью ты должна написать план завтрашней тренировки». Вперед и снова вперед — это должно быть тренерским девизом. Каждый раз надо самоутверждаться. И каждый раз надо доказывать, что успех не случаен.

Наш отец — легендарная личность. Для нас он лучший тренер всех времен. Он относится к тем людям, у которых вся жизнь отдана любимому делу. Его жизнь — это спорт. Отец стал тренером, наверно, с детства, профессия была заложена в нем, я же помню времена, когда он еще играл. У него в те годы была сильно травмирована нога, и, как мне кажется, он тогда очень долго проходил на костылях. Причем не ходил, а прыгал на здоровой ноге.

Я помню, совсем маленькой меня мама брала с собой на стадион «Динамо» показать отца в игре. «Таня, Таня, смотри — вон папа!» А он был самый худой, с длинной шеей. Они играли тогда в велосипедных шлемах, и из-под шлема у отца выбивался светлый чуб. Он был светловолос и кудряв — разве в это можно сейчас поверить? Был азартен на площадке и в жизни. У него настроение менялось в секунду, но как! Отец — вожак. Самый настоящий. За ним, увлеченные им, шли игроки.

Отец все время писал. Я не помню его без блокнота, без огромного количества записок на столе. Нас в двухкомнатной квартире по нынешним временам поселилось много — папа с

мамой, бабушка и мы с сестрой Галей, она старше меня на шесть лет. В комнате родителей всегда стоял письменный стол. Стол состарился, и когда пришло время покупать новый, в доме это стало чрезвычайным событием. Отец долго искал себе такой стол, который бы он полюбил сразу и за которым ему бы нравилось сидеть. Выбирал долго, измучил нас всех своими переживаниями, но, наконец, все же купил. Каждый день с пяти утра отец пишет. Он до сих пор не отдал мне свою картотеку упражнений, которые придумывает и по сей день. Он считает, что я еще мало что сделала в жизни, другими словами, не заслужила еще этой картотеки. У него в ней — тысячи упражнений на разные группы мышц. Это труд не профессора — академика в спорте. Отец не начинал дня, пока не придумывал десяти новых упражнений. Ежедневно.

Любопытны были занятия отца тактикой хоккея.

Я помню, он сперва рисовал хоккеистов, потом вырезал их из картона. Тогда еще не было железных коробок, где фигурки двигаются на магнитах, и он приделывал к своим картонным человечкам кружочки-опоры. И колдовал над своим ящиком часами. Все время придумывал, придумывал, придумывал... Писал, писал, писал.

Нас, дочерей, он очень любил, но относился крайне сурово. Отец не понимал, как это я могу не вставать в половине седьмого на зарядку, ведь я в отличие от Галки занимаюсь спортом. Он выгонял меня на улицу, на мороз — мать смотрела на это абсолютно спокойно,— и с балкона следил, чтобы я не валяла дурака, а серьезно разминалась. И если я делала зарядку плохо, он выгонял меня снова. Вначале я ревела, потом началась школа, и я опаздывала на занятия, но отец был неумолим.

Отец научил меня работать. Он внушил мне, что любое дело, которым ты занимаешься, должно быть главным в жизни. И думать о нем надо все время. Я увлеклась спортом. Он не говорил общих слов, как это полезно и хорошо, он учил: «Когда ты ходишь по улице, надо не просто ходить, а немножечко на пальцах пружинить, как бы подскакивать — у тебя должен быть сильный голеностоп, заодно и походка будет легкая». Не разрешал ездить на лифте. Такой огромный и толстый, он в то же время очень легкий в движениях и до сих пор спускается по лестнице только бегом. Я смотрю, как же легко он передвигается по дачному участку, опускаясь к цветам, к земле, что-то быстро делает — сажает, пропалывает — затем быстро перемещается к соседней грядке и вновь припадает к ней, на одно колено, по-хоккейному, очень смешно.

Когда мы один раз поехали вместе с родителями отдыхать,

наш папочка устраивал с детьми такие игры, после которых мы с трудом доползали до палатки. Отец на берегу моря поставил палатки, хотя мог взять путевку в любой дом отдыха, но он не хотел с детьми приезжать на готовое.

Мало того, что он работал тренером, а это занятие даже одного из членов семьи оборачивается беспокойной жизнью для всех остальных, отец постоянно стремился помочь людям, и наш дом всегда был полон его друзьями, спортсменами, наконец, просто его заботами.

Отец преклонялся перед своим учителем Михаилом Давыдовичем Товаровским, советовался с ним до последних дней его жизни. Любимый педагог Михаил Давыдович заменил ему родного отца. Моего деда, своего отца, папа не помнил — тот умер, когда он был совсем маленьким.

Отец обожал свою мать, которая одна вырастила их с братом. Юра, папин брат, погиб в авиационной катастрофе в конце сороковых годов, когда потерпел аварию самолет с хоккейной командой ВВС, в которой играли оба брата Тарасовых. Отец этот самолет встречал, так как уже был тренером команды и прилетел в Киев на сутки раньше. Друзья у отца как появились в детстве, так и остались до сегодняшнего дня. Он друзей не меняет.

Отец вырос человеком редкой дисциплины. Он не понимал и до сих пор не понимает, как это можно допоздна гулять, если с утра тренировка. Он продолжает жить в том же режиме, в котором жил всю жизнь. Он ложится около десяти, встает между четырьмя-пятью часами утра. И обязательно спит днем. На даче он будит нас в десять утра. Мы приезжаем на один день и, конечно, хотим спать, ведь и Володя, и я — ночные птицы, к тому же дуреем от чистого воздуха. Отец сидит за столом, не ест, ждет нас, потому что редко видимся, мало общаемся, а ему хочется быть в курсе наших дел, он уже шесть часов отработал, пока мы спали, и готов завтракать.

Фантастический у него заряд энергии, просто фантастический.

Как отец проводил тренировки! Я ходила на них, как на спектакли.

Наш дом, конечно, жил папиным делом. И когда его команда выигрывала чемпионат мира, мы с Галей целовали на экране телевизора всех наших игроков, которых поочередно показывали крупным планом. И наконец, появлялись отец с Аркадием Ивановичем Чернышевым. Это был апофеоз — счастливее себя, чем в это мгновение, не помню. Тогда все только начиналось, хоккей, трансляция по телевидению, чемпионаты. Отца еще не называли патриархом, он считался всего лишь тренером, который

многое создал, но человеком с очень тяжелым характером.

Его характер не позволял ему выслушивать ничьих советов, если они исходили не от профессионалов. Так, он испортил отношения со многими журналистами. Его

Не любили за неуживчивость, но переделывать он себя не собирался. Для него попытки людей, не имеющих отношения к хоккею, вмешиваться и давать руководящие указания были как красная тряпка для быка. Дело он свое знал и знает по сей день — я сужу по его работе в организации всесоюзного детского турнира «Золотая шайба». Но и этого всесоюзного турнира ему, как оказалось, мало, он у нас во дворе организовал детскую хоккейную команду. Проводит занятия три-четыре раза в неделю, заливает лед. Мальчишки каждое утро, как это у отца принято, в половине седьмого, делают зарядку. Зачем ему все это? Летаet по всей стране, пропагандирует «Золотую шайбу», пишет для детей учебники, собирает детских тренеров, тренеров непрофессиональных, устраивает им семинары. Такой неумности в своей профессии я не встречала. Отец для меня — эталон тренера. Эталон во всем, но прежде всего в «абсолютном слухе» на спорт. Он, хоккейный тренер, делает мне, тренеру по фигурному катанию, очень тонкие и верные замечания, причем видя мои работы только по телевизору.

У отца была редкая тренерская интуиция. На чемпионат мира в Любляне, в конце шестидесятых годов, не хотели брать Евгения Мишакова, но отец заявил, что верит в этого хоккеиста и что Мишаков способен забить решающий гол. И Мишаков действительно забил самую важную шайбу, после чего бросился обнимать отца. Женя весь был как из железа: ноги железные, руки железные, спина... Короче, он так сжал в объятьях своего тренера, что чуть не сломал ему ребра.

Я знаю одно. Отец абсолютно честный человек. Он никогда не отдаст игру. Он может ругаться, ругаться страшно, потому что не терпит халтуры. Утвердилось, что у Тарасова тяжелый характер. Насколько он тяжелый, знаем только мы, и прежде всего мама. Для остальных отец был только требовательным и справедливым, так как ничего не устраивал для себя, а заботился лишь о спорте и о команде.

В 1972 году в Саппоро я была на первой своей Олимпиаде как тренер, а отец, как позже выяснилось, на последней. Мы почти с ним там не встречались, хотя я бегала на матч, но к нему не заходила. Я и сама не люблю, когда меня отвлекают во время турнира, потому что не должно распыляться внимание тренера в дни соревнований. Хоккейная сборная СССР в Саппоро победила, считали, что в Москве его ожидают награды, но наград не дали, а

в следующем сезоне он попрощался с командой. Я до сих пор не могу понять, почему это произошло, и когда вспоминаю, как отец уходил из хоккея, начинаю плакать. Он не доработал. Для себя он, может быть, даже и перетруился, но для хоккея не доработал. Как могло такое случиться? Ему было пятьдесят четыре года, а по духу двадцать пять. Отец тяжело переживал свою отставку. В тот год родители купили дачу, чтобы отец мог заняться чем-то другим. Но он не успокоился. В прошлом году ездил читать лекцию в Китайскую Народную Республику, в Корейскую Народно-Демократическую Республику, снялся в учебном фильме, который делали в Финляндии. Я видела, с каким вниманием его слушали канадские тренеры и долго не отпускали после четырехчасовой лекции. Я радуюсь за него, когда он входит в зал во время матча — уже не тренер сборной, не тренер ЦСКА, а зритель, — и зал аплодирует ему. Он заслужил эти аплодисменты.

Раньше, когда отец тренировал, мы ходили на хоккей. Мама не пропускала ни одного его матча в Москве. Теперь уже не ходим. Возвращались домой вместе с папой. И если матч удался, не передать словами, с каким настроением мы его ждали у служебного входа! А если проигран — у нас словно похороны. И так в неделю два раза.

В момент возвращения отца, как и раньше, наш дом затихает. К этому привыкли. У нас в семье я как тренер, со всеми моими чемпионами, не имею, конечно, того веса, как отец. Да это и понятно. Он Эверест среди тренеров, и сравниться с ним мало кому дано.

Когда прежде он приезжал со сборов или соревнований, все в доме сразу подчинялось только ему, его настроению, его желаниям. Дома он бывал не часто, и каждый старался сделать ему что-нибудь приятное. Готовили его любимое пюре, впрочем, он и сам часто возился с едой и, когда бывал дома, обычно кормил нас с Галкой перед отправкой в школу. И если даже он ставил на стол не любимое нами блюдо, все равно это съедалось без звука до конца.

Два раза я видела, как отец плакал.

Первый: когда мы перевернулись на машине. Ехали с юга. Помню, как рассыпались по шоссе помидоры. Машина выскочила на кусок дороги, залитый маслом, отец ее удержать не смог. Мне было семь лет. Я спала на заднем сиденье, поэтому и влетела головой в дверную ручку. Больше никто не пострадал. Я очнулась не сразу, сотрясение мозга получила тяжелое, голова вся была залита кровью, платье тоже, а отец лежал на переднем сиденье и рыдал.

Второй: после того знаменитого матча ЦСКА — «Спартак» на чемпионате страны 1969 года, где он показывал на секундомер, объяснял, что период уже закончился, его не слушали. Он отказался выводить команду доигрывать встречу, и через день с него сняли звание заслуженного тренера. Он сидел дома один, я вошла случайно, отец плакал. Это было очень тяжелое время. Помочь отцу мы ничем не могли. Сильным людям вообще трудно помочь.

Мне кажется, все свои способности он развил в себе сам. Но не на пустом месте, основы их заложила его мать, Екатерина Харитоновна. Моя бабушка была удивительно талантливым человеком, она хорошо шила, вязала, готовила. Без единой ошибки и очень интересно писала. Бывают золотые руки, так бабушка полностью относилась к этой категории людей. Без всякого образования, она в любом деле, за которое бралась, достигала многого. Этот талант всегда добиваться успеха бабушка и передала отцу. Но то, чего он достиг, он достиг в равной степени талантом и трудом. Мне пришлось легче — отец дал много советов. Главный — не начинать тренировку без заранее написанного плана и записывать для себя абсолютно все, что может пригодиться в тренерской работе.

Напомню, что на каждую встречу в любом турнире отец выходил, как на последнюю. Потом он учил меня: «Каждое соревнование — финальное. Ошибки надо исправлять в тот же день, откладывать на завтра нельзя. День должен быть использован для работы максимально. Никогда не стесняйся учиться. Учиться у других тренеров, учиться у спортсменов. Каждый день должен приносить новые знания — тогда тренировка не будет утомительной ни для спортсмена, ни для тебя. И каждый день твои ученики должны быть лучше, чем были вчера. Это и есть творческий процесс у тренера — все выше и выше».

На тренировку он ко мне пришел всего один раз, я тогда работала с Родниной. Увидев, что я вышла на лед без коньков, он молча отсидел всю тренировку и, не прощаясь, ушел. Я долго не знала, как к нему подступить. Он со мной разговаривать вообще не хотел. И он был прав. Потому что коньки — это наш инструмент.

Советы отца помогли мне, как ни странно, больше всего тогда, когда я уже считала себя опытным тренером. И если мне по наследству достался еще и железный отцовский характер, то это проявилось в одну из самых критических минут моей жизни — во время зимней Олимпиады 1980 года.

Лейк-Плэсид: последняя олимпиада Родниной

До Лейк-Плэсида мы две недели тренировались в маленьком городке под Бостоном. Тренировались немного, я не хотела, чтобы Роднина и Зайцев перекатались, главная цель заключалась в успешной акклиматизации. И хотя все задачи, которые ставились на занятиях, сводились к тому, чтобы не допускать срывов в элементах, даже малейших — и больше ничего, — тренировки проходили все же нервно, Ира с Сашей казались немного зажатыми. Они не любили, когда на тренировках появляются зрители, а тут публики собиралось немало. У входа в зал постоянно торчали эмоциональные американские болельщики, которые к тому же все время ходили с какими-то плакатами. Но поскольку, как выяснилось, плакаты были вполне безобидные, мы решили публику в зал пустить, чтобы как-то отрегулировать с нею отношения, чтобы снять волнующий их и местных журналистов вопрос, кто сильнее: Бабилония — Гарднер, чемпионы мира 1979 года, или Роднина — Зайцев? Этот маленький городок, по-моему, весь перебивал на наших тренировках, и если там когда-нибудь вырастет чемпион, то это будет заслугой не американской, а советской школы фигурного катания. Мне кажется, хозяева тех двух катков, где тренировалась советская олимпийская сборная, продавали какие-то билеты. Мы подобного условия им не ставили, но вряд ли они сами могли пропустить такой ажиотаж. В субботу и воскресенье трибуны ломились. Зрители ходили к нам в гости, то есть сидели с утра до ночи в холле и в баре нашего отеля, многие приносили с собой подарки. Но тренировки, несмотря на то, что зрители хлопали любому элементу, уже не могли проходить спокойно. Пресса захлеб писала о Бабилонии, о том, как она развенчает «непобедимую» Роднину, хотя три месяца назад на показательных выступлениях в Японии специалисты отметили полное преимущество советской пары.

В Японии гоже было не все гладко. Устроители заявили, что выступление Родниной — Зайцева последними в программе у них под вопросом, так как здесь чемпионы мира. Роднину это вывело из себя, мы с Еленой Анатольевной Чайковской просидели с японцами всю ночь, объясняя, что десять лет выступлением Родниной завершались любые международные соревнования и что пока ее еще никто не победил. Роднина — двукратная олимпийская чемпионка, и если наше требование устроители не

удовлетворяют, то японские зрители вряд ли увидят самую знаменитую фигуристку последнего времени. Короче, мы их убедили.

В Японии на тренировку Бабилония вышла раньше Родниной. Через три минуты показалась Ира. Она начала так носиться по льду, с такой уверенностью и напором, что американский дуэт оказался «прижатым» к бортику, простоял так до конца тренировки. Это Ирина проделала психологически профессионально, позже в четырех из пяти прокатов Бабилония падала. Ее надломила первая совместная тренировка. Ира же катала свою короткую программу — это был «Полет шмеля» — без единой ошибки. Так что, когда мы оказались в Лейк-Плэсиде, настроение у нас было вполне боевое, но настороженное.

В олимпийской деревне я жила с Ириной в одном корпусе (по традиции деревня делится на женскую и мужскую половины), но в комнате вместе с Еленой Анатольевной Чайковской. Мы с Чайковской сразу же стали перестанавливать мебель, так как кровати в комнате установлены в два этажа, а никто из нас наверх забираться не хотел. Кровати разбирать начали ночью, и я, устав, уронила эту железно-каменную громадину прямо на Чайковскую. До утра мы пытались разместить кровати в нашей каморке. В итоге прохода между ними не оказалось, спали мы в одной, как бы двуспальной кровати, и чтобы попасть в дальнюю, надо было переползать через ближайшую. После всей этой суеты я рухнула как подкошенная и уснула, а Чайковская отправилась стирать олимпийский тренировочный костюм. Проснувшись, я с восторгом и удивлением обнаружила, что сушится мой костюм, который Чайковская ночью выстирала, приняв за свой.

Чайковская, встав раньше, уже проклинала меня, мой костюм, Лейк-Плэсид и комнату, где нам предстояло мучиться две недели. Номер, где жила Ира с Наташей Бестемьяновой, оказался свободнее, а нам повернуться было негде.

Мое последнее выступление в паре с Георгием Проскуриным

С первых же тренировок стало ясно: в парном катании все ожидают великого противостояния. Каждые полчаса американскую пару показывали по телевидению. Как они летом отдыхали, как тренируются, как катаются, Каждый день выходили газеты с фотографией Бабилоии. Были удачно сняты их самые эффектные элементы произвольной программы. Показывали программу и Иры с Сашей,

показывали сзади или сбоку или в самом невыгодном куске произвольной программы. Мне становилось просто страшно. И судьи все начали поговаривать, что Бабилоия им нравится, что это новый стиль, что американская пара будет впервые серьезно бороться с советской, хотя они до Лейк-Плэсида никогда еще не сталкивались на соревнованиях с Родниной.

За три дня до начала соревнований арбитры нашли три ошибки в произвольной программе Родниной. Ошибки, то есть элементы с нарушением правил в незначительных и проходных частях программы, начали показывать по телевидению. И объяснять публике, и объяснять судьям (а судьи порой та же

публика), что за них надо снижать оценки. Я попросила выключить в блоке, где мы жили, телевизор, запретила приносить к нам газеты и что-либо говорить по этому поводу.

Меня вызвали к руководству советской делегации, поинтересовались, не собираюсь ли я поменять программу. Я ответила, что за три дня, конечно, могу ее изменить, но это создаст неуверенность у спортсменов, а они должны катать то, что тренировали. Все это я горячо переживала, Разговор шел и с нашими судьями. После этих бесед я лежала пластом, у меня такая особенность, когда какие-нибудь неприятности, я ложусь. Ходила только на тренировки. Чайковская в подобной ситуации все время бегают. Она убегает в шесть утра и возвращается за полночь — и все бегом, а я нет, я должна лежать и не могу ни с кем общаться. Я была в таком тяжком состоянии, что боялась — не передастся ли оно и спортсменам.

Они тренировались нормально, и в общем-то я была в них уверена. Я была убеждена в своей правоте. Для меня по сей день эта ситуация самая сложная в жизни, сложная в выборе правильного решения. Но ребята обо всей этой кутерьме и о моих муках не знали. Я не пускала их на тренировку Бабилонии, хотя посмотрела сама. Осталась после наших занятий в зале. Американцы катались хорошо — это была последняя тренировка перед короткой программой, и именно в этот день Гарднер начал падать, исполняя флипп. Я сидела очень близко, около бортика, и ясно видела, что он очень нервничает и с собой совладать не может. Не сделав ни одного прыжка, он ушел с тренировки. А села я специально так, чтобы они меня видели.

Бабилония и Гарднер пришли на тренировку Родниной и Зайцева, пришли тоже всего один раз, сидели на самом верху, незаметно, но я их увидела и сразу сказала Родниной: «Вон забились в угол, сейчас истрепят себе все нервы и уйдут минут через пятнадцать». Так оно и вышло. Роднина была в ударе, и эта тренировка американцев погубила. Они через пятнадцать минут встали и ушли. Четверти часа им оказалось достаточно. Роднина производила на них впечатление, как удав на кролика. Еще с Японии, Они морально не созрели, чтобы обыграть Роднину,

До старта я никуда не ходила, в последний день ни с кем не общалась. Я вообще не люблю с кем-нибудь беседовать перед соревнованиями. Вечером мы пришли во дворец. У входа толпа. Ира идет в людском коридоре, сосредоточенно опустив голову, впечатление такое, будто она одна в пустой шахте. Подступиться к ней никто не рискнул.

Я другие пары не вышла смотреть — силы в себе копила. Силы были нужны, чтобы вместе с ребятами программу катать.

Пошла посмотреть только разминку Гарднера. Вылезла из-под телевизионной камеры — на катке Лейк-Плэсида никуда никого не пускали — и таким образом оказалась в проходе. Справа от меня судьи сидели, а надо мной расположилось руководство ИСУ (Международного союза конькобежцев). На разминке Гарднер упал пять раз. Он упал с волчка, флиппа, перебежки, Он не мог ни разу поднять партнершу в поддержку. И судьи сидели как парализованные, и зал молчал, мне стало даже жутко. Не надо было быть специалистом, чтобы увидеть, как он психически подавлен. Уже закончились шесть минут разминки, а американцы снова выходят на поддержку, Впервые в моей практике спортсмены перекачивали отведенное время, и судьи даже не шевелились, никто не дает гонг. И снова поддержка срывается. Я кричу наверх Валентину Николаевичу Писееву, который входит в состав ИСУ от нашей страны: «Время, протест. Подавайте протест». Он бежит вниз, к судьям, но те, как бы очнувшись, дают гонг. На секундомере — шесть минут двадцать три секунды. Я сразу поняла — шансов у чемпионов мира нет никаких. Из этого состояния спортсменов вывести трудно, почти невозможно.

Бабилония — Гарднер катались третьими в группе сильнейших. Они вышли на лед, когда объявляли оценку предыдущих. Она выходит первой, он за ней... и у борта падает. Поднимается, хихикает, а коньки из-под него снова уезжают, ноги перестают слушаться, он белый как мел. Потом говорили, что Гарднер был с травмой. Но это все чушь, нас, тренеров, обмануть невозможно, мы видели, что с ним делается Бабилония берет его за руку и выводит к красной линии. Тут же он поворачивается и убегает со льда, тренер держит, не выпускает его. И все это видят, и я стою рядом, в проходе. Гарднер рвется, тренер его держит, все это происходит очень быстро, Бабилония поворачивается и видит, что партнера нет рядом, его ужа нет на льду, и начинает рыдать. Едет к нему и рыдает. У каждого фигуриста есть две минуты на выход, и они начинают его уговаривать, но он вырывается и все же убегает. Больше я его не видела.

Зал молчит, весь увешанный плакатами: «Бабилония лучше Родниной», «Гениальные спортсмены», «Бабилония — Гарднер — лучшая пара».

Я понимаю, надо что-то делать, подобная ситуация может вывести из равновесия кого угодно. Я лечу к Родниной, перед дверью, что ведет в женскую раздевалку, несколько раз глубоко вдыхаю-выдыхаю и спокойно вхожу. В раздевалке уже вся американская команда рыдает. Роднина сидит злая, спрашивает: «Что там делается?» — «Ничего не делается,— отвечаю,— Бабилония — Гарднер с соревнования снялись. Тебе все нервы

перепортили, а сами на старт не вышли». — «Как не вышли?» — «Вот так. Видишь, до чего ты их своей тренировкой довела». — «Ну, погодите, — взорвалась Ира, — я всем покажу, как надо кататься. Иди успокой Сашу».

Вызываю Сашу, он ничего не знает, так как Гарднера увели в другую раздевалку. «Ты, Саня, катайся спокойно. Твои друзья со старта снялись». Саша нервничал. И все же они показали блестящий прокат короткой программы. Роднина и Зайцев любили эту быструю двухминутную композицию. Они любили откатать короткую на 6,0! В Лейк-Плэсиде, если бы судили из десяти баллов, можно было ставить десять. Эти две минуты были итогом всей их жизни. Скорость, синхронность, абсолютное сочетание движений и музыки — это было идеальное выступление. Я видела их катание тысячи раз: на тренировках, соревнованиях, показательных выступлениях, но так, как в Лейк-Плэсиде, они не катались никогда. И весь тяжело молчавший зал, страдающий от несостоявшейся надежды, встал. И начал скандировать: «Роднина, Роднина, Роднина».

Но эта короткая программа, этот вечер забрали слишком много сил у них. Через день они вышли на произвольную, катали ее достойно, не ошибались, однако в конце уже не выглядели темповыми, бодрыми — это происходило не от физической, а от психологической усталости. Запас эмоций у них выплеснулся за день до заключительного вечера. На табло зажглись оценки. Саша подошел ко мне: «Тетя Таня, держи». Я ему плечо подставила, он в бессознательном состоянии, а у него интервью собираются брать, камеры наставлены. Зато Ира как будто сил у бортика хлебнула: «Тетя Таня, я третий раз олимпийская чемпионка!!!» Я говорю: «Ты что, даже не устала?» — «А что уставать, когда третью Олимпиаду выигрываешь!» — «Саше плохо». — «Отойдет», — отвечает Ира. Мы положили Сашу, дали ему нашатыря... И они поехали к пьедесталу.

Там Ирина заплакала. Плакала и я, понимая, что прощаюсь с ними. В свое время они, знаменитые чемпионы, пришли, доверились малоизвестному тренеру. Шесть лет я работала с ними и теперь прощаюсь, но с легким чувством, понимая, что я сделала все, что могла, Я помогла сберечь эту пару, сохранить ее для спорта, возможно, продлила их спортивную жизнь. Нет, я их не подвела.

Ира и Саша

О том, что Ирина Роднина и Александр Зайцев ушли от Станислава Алексеевича Жука, я долго не знала. Я сидела дома, когда раздался телефонный звонок. Звонил Жора Проскурин, который в те годы работал тренером по парному катанию в Спорткомитете. «Таня, никуда не уходи, — попросил он, — через пятнадцать минут к тебе Роднина с Зайцевым придут». Я только успела спросить: «Зачем?»

Стоял октябрь, сезон только начинался. С Родниной и Зайцевым прежде меня не связывали никакие отношения, скорее наоборот. Когда от Иры ушел Уланов, она решила, что пару Уланов — Смирнова буду тренировать я... И в лучшем случае относилась с тех пор ко мне настороженно.

Жора отвечает: «Ты будь готова, они придут договариваться с тобой о совместной работе». Первым моим чувством был испуг. Я не знала, что делать: тыкалась по углам квартиры и двадцать минут была сама не своя.

В дверь позвонили. Они вошли, очень собранные. Так тесно и близко я никогда с ними не общалась. Они сели рядышком и, по моему, хором сказали: «Таня, мы пришли, чтобы предложить тебе работать вместе с нами. Мы уже у Жука тренироваться больше не будем, мы едем сейчас из Спорткомитета, и там нам уже разрешили перейти к новому тренеру».

Возможно, в подобной ситуации полагается прикидываться и говорить: «Ну, ладно. Я подумаю, сообщу ответ через недельку». Но я совершенно этого не умею делать, к тому же раз вопрос решен и с Жуком, и со Спорткомитетом, значит, я не попадаю ни в какие интриги. И я согласилась сразу. Работать с такими спортсменами — какой тренер от этого откажется?

Мы никогда не обсуждали, почему они ушли от Жука. Так, говорили об этом вскользь. У меня по сей день есть на этот счет свое мнение. Но основное — не сложились у них с тренером человеческие отношения.

Первые шаги на тренерском поприще

Тут уж ничего не поделаешь. Работать тогда не в радость ни тренеру, ни спортсменам.

«Я попробую, — сказала я в тот день Ире и Саше, — только не судите меня поначалу строго. Я же никогда, не тренировала раньше таких выдающихся спортсменов». У меня занимались Черняева — Благоев, и они были чемпионами Союза, у меня занимались Леонидова — Боголюбов, они ходили в призерах... Но Роднина есть Роднина, и поэтому я сказала: «Давайте попробуем». А они сразу: «У тебя во сколько сегодня тренировка?» — «Вечером, в восемь часов, в Лужниках». Они так радостно отзываются: «Мы приедем, мы выучили много элементов, мы без дела не сидели, мы не с пустыми руками приедем». Так сыпали, будто заранее

готовились к этому визиту и боялись, что их не возьмут.

Ира с Сашей ушли, а я, обалдевшая, осталась в прихожей. Пришла в себя, позвонила отцу. «Ну смотри, Таня, — сказал он, — ты берешь на себя огромную ответственность. Ты теперь не о себе думай, ты ее не должна подвести (это он о Родниной, он ее ласково называл «великая чемпионесса»). Ты теперь ночью спать не должна, пока им что-нибудь интересное не придумаешь. Потому что, если ты ничего нового Родниной не дашь, если она у тебя просто так годик-два покатается, прощения тебе не будет» (обычный стиль папиного разговора). После этой беседы руки-ноги у меня совсем затряслись. Полетела пораньше на тренировку, и в дороге немного пришла в себя. Ведь тоже кое-что в фигурном катании понимаю, а главное, люблю свое тренерское дело, и, следовательно, в панику бросаться мне нечего.

На тренировке в лужниковском «Кристалле» — в то время на СЮПе строился новый каток — у меня катались Ирина Моисеева с Андреем Миненковым и Лида Караваева с Вячеславом Жигалиным. Теперь я должна была предупредить ребят и подготовить Иру (самую лучшую и самую капризную), что вместе с ними на тренировку будут теперь приходить Роднина с Зайцевым. Вопрос не простой. Это вопрос разделения внимания, я сама помню, как ревновала к другим ученикам своего тренера.

Собрала всю группу, сказала, что ко мне приходили Роднина и Зайцев и они с сегодняшнего дня будут тренироваться здесь, на «Кристалле». Не успела я сообщить эту новость, как появились Саша и Ира.

На той первой тренировке, я помню, Моисеева и Миненков совсем остановились, просто встали у борта. Я же смотрела, что делают Роднина и Зайцев. Мы только один день устроили совместную тренировку, потом Саша и Ира приходили в другое время, так как и все остальные вместе с Моисеевой стояли.

А Роднина с Зайцевым были в ударе, у них все получалось, они мне показывали без музыки одни элементы. Прыжки и поддержки. Я думала, чему их тут учить, учить-то нечему. Потом, правда, нашлось и чему учить, и музыку подбирать,»и катание делать шире. Красивее они стали, на мой взгляд, размашистее. И много новых элементов мы придумали, принципиально новых для парного катания. Но все это не сразу, а постелен-, но, времени, как выяснилось, у нас впереди много было.

Стали они приходить по утрам, не только катались, бегали кроссы, выходили на траву делать поддержки, то есть выполняли элементы не на льду, на земле. А я потихонечку нащупывала верный с ними тон, присматривалась к ним, чтобы понять, какую им ставить программу. Потом стала срочно подбирать музыку,

так как до начала сезона оставалось совсем мало времени. Надо было шить костюмы, надо было находить для них что-то такое, что показывало бы изменение в жизни этой пары. Время, казалось, пролетает с катастрофической скоростью.

Шел октябрь 1974 года.

Я не стала менять им резко программу. Например, они всегда прыгали аксель в два с половиной оборота во второй части, я считала, что его надо перенести в первую, потому что он у Иры всегда был на грани срыва, и она нередко падала. Интересно, никто почему-то не помнит, что Роднина падала. Потом я все же настояла на своем, и он всегда у нас шел вторым элементом. Кстати, после переноса Ира его ни разу не сорвала.

В сезоне 1975 года зрители увидели их почти прежними. С традиционной музыкой, народной, русской. Но был в запасе уже у нас и новый показательный номер, и некоторые новые элементы. Мы поехали на чемпионат мира и Европы. Они победили, но не это для меня было важно. Они не стали хуже. Может быть, они и не стали лучше, но хуже они точно не были, а это позволяло на сохранившемся фундаменте строить что-то новое, предлагать свои проекты. В том же 1975 году впервые выиграли чемпионат мира Моисеева с Миненковым. Две золотые медали. Счастливее меня в те дни, наверное, никого бы и не нашли.

Следующий сезон предстоял олимпийский. Мы взяли для произвольной программы вставной цыганский танец Желобинского из балета Минкуса «Дон Кихот». Ира великолепно смотрелась в этом мощном танце. Она никогда по-цыгански не трясла плечами, в том не было никакой нужды. У нее горели глаза! И неслась она не по льду, над площадкой. В тот год Саша впервые стал олимпийским чемпионом.

Тяжело мы работали, нередко и ругались. Ира не терпела, когда ее сравнивали с кем-то, делили с кем-то. Она мне не позволяла от себя отрываться. Она мне не позволяла смотреть в сторону. Она занимала все время. Шла на всяческие ухищрения, только бы не отпускать моего внимания от себя. То разговаривать вдруг перестанет на тренировках, то озлится, непонятно с чего. Ира всегда нуждалась в человеческом тепле. Я видела, что ей не хватает добрых слов, и старалась как могла.

Иру легко уговорить на новый элемент. Но если он с первого раза не получался, она дальше его испытывать не желала. Но все дело в том, что, как правило, у нее все получалось.

Сашу раскачать на новый элемент неимоверно сложно. Но зато когда он его выучивал, то делал классно.

Когда они пришли ко мне, я воспринимала их как временное явление в своей жизни, до Олимпиады в Инсбруке. По-моему, они

и сами дальше задач не ставили, а в итоге задержались у меня на шесть лет. Думаю, оттого, что нам хорошо работалось вдвоем. А главное, я видела их перспективу дальше, много дальше. Они катались настолько сильнее и интереснее всех остальных пар в мире, что у меня вопроса и не возникало — кататься надо еще один олимпийский цикл, до Лейк-Плэсида как минимум.

И мы делали новые номера и программы. И они танцевали совсем уж несвойственный им танец — вальс, и танцевали его прекрасно. Танцевали медленный танец под романс Свиридова в произвольной программе и проносились на сумасшедшей скорости в показательном номере на музыку «Полюшко-поле».

Мы стали близкими людьми. По имени и отчеству называть им меня было трудно, разница в возрасте невелика — три-четыре года, и Саша стал меня называть тетя Таня, так за мной это и закрепилось. Работали коллегиально. Не то чтобы я все придумала или они. Все решалось на совместных обсуждениях. Долго они не могли рискнуть, как я им ни предлагала, как я их ни упрашивала взять для короткой программы музыку Свиридова из фильма «Время, вперед!». «Тетя Таня, тяжелая музыка, мы не справимся с ней». Я убеждала Иру и Сашу, что музыка именно для них, доказала им свою правоту, и эта короткая программа — одна из лучших, одна из самых дорогих для меня. А мелодия Дунаевского из фильма «Кубанские казаки»? А короткая программа на музыку Римского-Корсакова «Полет шмеля»? Они любили короткие программы. Никто так не умел и не умеет исполнять двухминутный набор обязательных элементов, как Ира и Саша. У них каждый элемент был отточен до совершенства. Каждый элемент — бриллиант. Если вращение, то идеально параллельное, если прыжок, то идеально синхронный. И только с акселем в 2,5 оборота у нас произошла заминка. Ира действительно его никогда при мне не срывала, но в ответственный момент он мог разладиться. Я целый год долбила с ней этот прыжок. В 1978 году мы приехали на чемпионат мира в Оттаву, я велела ей прыгнуть аксель сразу, когда еще шла акклиматизация. Ира взлетела... и потеряла прыжок. И на протяжении десяти дней она пыталась прыгнуть аксель, но не могла. Я говорила: «Ирочка, ты не волнуйся, ты все равно его сделаешь». За два дня до старта он, наконец, получился. Тут вмешался Зайцев и стал требовать, чтобы Ира если прыгает, то прыгать должна параллельно. Пришлось успокаивать и его, объясняя, чтобы на параллельность он не рассчитывал. На разминке Ира такую колбасу из прыжка устроила, что я даже собиралась его снять, но, подумав, решила: «Нет, она сделает». И Роднина прыгнула свой злополучный аксель абсолютно чисто. В

этом она вся. Десять дней не прыгать на тренировке, а лихо сделать первым же элементом в соревновании. И как она засмеялась, и как понеслась. И шаги на радости перепутала. Программу катала, как безумная. Не устала совсем, хохотала, до того была сильна. Дальше в программе для нее уже ничего не существовало, никакие там тройные подкрутки смутить ее не могли.

Мы отправились в турне по Америке, и зал вставал, когда катались Роднина и Зайцев. Любили их. За их мощь, за их скорость, за Ирин жест, когда она, вытянув руку и наклонясь вперед, летит надо льдом. Любили их за то, что они такие русские, такие широкие.

Летом, после турне, после отпуска, мы приехали всей командой в Томск, и Ира мне говорит: «Таня, я себя что-то плохо чувствую». — «Ты у врачей была?» — «Нет», — отвечает Ира. «Пока тренироваться не будем». Она несколько раз вышла на лед, но я поняла, что лучше ей этого не делать, и отправила их с Сашей в Москву. А через несколько дней звонит Зайцев: «Тетя Таня, Ира ждет ребенка!»

Событие необыкновенно радостное. И у меня почему-то даже не возникла мысль, что ей придется оставить спорт.

Мы вернулись из Томска. Ира ходила грустная-грустная, вся в себе. Совсем не Роднина. Я сказала ей: «Даже в голову не бери, все равно будешь кататься». До Олимпиады было еще полтора года, и я ни на секунду не сомневалась, что они должны выступать в Лейк-Плэсиде.

Я снова уехала, Ира пролежала в больнице, а когда я вернулась, то личико у нее так вытянулось, что я сразу подумала: надо ей сделать что-то очень приятное. Я ей говорю: «Ирка, приходи ко мне, я тебе что-то покажу». Я как раз слушала музыку и нашла романс Свиридова. Ну, такая музыка, такой романс, такой чистоты, точно для нее. Она приехала, и я ей объявляю: «Я тебе сейчас покажу музыку, под которую вы будете кататься на Олимпиаде». Она это скептически выслушала. Я поставила пластинку и включила проигрыватель. И смотрю, как у нее начало лицо меняться, глаза загорелись. «Правда?» — спрашивает она. «Конечно, — кричу я, — ты такая сильная. Родишь, через месяц выйдешь на каток. Мама тебе с ребенком поможет. Все будет отлично».

Саша все время ходил на тренировки, сам катался и с молодежью работал. Ира вот-вот родит, а на лед приходила. Я ее умоляла, чтобы она убралась с катка, чтобы я ее не видела на льду. Она же пыталась еще и подпрыгивать и продолжала упорно ходить на каток и помогала мне работать с парами.

Двадцать третьего февраля, в день Советской Армии родился Саша-маленький. Саша-большой пришел к нам, и мы втроем, с нами был мой муж, поехали к Ире в больницу. Под окнами клиники мы пели, кричали, танцевали, бурно выражая свою радость. Это было двадцать третьего, а двадцать шестого я стою у роддома, гляжу в ее окно. Ирина жестами просит смотреть внимательнее, и я вижу, как она поднимает ногу. Я, честно сказать, испугалась и стала кричать: «Опусти ногу!» Через неделю она с сыном была уже дома.

Мы уехали весной на чемпионат мира, потом в турне и вернулись на Родину через полтора месяца. Звонит мне Ира и таким сладеньким голоском говорит: «Сашка плачет, а я знаешь, что придумала, чтоб его успокоить. Я беру его на руки и приседаю сто раз. И ему хорошо, и у меня ноги крепнут. А если он плачет снова, то я его поднимаю вверх, сколько сил хватает». И в этом вся Роднина! Она всю жизнь поднималась вверх по лестнице. По одной ступеньке, по две, но только вверх. Она четко знала, какую следующую ступеньку ей надо преодолеть. И преодолевала. Этим телефонным разговором о стократном приседании она меня потрясла, и я часто о нем рассказываю. Маленькая, совсем невнушительной внешности, с грудным ребенком, вся в комплексах и сомнениях насчет своего будущего, она твердо заявила, что придет на тренировку, когда сама поймет, что набралась сил.

И она пришла через два месяца после родов — толстенькая, неуклюжая. Кто бы видел ее первый выход на лед! Она пытается прыгнуть, а к ногам будто гири подвешены. Так она по сантиметру, по сантиметру отрывалась ото льда, взлетая ввысь. Лица нет, одни глаза горят. Коляска стоит во дворе СЮП. И так потихонечку-потихонечку, сперва простые поддержки, простые хватки, а потом все сложнее и сложнее... Через три месяца Роднина уже каталась, прыгала, да и на земле уже кое-что сделала. Я уехала отдыхать на пятнадцать дней, а они сами по два раза в день ходили на тренировки — музыку для них уже подобрали.

Я очень ждала ее первого выступления. Оно состоялось в Одессе. Ира вылетела на разминку, и от радости, что снова на публике, как разбежится... и упала. А падать она не любила. Встала и в себя пришла. Кататься ей еще надо было с умом, не поддаваться эмоциям. Начались показательные выступления на турнире в Японии, где в очный спор вступили с нашей парой тогдашние чемпионы мира американцы Бабилония — Гарднер, стало ясно, что Роднина и Зайцев по-прежнему лучше всех. Даже после пропущенного года, после рождения ребенка.

Я счастлива, что мы работали вместе. Что были вместе весь их последний год в спорте, хотя ссорились и ругались в тот период довольно часто. Ире приходилось тяжело, так тяжело, что она вся чернела. Европейский чемпионат накануне Олимпиады в Лейк-Плэсиде они прокатали блестяще, а ведь чемпионат страны в Ленинграде дался нелегко. Короткую прошли отлично, произвольную же очень тяжело, сил тогда не хватало. Еле ее докатали, хотя сделали все элементы чисто.

Наверное, в самом начале нашего союза я невольно оказалась в долгу перед такими замечательными спортсменами, как Роднина и Зайцев, доверившими свою судьбу молодому тренеру. Но после Олимпиады в Лейк-Плэсиде я рассудила, что долгов отныне нет, свою задачу я выполнила. И работая вместе с ними, сделала сама большой шаг вперед.

В том, что Ира и Саша не выступали после Олимпиады на чемпионате мира, наверное, есть и моя вина. Мы приехали с Игр вымотанные и усталые. Надо было дать им возможность отдохнуть больше обычного, но я назначила тренировку, и на ней Саша впервые уронил с поддержки партнершу. Ира плакала, было видно, что ей очень больно. Мы сразу отвезли ее в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии) к Зое Сергеевне Мироновой. В ЦИТО определили, что у нее разрыв связок, положили гипс. Ира расстроилась, что к чемпионату мира травма не заживет. За три дня до начала чемпионата гипс сняли. Возможно, она смогла бы выступать, но рисковать именем Родниной я не имела права. Тогда мы сообщили в Спорткомитет, что пара Роднина — Зайцев выступать не будет.

Как интересно иногда проходят параллели в жизни. Вместо Родниной и Зайцева впервые на чемпионат мира поехали Вероника Першина и Марат Акбаров, а спустя три года Роднина как тренер привезла на европейское первенство 1983 года в тот же Дортмунд первых своих учеников, тех же Першину и Акбарова.

Наши отношения идеальными трудно назвать. Мы часто ссорились в процессе работы, в спорах доходили до крика. По Ириным словам, Саша у Жука рта не раскрывал, а у меня раскрепостился и говорил, говорил — наговориться не мог. Спорил, что заход не такой, рука не такая, что вообще этот элемент, он точно знает, никогда не получится. Они кричали друг на друга, я кричала на них, потом мирились. Мало сказать, что я любила их, я их чувствовала.

К их победам привыкли, спокойно говорили: «Ну, Роднина всегда выиграет». Но не надо забывать: десять лет они доказывали, что являются лучшими из лучших. И никто не знает, чего им это стоило. Каждый день заставлял себя работать еще

больше, каждый раз доказывать, что ты непобедим. Иру трудно назвать артистичной в общепринятом смысле этого слова, то есть у нее отсутствовала способность лицедействовать, но в ней бушевал такой темперамент, такое внутреннее понимание музыки, что по-своему она была необыкновенно артистична. Она любила публику и никогда ее не боялась.

Костюм для чемпионов

Если рассказывать, сколько нервов стоила каждая примерка нового костюма Родниной, можно потратить не одну страницу. Но подобная взыскательность шла не от женского каприза чемпионки. Значение костюма для фигуриста огромно. Костюм создает настроение на весь сезон. Он бывает не только удобным или неудобным, красивым или некрасивым, но и таким, без которого программу представить себе невозможно.

Подходить к выбору костюма надо с большим вниманием. Он может не влиться органично в рисунок композиции, в стиль катания и даже перечеркнуть их.

Мы шьем много костюмов, и есть среди них любимые и нелюбимые, костюмы, которые запоминаются надолго. В свое время начинали с простеньких платьиц. Потом они становились все сложнее и сложнее. Ира Моисеева начала / меня кататься в строгом черном платье, и я любила, когда она выходила на лед именно в черном. В одном из сезонов Ире Моисеевой для исполнения «Румбы» был сшит бирюзовый костюм, но мы его потом перекрасили в черный, и он мне нравился больше всех. Любила я также черный костюм, сделанный к их классической программе, поставленной на музыку Бетховена и Вивальди... Без великих затей, только юбка чуть поддута серым и у Андрюши такие же поддутые рукава. Мне вообще нравятся костюмы без излишеств, но они почему-то редко получаются. Удачным считаю костюм Наташи Бестемьяновой, в котором она с Андреем танцевала под музыку из чаплинских фильмов— белый с черным рукавом. И хотя мне многие говорили, что в таких костюмах ребята будут смотреться без рук,— этого не произошло, а я по сей день не знаю костюма, который бы так соответствовал стилю танца. Небольшой воткнутый в петлицу красный цветок как завершающая точка в идеальном, с моей точки зрения, по гармонии костюме.

Костюмы шьются только после того, как найдена музыка.

Бывают неудачные костюмы. Я помню, как Моисеевой из роскошного красного материала сделали платье с широкими рукавами, закрыв ее замечательные руки, совершенно закрыв. К тому, же костюм получился очень яркий. Зато раздолье для фотографов, всегда просизших что-нибудь поярче (ведь Ира и Андрей катались только в черном). Их сняли в этом костюме, наверно, все фотокорреспонденты страны, фотография кочует из журнала в журнал, хотя катались ребята в этих костюмах всего один раз.

Таня Войтюк, например, обожала наряжаться в кружева, я их терпеть не могла, К тому же Войтюк однажды выкинула фокус. Она приехала на чемпионат Европы, не показав мне платья, и когда вышла на лед, я чуть не упала в обморок. Таня никогда не выглядела худенькой, а соорудив юбку в складку, она подчеркнула невыгодное впечатление. Фокус Войтюк послужил хорошим уроком для меня, и больше не было случая, чтобы костюм ученики шили без моего участия.

Мой тренер Елена Чайковская

Ничего с собой поделать не могу, люблю только черный и белый цвета. Мне они кажутся графичными — программа в этих цветах лучше видится, и движения вроде бы точней. Не люблю широких рукавов, потому что они скрывают пластику рук.

Последние годы эскизы костюмов для моих сильнейших

дуэтов делает известный художник-модельер Вячеслав Зайцев. Я всегда восхищалась его работами, и, зная об этом, моя приятельница, главный режиссер театра «Современник» Галина Борисовна Волчек, нас познакомили. С Зайцевым очень интересно работать. Он долго расспрашивает ребят, как они чувствуют танец, просит их танцевать на полу, слушает музыку — и рисует, рисует. Заражает азарт, с которым он работает. Как каждый большой мастер, он понимает, когда у него получается дело, над которым он работает, и один из многих вариантов принимается тогда, когда Слава сам себе говорит: «Гениально!» Меня восхищает это его «Гениально!». Платья делает он вроде бы совсем простые, без единой блесточки, но такие стильные, изысканные, такие авангардистские. Не знаю более удачных юбок к рок-н-роллу, чем те, которые нам сделал Зайцев в сезоне 1983 года, когда этот танец входил в программу как оригинальный. У Наташи Бестемьяновой были полосатые юбка-штаны, они шли ей удивительно.

Работая с таким мастером, как Зайцев, по-другому начинаешь понимать значение костюма вообще, значение костюма для фигурного катания в частности. На многое смотришь по-другому, — на моду, на красоту, что приемлемо, что неприемлемо.

В спортивном Доме моделей я с незапамятных времен работаю с Асей Белецкой. Многие костюмы Моисеевой и Миненкова шила она, в том числе и тот, в котором ребята победили на чемпионате мира 1975 года. Тогда носили юбки-бананы, и платье черно-зеленое тоже называлось бананом. Очень простое и очень красивое,

Каждый год мы меняем все костюмы, но бывают платья, с которыми очень трудно расставаться. Есть, например, у Лены Гарачи-ной черное платье с обнаженной спиной — я считаю, что оно подходит ко всем танцам, с которыми выходит Лена, хотя ей это платье уже здорово надоело.

Костюм, в котором фигурист одерживал победу, остается у него навсегда. Тренеру достаточно воспоминаний. Когда я хочу увидеть Иру Моисееву и Андрюшу Миненкова в самом их счастливом году — в 1977-м, мне на память сразу же приходит их танец из «Кармен-сюиты» Родиона Щедрина, черная «испанская» Ирина юбка.

Существуют для костюмов в фигурном катании и свои ограничения. Хочешь сделать костюм из золотой ткани, пожалуйста, но если ты чемпион. Золотой цвет — цвет чемпионов. Так, когда-то в золотом платье выступала Пахомова, потом Линичук, золотое платье надевала Джейн Торвилл. Это негласное, но всеми принятое правило.

Очень долго можно рассказывать о костюмах Родниной: сколько они шились, кроились, сколько слез она проливала, потому что «не идет». На нее вообще шить очень сложно. Пока только кроится юбка, мы вес испереживаемся. Ира тонко чувствовала, что ей подходит, что нет, до малейшего нюанса. Но один раз они решили сделать голубые костюмы. Как я их отговаривала, убеждала, что голубой цвет им ни по стилю, ни по характеру не подойдет, они все же настояли на своем. Надели новые костюмы на тренировку, потом убрали их и больше к ним не притронулись.

В первый год, когда они стали тренироваться у меня, побоявшись отойти от привычного для них стиля, я сохранила им с небольшими изменениями прежний облик, и только через сезон мы начали искать модели костюмов, подчеркивающие их скорость, ход. На мой взгляд, самые удачные костюмы Роднина и Зайцев надели для исполнения программы под музыку Свиридова «Время, вперед!» — черные с серебром. Мы нашли стиль, который точно отражал характер Иры и Саши, и, перебирая в памяти все их наряды последних лет, понимаю, что ни разу не изменили ему. И даже парадный костюм для прощального выступления, который был сшит из красной материи с позолотой, богатым убранством, оставался в спортивном характере Иры.

Возможно, некоторые считают, что костюм в фигурном катании по форме однообразен — купальник, короткая юбка. Но это кажущееся однообразие. Юбочки все разные. Юбки Гараниной — это одно, они идут почти всем, у Бестемьяновой — совсем другое и подходят только ей. У Карамышевой юбки не имеют ничего общего с юбками Бестемьяновой. Юбка — эта важнейшая деталь — подбирается к платью очень тяжело. Потому у нас есть правила, оговаривающие, что костюм не должен быть слишком театрален. В свое время Бестемьянова танцевала обязательный блюз в боа. Выглядела она очень красиво, но сочли, что подобный костюм все же театрален. Мне, например, все больше и больше нравятся комбинезоны. Они не всем хороши, но у девочек с красивыми фигурами они выгодно подчеркивают линии. А вот длинные юбки не для фигурного катания. Не видна динамика. Может, они и подходят для отдельных номеров, но я считаю, что танец создается не одеждой, а композицией, характером музыки. Совсем необязательно для вальсов Штрауса надевать юбки до пола

Я все время говорю о девушках, но это не значит, что костюм мужчины имеет меньшее значение. Просто они очень долго выступали во фрачах, а теперь так же дружно переоделись в комбинезоны. Фрак, конечно, волю фантазии не давал, но

приносил массу огорчений. Помню, как моему партнеру Жоре Проскурину сшили фрак из эластика, и после первой же тренировки брюки вытянулись до двух метров, так как этот материал не держит форму. К тому же фрак был зеленого цвета, как крокодил. Жора повесил фрак в дверном проеме, и мне не забыть ужаса, который я испытала, входя к нему в номер и случайно наткнувшись на эту тушу. Казалось революцией, когда мальчики начали надевать рубашки и брюки.

Теперь танцоры вернулись к фракам, а одиночники уже никогда не наденут их,

Я вспоминаю свою спортивную молодость, когда не было Дома моделей и костюмы нам шили родственники не из эластика, а из обычных тканей, в особых случаях из панбархата. Что такое колготки, мы тогда не знали и выступали в шерстяных рейтузах. Праздником было для нас, если удавалось выклянчить в Большом театре хлопчатобумажные трико. Трико шились розового цвета, и все мы с одинаковыми поросычymi ногами по очереди выбегали на лед.

Сейчас танцорам шьют в год шесть костюмов.. Ведь имеют большое значение и разминочные наряды. В них спортсменов на тренировке впервые видят судьи.

После сезона, весной, костюмы сдаются на склад, их перешивают, переделывают для других спортсменов, классом ниже.

А осенью все начинается снова. Снова долгие муки примерок, снова выбор материи, снова слезы учениц: «Не подходит».

Моисеева и Миненков

Один из наших ведущих специалистов и судей по танцам Игорь Александрович Кабанов в середине шестидесятых годов вел танцевальную группу на стадионе Юных пионеров. Когда же Кабанову предложили перейти работать в Спорткомитет, он своих танцоров передал мне. В его группе катались тогда еще подростки Таня Войтюк и Слава Жигалин и совсем маленькие, им шел тринадцатый год — Моисеева и Миненков. Буквально накануне своего ухода Игорь Александрович поставил их в пару. Я долго не хотела брать танцоров, группа у меня уже у самой набралась достаточная, причем состояла она из представителей парного катания. Но Кабанов убеждал: «Возьми, Таня, не пожалеешь, посмотри за Моисеевой и Миненковым — классными будут спортсменами». А они на коньках еще толком стоять не умели, правда, тренировались самозабвенно. Такие тоненькие, нежные, тихие. У Иры аж ножки подкашивались, и вся она как будто из студня состояла. Только одно было очевидно — они подходили друг другу: и по росту, и по внешним данным. Очень красивые были дети.

Стала я учить их обязательным танцам, работать над скольжением — мне, впрочем, так и не удалось их научить скользить так, как хотелось бы, — мы проводили очень много времени на льду. Уставали ребята сильно, натирали ноги, но вида не подавали. Ира вообще очень терпеливая, хотя на нее постоянно валились несчастья, особенно досаждали больные голеностопы. Впрочем, неприятности с голеностопами начались позже, а пока они были физически очень слабые, оттого и уставали быстро. Однако мужественно ходили на двухразовые тренировки.

Наступило лето, и мы поехали вместе в город Азов на сбор по общефизической подготовке. Остановились в гостинице на берегу моря, и я начала на морском воздухе подтягивать им силенки. С нами поехал на сбор и маленький Вова Ковалев, который безобразничал и куролесил, как только мог, благо на различные проделки фантазия у него была богатая. А поскольку дурной пример заразителен, я, чтобы пресечь возможное разгильдяйство, моталась за ними по всем кустам, проверяя, бегают ли они кросс или отсиживаются в лесу, дурача меня. За день я перекрывала раза в три их беговую норму. Но спустя неделю убедилась: беспокоюсь зря, Моисеева и Миненков беззаветно тренировались.

Мы учили танцевальные позиции, учили по многу часов в день. Разучивали на полу под музыку обязательные танцы. И этот сбор в Азозе, напряженный и плодотворный, очень им помог.

Ребята физически окрепли и закалились. Характер маленькой Моисеевой для меня неожиданно открылся на этом летнем сборе в Азове. Какое-то время Ира не тренировалась, у нее болела нога. Сажу я как-то около гостиницы на скамеечке под пальмами, отдыхаю. Слышу, кто-то прыгает и пыхтит за спиной в кустах, оборачиваюсь, а это Моисеева свой здоровый голеностоп качает. Прыгает, прыгает, пот с лица течет. Так самостоятельно занималась маленькая, тринадцатилетняя девочка.

В Моисеевой и Миненкове ясно проступали задатки чемпионов — задатки, а не замашки. На мой взгляд, чемпионами становятся те, кто пламенно жаждет успеха и, обретя его, получает от этого полное счастье. Так вот, в тринадцать-четырнадцать лет они хотели уже быть признанными. Пусть не зрителями, пока только мною на тренировках. И как они были счастливы, когда я получала удовольствие от их проката. Ими дни-гало желание постоянно испытывать такое счастье.

Поначалу мы работали очень легко. Они все мои постановки принимали и понимали мгновенно. И что очень важно, в ребятах буквально с каждым днем все яснее и ярче проступала индивидуальность, без этого чемпионом не станешь. Еще немаловажная деталь. Таких выразительных рук, какие были у маленькой Моисеевой, я не видела ни у кого. Хотя у Иры была масса недостатков: бедра неразвернуты, ноги больные, отсутствие определенной координации, когда руки зажаты позицией. Но если Ира распускала руки, она каталась намного легче.

Наш счастливый 1975 год!

Ира и Андрей — мои первые ученики, которых я от юношеского разряда довела до самых больших вершин в спорте. С ними прошло начало моей творческой жизни. И все первые задумки, которые я хотела показать в танцах, я осуществила тоже с ними. Ира и Андрюша принимали участие во многих моих экспериментах. С каждым днем они становились крепче и крепче, и технически и физически. Выиграли первенство среди юниоров. Шел семидесятый год. Чемпионат континента среди взрослых проходил в Ленинграде. Нет, в соревнованиях Ира и Андрей участия тогда еще не принимали, но я добилась, чтобы их отпустили из школы посмотреть на такой большой турнир.

Дождались мы и того момента, когда они стали призерами чемпионата СССР и поехали на первенство Европы в ФРГ. Помоему, шел семьдесят третий год. Точно, семьдесят третий. Вот в

каком году произошло столь важное событие, сразу вспомнить не могу, зато прекрасно помню их тогдашнюю программу. За два года до их первого старта во взрослых соревнованиях приезжал в Москву Лоуренс Деми, председатель технического комитета по танцам в ИСУ, ему показали на тренировке тоненьких Иру и Андрея. Он долго не отходил от бортика, наблюдая за ними, а потом сказал: «Татьяна (Деми звал и зовет меня по имени), они могут стать чемпионами».

Мы серьезно готовились к первому «выходу в свет», мучительно повторяя обязательные танцы. Не шла у них никак обязательная программа, терпения не хватало, спокойствия в работе. Ира и Андрей не понимали, что обязательная программа вся построена на долготерпении, раздражались, когда я пыталась убедить их, что по-другому обязательные танцы не учат, только многократные повторения позволяют их освоить. А они не могли повторять одно и то же сотни раз. Они были слишком трепетны. К тому же считали себя исключительно творческими людьми, чтобы долго пережевывать одно и то же, а не создавать что-то выдающееся. Я продолжала требовать ежедневно и до бесконечности отрабатывать отдельные позиции.

Их экспансивность с монотонной работой не вязалась. Уже и чемпионами стали, а обязательные танцы все еще катили с ошибками. Времени на нее у них никогда не хватало. Только когда заливочная машина выезжала подготавливать лед к следующей смене — тогда у них работа над обязательной программой и начиналась.

Они приходили на тренировки — молодые, влюбленные друг в друга, влюбленные в жизнь, в спорт, наверное, влюбленные и в меня. Вспоминается немало забавных случаев из нашей жизни тех дней. В конце декабря 1968 года мы приехали с ребятами в Ленинград, жилив гостинице «Ленинградская», здесь же собирались праздновать и Новый год. Стол, конечно, накрывали у меня в номере и приволокли туда елку. За что нас всех чуть было не выселили из гостиницы, так как ставить елку в номере категорически запрещалось. Я так плакала, так уговаривала администраторшу, объясняя, что у меня дети, а дети без елки в Новый год не могут, что в конце концов она не выдержала моих причитаний, разрешила остаться и нам и елке. Мне самой тогда не исполнилось и двадцати двух лет.

Я накупила всякой еды, Моисеева и Миненков отправились в предновогодний вечер за тортом для команды. Они пошли на Невский и исчезли надолго. Вернулись— Ира в слезах, Андрей делает вид, что огорчен, но тихонько посмеивается. «Понимаете, Татьяна Анатольевна, мы поскользнулись!.. А торты были еще

горячие». Они купили два торта, один на два килограмма, другой на килограмм. Упасть они умудрились на оба. После нервотрешки из-за елки сердиться на них сил уже не было, я молча ложечкой сперва всю эту массу примяла, а потом уже стала раскладывать по тарелкам. Привязанность Андрея и Ирины друг к другу зародилась с самого детства. Мне казалось, что Ира любит Андрюшу сильнее, может быть, потому, что он балованней, чем она. Как ни странно, в ней, такой хрупкой и изящной на вид, внутри будто бы стальной стержень. Капризной она стала со временем. Вначале не была.

Андрюша в детстве обожал ласку. Если я прихожу на тренировку и целую Иру, то тут же подставлялась вторая щека — Андрея. Если я, уходя, опять поцеловала Иру, то Андрюша тут как тут...

Их взаимная привязанность навяла мне постановку показательного танца, который мы называли «Пампам», романтически-трагического характера. В общем, не знаю даже, как точно его определить. Танец исполнялся под вальс Шопена... Мне сразу пришлось по душе, как они начали его катать, видимо, вальс понравился и им, потому что выходили они с этим вальсом на показательных выступлениях лет семь. Никак с ним расстаться не могли. В этом танце они делали длинную проездку по диагонали, через весь каток. Они неслись, раскинув руки, как две птицы. Они летели к мечте.

Мечта о золотых медалях начала осуществляться с седьмого места на чемпионате мира. Пара Моисеева — Миненков понравилась сразу, они заявили о себе как о самобытных ярких фигуристах. После чемпионата мы уже планировали работу, настраиваясь на большие задачи. Признаться, я уже в год их дебюта на международных состязаниях видела в них чемпионов.

Я очень любила ставить им медленные танцы. Создавались они прямо на льду, я надевала коньки и каталась вместе с Андрюшей.

В 1975 году, третьем после их дебюта на международной арене сезоне, мы поставили оригинальный танец — блюз на музыку Мишеля Леграна из кинофильма «Шербурские зонтики». Приехали с ним на чемпионат Европы... и танец, который мне казался тонким и изысканным, раскритиковали в пух и прах. Нам указали на то, что это не блюз, хотя мелодия из фильма была специально мною записана в ритме блюза. В Итоге Моисеева — Миненков выше четвертого места подняться не смогли. До 1975 года они никогда не были на международных соревнованиях призерами, А вот Линичук и Карпоносов с первого раза, на чемпионате мира сумели завоевать бронзовые медали. Таким

образом, сразу стали конкурентами моим «ветеранам». Меня на чемпионат с ними не послали. Несмотря на четвертое место, как мне рассказывали, Моисеева судьям понравилась, но особо отмечали, какое большое впечатление она произвела на публику.

Ира и Андрей вернулись в Москву, я заболела, но за три дня до этого успела поставить для них совершенно новый оригинальный танец. В тот год я работала с хореографом Лерой Кохановской, и она этот скороспелый блюз вычищала, тренировала, а я валялась дома с воспалением легких.

В марте мы отправились в США. Чемпионат мира 1975 года проходил в Колорадо-Спрингс. Накануне чемпионата тяжело заболел Саша Горшков. Своим спасением он обязан Чайковской, которая буквально подняла на ноги всю Москву. Один из лучших в стране хирургов по легочным заболеваниям Михаил Израилевич Перельман сделал Саше операцию, она прошла удачно, и через несколько месяцев Пахомова и Горшков снова вышли на лед, а на следующий год стали первыми в истории спортивных танцев олимпийскими чемпионами.

Сборная СССР приехала на чемпионат мира без своих лидеров — Пахомовой и Горшкова, что породило больше прогнозов, чем собралось танцевальных пар. В чемпионы прочили Линичук и Карпоносова (близкими в стиле произвольного танца к Пахомовой — Горшкову), английский дуэт Грин — Уотс, американский дуэт Коннор — Милз, иногда вспоминали о Моисеевой — Миненкове, имеющих в этих раскладках самые мизерные шансы.

Тренировались мы в Колорадо-Спрингс в плохое время: или ночью, или рано утром, так назначили организаторы чемпионата. Тренировались тяжело, нервно. Моисеева с Миненковым поругивались, были недовольны друг другом. Но когда . приехали судьи, ребята собрались — они умели прекращать все распри накануне старта — и на последних тренировках отлично поработали, показав на высоком уровне свои программы арбитрам.

Ира легче входила в соревновательный цикл, чем Андрей. Она каталась перед судьями всегда лучше, чем на тренировках. Это то замечательное качество спортсмена, которое называется «плюс старт». Я часто во время турнира удивлялась: десятки помарок перед состязанием и ни одной в решающий момент.

По окончании обязательных танцев они шли четвертыми. После оригинального (первое исполнение нового блюза) стали первыми. Удержали лидерство и в произвольной программе. Они выиграли чемпионат, выиграли честно, красиво, прокатав произвольную программу с большим эмоциональным подъемом.

И Роднина с Зайцевым на том же чемпионате победили, будучи уже моими учениками. Не часто на долю тренеров в фигурном катании выпадает такой триумф: из шести чемпионов — четверо твои.

Мы отправились в долгое турне по Америке. Моисееву с Миненковым хорошо принимали, много вызывали на «бис», несмотря на присутствие Пахомовой и Горшкова, лучшей танцевальной пары в мире, которые приехали в Колорадо-Спрингс позже и присоединились к нам в турне. Даже рядом с такими мастерами они не потерялись. Это турне укрепило в них уверенность в собственных силах, что имело, конечно, очень большое значение.

Когда мы вернулись домой, я, не откладывая, стала ставить Моисеевой и Миненкову показательные танцы. Я часто начинаю сезон работой над этой несоревновательной частью будущих выступлений, она для меня обычно как увертюра к новой произвольной программе. В показательных танцах я экспериментирую, ищу новые поддержки, фигуры, позы. Мы готовились к 1976 году, к олимпийскому году.

В Инсбруке, на зимней Олимпиаде, победили Людмила Пахомова и Александр Горшков, в сложной борьбе с ярким дуэтом из США Коннор — Милз Ира и Андрей заняли второе место. За прошедший год их катание изменилось, у них появилась мощь и уверенность в себе. От турнира к турниру они набирали класс. После Олимпиады прошел чемпионат мира. Моисеева и Миненков снова вторые после Пахомовой и Горшкова, но теперь уже с большим отрывом от третьей пары. Нам казалось, что без сомнения они наследники чемпионского престола, так как после олимпийского сезона Мила и Саша решили оставить лед.

Работать мы стали совсем не так, как раньше. Чувство лидерства придает даже обычному занятию совсем другую окраску. И на тренировке спортсмены не забывают, что они чемпионы мира. Готовить программу к 1977 году мы уехали из Москвы в Челябинск, взяв с собой новую, отобранную для постановки музыку, и там на льду я поняла, что это совсем не та музыка, что нужна Моисеевой и Миненкову. Не чемпионская, слишком легковесная. И я улетела обратно в Москву. На следующее утро уже сидела в Доме звукозаписи и с музыкальным редактором искал, а другую музыку. Мы за один день «склеили» все четыре части программы. Теперь она состояла только из произведений Баха, Бетховена, Вивальди.

Программа 1977 года, пожалуй, одна из самых моих любимых программ Моисеевой и Миненкова. В ней они были удивительно органичны во всем. Они не делали в танце ни одного лишнего

движения.

Первый же старт в сезоне начинается с того, что во время разминки на чемпионате страны на Иру налетает Андрюша Витман, катавшийся у Чайковской в паре с Зуевой. Ира падает, Андрюша валится на нее и больно ударяет ее по голове. Моисееву подводят к бортику, она приходит немного в себя и, как потом выяснилось, с сотрясением мозга катается! Я уже говорила, что она человек мужественный, умеющий терпеть боль. Пара завоевывает звание чемпионов Советского Союза. Потом Ирину укладывают в постель, неделю она лежит не двигаясь, после чего летит со сборной в Хельсинки на чемпионат Европы. В Хельсинки во время оригинального танца Ира падает... Но произвольную программу они исполняют блестяще, и впервые Моисеева и Миненков становятся чемпионами Европы, причем конкуренции у них практически никакой.

К сезону 1977 года мы подготовили новые показательные номера. Они, думаю, получились удачными, потому что ребята катали их очень долго и проехали с ними много стран. Это танец, поставленный на фугу Баха, и танец на песню Эдит Пиаф. «Падам-падам-падам» (когда-то на эту музыку Чайковская хотела сделать программу мне, но так и не успела). До сих пор, когда я приезжаю во Францию, мне напоминают об этом показательном номере Иры и Андрея. Должно быть, действительно это был хороший танец, иначе вряд ли французам понравилась бы программа, созданная на песню их великой Пиаф.

В 1977 году Моисеева и Миненков второй раз выиграли чемпионат мира, проходивший в Токио.

О Моисеевой и Миненкове всегда говорили и спорили очень много. То они нравились, то не нравились.

То руки Ирины раздражали всех журналистов, то эти же руки делались у них неповторимыми, потом не нравились ее глаза, они у Иры так поставлены, что некоторые считали, что у нее злой взгляд, а она девочка очень добрая. Меня такое несправедливое мнение публики о спортсменке ужасно обижало. Я, выступая на встречах со зрителями, большую часть времени посвящала рассказу об Ириной доброте.

Внешности Иры я придавала всегда большое значение. О костюме уже было сказано, не меньшую роль играла и прическа. Когда я ее, еще подростка, причесывала к соревнованиям, то накладывала шиньон — это было модно. Но потом пришла к убеждению, что маленькая кичка (узел на гладко зачесанной голове, обычная прическа классических танцовщиц) больше всего к лицу Моисеевой — и любила ее именно в этом стиле. Все фигуристки коротко стриглись, и одна Ира выходила с гладко

причесанной головой, посаженной на длинную красивую шею, на которую в ряд, наверное, можно было надеть сто колец.

Как мне нравился этот профиль! Потом она постриглась, но это дело уже не моих рук...

И вот в Японии, когда они выиграли чемпионат мира, Ира сказала: «Татьяна Анатольевна, поехали платье выбирать». Мне не надо было объяснять, что предстоит покупка свадебного наряда. Мы с Ирой поехали в английский магазин, потому что в японском на Иринин рост ничего купить нельзя, не вылезали оттуда целый день, пока не выбрали самое-самое... Денег платье стоило больших, но шло Ире необыкновенно. Все их свадебные фотографии я храню. Я даже была их свидетелем во Дворце бракосочетания. Из дворца они поехали к могиле Неизвестного солдата, а потом красивые и счастливые явились в Лужники на каток «Кристалл», где шла тренировка. Занятия прервались, дети бросились к Ире и Андрюше. То, что Моисеева и Миненков в свой самый счастливый день пришли на каток, без сомнения, говорило о том, какое огромное значение имеет для них фигурное катание.

Победа в Японии — последняя их победа на чемпионате мира. Были еще успехи, но уже не столь значительные, и, увы, их было немного, и главное — это победы над собой, и ни для кого, кроме нас троих, они не заметны. Хотя я считаю, что победить себя не менее важно, чем выиграть чемпионское звание. На следующий год, в Канаде, в Оттаве, где проходил очередной чемпионат мира, Моисеева и Миненков проиграли. Програли с одной из самых любимых моих программ, построенной на мелодии Леонарда Бернстайна из фильма «Вестсайдская история». Обычно в программах при сменах темпа меняется музыка, а здесь шло одно произведение, которое нельзя было резать. Этот танец оказался для Иры и Андрея очень близким, отвечал их душевному настрою — катались они вдохновенно. Еще до чемпионата мира, на чемпионате Европы во Франции, я поняла, что с подобного рода программой мы несколько поторопились. Мне говорили: «Технически все, конечно, безупречно, но скучно, весь танец под одну мелодию...» Но скучать, судя по реакции зрителей, никому, кроме специалистов, не приходилось. Спустя шесть лет произвольный танец с единым, или, как говорят, сквозным, сюжетом и на единую музыку показали двукратные чемпионы мира англичане Джейн Торвилл и Кристофер Дин — и стали трехкратными. Их программа была принята с восторгом.

Да, мы немного опередили время. Но не только это помешало Моисеевой и Миненкову заставить поверить судей в жизненность необычной в те годы программы. Чемпионы мира, как правило,

законодатели моды, однако это право получают, как мне кажется, только многолетние лидеры. Чемпионский стаж Иры и Андрея в то время измерялся всего одним годом, вот почему то новое, что предлагали мы, легко находило противников.

Впрочем, чемпионат Европы 1978 года ребята выиграли. Но не вызывало сомнений, что на чемпионате мира основными конкурентами Иры и Андрея будут Наташа Линичук и Гена Карпоносов. Ученики Елены Анатольевны Чайковской больше и лучше тренировались, я бы сказала, более целенаправленно. Мои же питомцы, как никогда, подолгу выясняли на льду отношения. К тому же в тот год у Наташи и Гены был отличный, на мой взгляд, лучший за всю их спортивную жизнь произвольный Танец и замечательный оригинальный пасодобль — танец, - который органически соответствовал характеру этого дуэта.

При исполнении обязательного танца — романтическое танго — Ира споткнулась. И тут же, на этом же

Шагу, вслед за ней споткнулась и Наташа, но оценки Линичук и Карпоносов получили выше. Такая ситуация не смутила, а раззадорила Моисееву и Миненкова, произвольный танец они прокатили на таком высоком уровне, вложив в него столько экспрессии, что в зале установилась абсолютная тишина. Кроме музыки, можно было услышать, наверное, только, как я дышу. И когда в финальном такте Андрей поднял Иру на руки, я сказала: «Все». Я не сомневалась — победа за нами. Он повторил за мной: «Все!» И тут же споткнулся, уронил партнершу, и они покатались кубарем по льду.

Потом Андрюша говорил, что я его сглазила, но, конечно, дело не в одном слове, сказанном вроде бы под руку. Они могли выиграть, но могли и проиграть, что и случилось. В тот год дуэт Моисеева — Миненков не выглядел абсолютно сильнейшим, это был не чемпионский дуэт. Они плохо тренировались накануне решающего старта, тратя время на выяснение, кто у них в паре главный, и совсем перестали меня понимать.

Ира и Андрей всегда занимались очень нервно, а тут они, почувствовав себя полноправными чемпионами (в 1975 году они знали, что Пахомова и Горшков вернутся на лед), совсем распустились и стали выяснять и оспаривать правильность каждого шага, пропустив в спорах буквально месяцы тренировок. Я разными способами пыталась пресечь разгильдяйство. Наконец, обратилась к родителям, но и вмешательство родителей ни к чему не привело, они словно закусили удила.

Перед отъездом в Канаду я сказала дома, что ехать не хочу, потому что знаю — ребята проиграют. Гак готовиться к чемпионату мира нельзя.

С Родниной и Зайцевым я уехала после чемпионата в турне по Америке. Там все время думала об Ире и Андрее. Накупила пластинок, подобрала им музыку, придумала, какие танцы мы с Леной будем им ставить.

О Елене Матвеевой, балерине Большого театра, надо сказать особо. В жизни Иры и Андрея она сыграла большую роль. Лена — моя давняя подруга, ее я пригласила хореографом в 1976 году. Мы работали с ней очень дружно. Ира и Андрей стали ее любимцами, она в них просто души не чаяла, и когда они от меня ушли, она ушла вместе с ними.

Летом на тренировках, предшествовавших чемпионату в Канаде, мы еще работали вместе, вчетвером. Идея показательного танца «Кармен», одного из лучших танцев Моисеевой и Миненкова, с которым они объездили весь мир, принадлежит Лене. Мы подбирали к этому танцу движения, танцевали его с Матвеевой дома, задолго до сборов. Лена всегда мечтала поставить Ире и Андрею «Кармен», она их «видела» в испанском танце. Мы много спорили, но никогда не разделяли совместного труда: какой элемент придумала она, какой придумала я. Тот редкий случай, когда я прекрасно уживалась с хореографом. Единственное, что мне не нравилось, так это то, что когда я ругала ребят или их наказывала и они, оскорбленные, обычно уезжали в угол катка, следом за ними туда отправлялась Лена успокаивать их. Она там разучивала с ними то, что им хотелось, или так, как им нравилось. Я считала подобные уступки капризам спортсменов антипедагогичными, у тренера и хореографа должна быть единая линия в работе с учениками. В результате мы начали часто ссориться с Леной, которая, как безрассудная мамаша, ничем не хотела обидеть Иру и Андрея. У меня же не было ни сил подстраиваться под настроение учеников, ни времени. Помимо Моисеевой и Миненкова, в группе занималось еще семь дуэтов. Отношения наши зашли в тупик. Переносить постоянное психологическое напряжение на тренировках мне становилось все труднее и труднее. Меня ругали за их слабые (в применении, конечно, к ним) обязательные танцы. А что ругать: обязательные танцы — это прежде всего огромный и постоянный тренинг. Ира же и Андрей все, о чем не договорили дома, приходили выяснять на тренировках. Настоящей работы уже быть не могло. Миненкова я предупреждала: «Возьми себя в руки, или я передам вас другому тренеру». Я была измучена, меня угнетает, когда тренировка проходит непродуктивно. Но мое предупреждение они всерьез не приняли.

Я пошла на прием к председателю Спорткомитета СССР и сказала, что хочу передать свой танцевальный дуэт Моисеева —

Миненков другому тренеру.

— Кому? — спросил он у меня. — Может быть, Людмиле Пахомовой?

— Мне все равно, — ответила я, — у кого они будут заниматься. Они мои любимые дети, дороже у меня не будет никого, но как тренер я уже не могу им ничего дать.

Конечно, в какой-то степени на мои отношения с ними накладывалось и то, что у меня тренировались Бестемьянова и Букин. Я ходила влюбленная в них, как девчонка, не скрывала этого, что очень раздражало Иру. Как любимым и избалованным детям, им хотелось, чтобы на первом плане стояли только они. Даже то, что Бестемьянова и Букин делали первые шаги в большом спорте, а Моисеева и Миненков ходили в признанных мастерах, не успокаивало Иру. Она ревновала, и это чувство с каждым днем все больше и больше накаляло атмосферу в группе.

За месяц до чемпионата мира 1979 года в Вене я привела к ним Милу Пахову, и до отъезда на соревнования мы тренировали их вместе. И на чемпионат, где ребята стали третьими, пропустив вслед за Линичук и Карпоновым еще и венгерский дуэт Ракоци — Шалаи, мы поехали вместе с Паховой: официально Мила еще не стала их тренером.

Сразу же после возвращения с чемпионата Пахова начала работать с парой одна. Но вскоре, не более чем через полгода, их содружество распалось. Ребята продолжали ссориться. Тренировки проходили впустую, а ни один настоящий тренер терпеть этого не будет, какие бы ни были ученики великие-развеликие.

Ира и Андрей сами лишили себя возможности вернуться на высшую ступень пьедестала. Последние годы с ними работала Елена Матвеева, делала им хорошие показательные номера, программы, но для спорта, где живут чемпионы, они себя потеряли. Так работать, как работали они, тем, кто думает о победе, непозволительно.

Когда они начали тренироваться на другом катке, я вдруг ощутила необыкновенное облегчение. Складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, мне их не хватало, с другой — у меня как будто бы прибавилось сил, хотелось радоваться и смеяться.

Но из души их не вычеркнешь. Я до сих пор с удовольствием с ними встречаюсь. Был момент, когда, не сказав ни одного слова, они дали мне понять, что хотели бы вернуться. Может, кто-то и сочтет, что я поступила неправильно, но я ответного жеста не сделала.

Они остались в моем сердце, и я помню все, что связано с

ними. Ира и Андрей совсем разные, хотя внешне очень похожи друг на друга. Ира любит выглядеть лучше всех, чтобы платья у нее были самые модные, чтобы еда, приготовленная ею, была самой вкусной. Но в конце спортивной карьеры ее трудолюбие и старательность, которыми она так выделялась в обыденной жизни, на пороге зала умирали, наверное, она сильно устала или не очень любила фигурное катание.

Мне кажется, Ира очень рано потеряла удовольствие от катания, а Андрей пытался продолжать совершенствоваться, и это ему удалось. В последние годы как фигурист он стал ярче, чем она, несмотря на ту фору, которую ей давали выразительные руки. Андрей работал на льду больше, высчитывал радиусы дуг и угол наклона к ним, используя свои математические способности в тренировках. Андрею многое в танцах давалось тяжело, но если он что-то выучивал, то, как Зайцев, выучивал навсегда. Андрей относился к спорту серьезнее, он больше любит кататься. Даже сейчас, когда Ира родила, он все равно мечтает остаться действующим спортсменом. А вот настоящая чемпионская закваска была все же у Иры. Необъяснима сила вдохновения! Она могла собраться и блестяще откатать программу, которую провалила на тренировках. Это происходило, вероятно, потому, что каждодневная работа ее утомляла, не нравилась ей. Но чемпионство, сидящее в Ире, покоя не давало, оно требовало выхода. Это же качество, редчайшее и сразу же заметное у спортсмена, делало ее на редкость терпеливой к боли. Одних только уколов сколько — и внутривенных и обезболивающих — перенесла она.

Андрей любил выходить на старт в последнюю минуту, когда их уже объявили. А Ире хотелось раньше оказаться на льду, постоять на нем. Он все же добился своего: они выходили в последнюю минуту, и Ира очень нервничала. В какие-то моменты в жизни надо идти на компромиссы, делать не только то, что нравится тебе, но и считаться с желанием партнера. Андрей пойти на такое не мог, да и не хотел. Ирину уже трясет, а он не спеша идет из раздевалки. Но она терпела.

Моисеева и Миненков заражались моими идеями мгновенно. И пока я ставила программу, вели себя идеально. Им было интересно. Все у них сразу получалось, все с первых же дней выглядело очень красиво. Но потом наступал период тончайшей обработки, постоянных однообразных тренировок, и мы возвращались на круги своя...

27 ноября 1983 года Моисееву и Миненкова во Дворце спорта в Лужниках торжественно провожали, приурочив их уход из спорта к окончанию турнира «Московские новости». Прощаясь с

публикой, Ира ни разу не назвала моего имени. Я поймала себя на мысли, что ничуть не расстроена. Пока они ничего не поняли. Не я отказалась от них, как считают они, и, наверное, не они виноваты в том, что мы расстались, как утверждаю я на этих страницах. Просто есть жизненные законы и изменить их не дано никому. В какой-то момент наш союз стал невозможен — кто в этом виноват? Если б они пытались вести себя по-другому, так, как хотела я, кто знает, существовал бы тогда дуэт Моисеева — Миненков, дуэт двукратных чемпионов мира? Они во всем были неповторимы, даже в том, что, добившись высшего звания, не захотели ничуть себя изменить. А без этого удержаться в лидерах невозможно. Но я верю, когда-нибудь они поймут эту нехитрую мысль.

Простилась я с ними намного раньше, чем в тот торжественный вечер, простилась по-своему. В Вене в 1979 году на последний их выход в показательных выступлениях я вышла, как обычно, с ними вместе и встала на привычное место у борта. Они катались, а я плакала. Так мы прощались.

Если же спросить, кого из своих учеников я любила больше всех, нет, кто был дороже всех, — конечно, Ира Моисеева и Андрей Миненков.

Пять минут у льда

Всегда, насколько я помню, во время соревнований фигуристов тренер стоит у льда. Ну, если не у самого льда, то в проеме, откуда выходит спортсмен. Пять минут, не больше, стоит он около борта. Не знаю, что движет остальными, но о себе могу сказать точно: я убеждена, что помогаю взглядом своим ученикам кататься. И если они падают, я ощущаю такую же боль, синяки только не появляются.

Я не замечаю, кто стоит рядом со мной, когда на лед выходят мои ученики. Я долго устраиваюсь, надо встать удобно, чтобы ни разу не покачнуться. Я не слышу в этот момент никого, кто бы ни обращался ко мне с вопросом. Я дышу, шумно дышу, ребята говорили, что на льду можно слышать мое дыхание. К тому же у меня начинается такое сердцебиение, что, как ни дыши, воздуха в легких все равно не хватает.

Я дышу, задыхаюсь, пульс у меня такой же, как и у них,— это проверено, измеряли. Когда Роднина и Зайцев выходили на лед в Лейк-Плэсиде, у меня руки свело так, что в течение получаса после их короткой программы кисти буквально окостенели, и мне пришлось делать уколы, чтобы снять напряжение в руке и я могла бы пошевелить пальцами.

Не люблю, когда стараются обратить внимание телезрителей во время выступлений спортсменов на их наставников. Что там показывать? Тренер в эти минуты каменный истукан. А я еще тихо голову начинаю втягивать в плечи. Пока она почти полностью в шубе не исчезает. Отвлечься на что-нибудь, когда выступают твои спортсмены, нельзя ни на секунду: надо все время их вести, управлять их шагом, чувствовать каждое их движение. Мне кажется, что я передаю им и свои силы, чтобы появились у ребят на льду дополнительные возможности. Я верю, что между тренером и учениками во время соревнований существует какая-то необъяснимая телепатическая связь. Может, действительно есть эта ниточка. Иначе отчего же я чувствую каждый жест спортсменов так, будто сама на льду? Все выступление через себя пропускаю. И замечаю ошибки, которые не видит никто. И ощущаю, когда ребята устали, когда надо им помочь. Иногда за полчаса до старта я оказываюсь в состоянии тревоги. Сделать с собой ничего не могу. Знаю, сегодня кто-нибудь из них упадет.

Тяжело стоять у льда. Все равно что выходить на сцену. Привыкнуть к этому невозможно. Состояние свое в эти минуты регулировать невозможно. Нельзя ни на секунду расслабиться и

выпустить воздух. Надо катать с ними и катать до самого конца. Но вот когда они кончили, можно сбросить все напряжение и с улыбкой смотреть в камеру. И пусть кого-то раздражают наши объятия. Ведь это все естественно. Это первая и искренняя благодарность за совместно пройденный кусок жизни. Потому что жизнь наша измеряется от проката до проката. Так месяцы проходят, годы.

Неповторимые руки Иры Моисеевой

Помню, меня ругали дома, когда в Одессе, на чемпионате страны, Наташа упала и все телезрители видели, как я от нее после выступления отвернулась. Не могла я в эту минуту смотреть на Наташу, но не потому, что рассердилась на нее, а не

знала, что ей сказать? Ругать? Ругать сразу нельзя, надо разобраться, надо понять, почему это случилось. Это надо и самой осмыслить, и ей дать возможность подумать. Ничего ведь случайно не происходит.

Камеру в такие минуты не замечаешь. Живые ведь люди. И не актеры. Не хочется улыбаться, когда проиграл. Вот когда победил, настроение другое, и радостью этой возникает желание поделиться. Когда все хорошо, машешь рукой, прежде всего домашним: мол, жива еще и могу сама передвигаться, А если твой ученик откатался плохо, зачем улыбаться, зачем обманывать людей. Второй попытки у него не будет. Я стараюсь сама и учу своих ребят вести себя всегда естественно. Быть органичными в любой ситуации, в которой оказались.

Зал, зрителей я не вижу. Слышу только его реакцию. Да и в лица ребят я не смотрю. Слежу за их ногами. По ногам я могу определить, с каким настроением они катаются. Много лет назад я, выступая сама, во время проката посмотрела в глаза моему тренеру Елене Чайковской, В ее взгляде было столько напряжения, что я сразу же упала. С тех пор я смотрю выступления своих учеников, не поднимая глаз.

Вывести из состояния отрешенности, когда во время выступления твоих учеников ты стоишь у льда, не может никакой человек и никакое событие.

Я наблюдала за другими тренерами во время соревнований. Все стоят, захваченные целиком выступлением своих учеников. Никто не позирует, никто не следит за камерами, а женщины-тренеры забывают, что они женщины и что их показывают крупным планом. Все помнят только одно — они тренеры, И для них то, что в течение пяти минут происходит на льду,— главное событие жизни.

Лично у меня никакого особенного напутственного ритуала никогда не было. Родниной и Зайцеву я обычно говорила: «Ну, давайте, милые!» Впрочем, говорила это скорее для себя, чем для них. Бестемьянова и Букин с последними аккордами предыдущего дуэта становились рядом и смотрели мне в глаза. Я по очереди кивала и одному и другому: мол, мы все трое готовы. Они кивали мне в ответ и выезжали вперед, а я оставалась у кромки льда. Сколько раз я их уже так провожала?

Бестемьянова и Букин

Рассказывать о Наташе Бестемьяновой и Андрее Букине мне труднее всего. Они сейчас моя первая пара. В них я влюблена, как когда-то была влюблена в Иру Моисееву и Андрея Миненкова.

Летом 1983 года и Наташа, и Андрюша пережили большие семейные события. Наташа вышла замуж за Игоря Бобриня, и весь «фигурный» мир гулял у них на свадьбе в ресторане «Прага». По эскизам Вячеслава Зайцева были сшиты для новобрачных костюмы. Наташа была ослепительно хороша. Сыграли свадьбу в начале лета, танцевала на ней жена Андрюши Букина Ольга, а через три месяца праздник пришел в семью Букиных — родился у них сын, которого родители, не мудрствуя, назвали Андреем.

Наташа через десять дней после свадьбы уехала на сбор. Андрей узнал, что он отец, за три дня до очередного нашего отъезда из Москвы. Ничего не поделаешь: надо работать, готовиться к новому сезону, к олимпийским стартам.

Наташа и Андрей попали ко мне уже сложившимися спортсменами. Бестемьянова занималась у Эдуарда Георгиевича Плинера, одного из лучших наших специалистов одиночного катания. На чемпионате страны 1977 года она заняла четвертое место — это неплохой результат, но на следующий год была десятой. Бестемьянова прыгала всего один тройной прыжок, и у нее полностью отсутствовал старт.

Прославленные Ирина Роднина и Александр Зайцев

В турне по Сибири я обратила внимание на эту фигуристку. Показательная программа Наташи была поставлена на песню Пугачевой «Арлекино», которая позволила ей раскрыть свои богатые эмоциональные возможности в различных амплуа. Может быть, она мне приглянулась и потому, что рыжая. Я рыжих

люблю.

Андрей, напротив, рос в спорте как танцор. Вместе со своей партнершей Ольгой Абанкиной, позже ставшей его женой, он выигрывал звание чемпионов страны в юношеском первенстве. Но потом тренерский совет посчитал, что партнерша у Андрея бесперспективная, и было предложено их тренеру Антонине Ивановне Карцевой заменить Ольгу другой девочкой. Тогда ребята решили оставить спорт. Им в те годы казалось легче уйти, чем расстаться друг с другом. Но Андрей помаялся дома пару месяцев и с разрешения Ольги, которая действительно уже не хотела возвращаться на лед, пришел проситься ко мне в группу. Ольга, кстати, на каток все же вышла, но уже как детский тренер, закончив вместе с Андреем институт физкультуры.

Букина я к себе в группу взяла без долгих напутствий, раздумий, сказав что-то вроде: «Ладно, раскатывайся пока, через три дня я тебе что-нибудь скажу». Через три дня я улетела. Он продолжал ходить каждый день тренироваться. Вернувшись в Москву, я стала собираться в Томск, захватив с собой и Букина.

Вдруг в Томске я обратила внимание, что у меня катается ну просто замечательный мальчик с грустными, доверчивыми глазами и катается печально в полном одиночестве, но мне некогда было подумать о партнерше для него. Он же регулярно деликатно спрашивал: «Татьяна Анатольевна, может, партнершу какую-нибудь возьмем?»— «Возьмем, возьмем,—бодро отвечала я, — приедем в Москву и возьмем». Однако и в Москве никого не взяли, а вот в Северодонецке, где мы встречались на тренировках с одиночниками, я увидела грустную Наташу, стоящую у бортика, и послала к ней на переговоры Андрея.

Он что-то пробубнил ей около борта, она не ответила ни «да» ни «нет». На следующий день, проходя случайно мимо как раз в тот момент, когда она безуспешно разучивала тройной прыжок и все время падала, сказала: «Нечего биться, переходи-ка в танцы». Она пришла... через полгода.

Андрей уже потерял всякую надежду найти партнершу и был готов танцевать в паре с кем угодно. Но с «кем угодно» ему как раз танцевать не годилось. Он заслуживал большего.

Когда Букин, наконец, привел Наташу на СЮП, она чуть слышно пробормотала, что хочет у меня заниматься, но не может бросить своего тренера. Эти ее слова меня сразу подкупили. Меня поразило глубокое понимание отношений с тренером. Наташа пережила нелегкий разговор с Плинером, беседовала с ним и я. Он понимал, другого пути у Бестемьяновой в спорте нет, но расставался с ней нелегко. С учениками всегда расставаться больно.

Я дала ребятам задания: Андрей должен научить Наташу танцевальным позициям, сама же уехала на соревнования. А когда вернулась, поняла, что у меня появилась великолепная пара. То, что из Бестемьяновой и Букина вырастет чемпионский дуэт, сомнений у меня не вызывало. Такие минуты в жизни тренера тоже бывают нечасто.

На следующий же день, забыв обо всех (все — это Моисеева, Миненков, Роднина и Зайцев), я схватила первую попавшуюся мне музыку и начала ставить новой паре показательный танец. Это основное проявление моего восторга, когда я вожусь с кем-то одним и не обращаю уже внимания на остальных.

Я была уверена, что их возьмут на первенство Европы и мира в том же, 1978 году. У Бестемьяновой и Букина получилась замечательная программа. Как жалко, что живут программы всего год и ту, первую, так никто толком и не видел. Я все же оставила из первой их композиции пробежку в будущем показательном выступлении.

Для всех специалистов, увидевших Наташу и Андрея впервые, стало очевидным, что в наших танцах появилась оригинальная пара. Их первый танец — романтический. Испанская мелодия. Она полностью исключает улыбку. Это я отмечаю особо, потому что некоторые утверждают, что Бестемьянова и Букин только и могут, что смешить публику. Первая программа Наташи и Андрея полностью опровергает эти странные выводы. Но скажут: ведь был чаплинский танец? Да, был танец под музыку из фильмов Чаплина. Нужна была программа, чтобы их заметили. И чаплинский танец сделал свое дело.

Кстати, уметь смешить — одна из самых сложных задач. Заставить плакать куда легче. Великих комиков значительно меньше, чем великих трагиков. Никто, кроме Наташи и Андрея, да еще Игоря Бобрин, не умеет этого делать на льду — смешить публику. Умение заставить зрителя хохотать — это невероятное богатство. И наконец, это использование своих сильных сторон. Чем были сильны Моисеева и Миненков? Никто лучше них не мог показать любовь. Они решили изменить стиль — и задуманного эффекта это не дало. Мне думается, даже что-то меняя в стиле, необходимо сохранять свое лицо.

Да, Бестемьяновой и Букину принес известность чаплинский танец. На чемпионате мира в Вене зрители устроили восторженный прием новой советской паре. Вопреки всем писаным и неписаным законам, их, дебютантов, занявших к тому же десятое место, включили в программу показательных выступлений. Включили по настоянию Лоуренса Деми, председателя технического комитета по танцам Международной

федерации фигурного катания. Постановка этого танца далась нам трудно, история работы над ним так же трагикомична, как и сам гротескный танец.

Когда мы уже работали над этой программой, но у нас еще мало что получалось, Андрюша вдруг уселся на бортик и начал кричать, что мы зря все это затеяли, зря тратим время, он себя знает и уверен, что умрет, а выкатать танец, в котором нет ни одной медленной части, не сумеет. Он сидел и плакал на этом дурацком бортике, я стояла рядом, гладила его по голове и внушала, что это ступенька, через которую необходимо перешагнуть. Вся жизнь состоит из того, что мы идем по лестнице, преодолевая с трудом или легко новые ступеньки. И не пройдет и полутора месяцев, как он сумеет катать две части, потом три, потом всю программу.

Дело происходило в Томске. Перед выходным днем я хотела устроить прогон для двух частей, но Андрей упал и не мог кататься дальше.

Ночью Букин исчез. Я сидела на окне гостиницы на четвертом этаже, свесив ноги на улицу, ожидая, когда он выгуляется. Он пришел, когда уже светало. Увидев меня со свешенными ногами и с завязанной полотенцем от сумасшедшей боли головой, он, бедный, чуть не лишился чувств. Потом я кричала, что люди, у которых нет сил, так себя не ведут. Они спят, а не шляются по ночам, и пообещала поставить ему еще одну такую программу. Я не пускала Андрея к себе целый день, не выходила из номера сама. И он все это время сидел за дверью. Там ел и пил и ждал, когда я его прощу.

Моисеева и Миненков от меня уже ушли. Роднина и Зайцев оставили спорт, и я начала заниматься с Наташей и Андреем много и постоянно. Наташа была довольна партнером, они почти не ссорились, случай очень редкий в паре. Криминальными считались даже те моменты, когда они повышали друг на друга голос. И то, что Андрей женат, как они считали, только улучшало их отношения. Они не уставали от постоянного общения друг с другом и чувствовали себя независимо.

Когда Бестемьянова и Букин вышли на международную арену, вместе с ними заявила о себе еще одна молодая танцевальная пара — Наталья Карамышева и Ростислав Синицин. Тренерский совет решил чередовать эти пары на международных соревнованиях. В 1979 году Бестемьянова и Букин отправились на чемпионат мира, а Карамышева и Синицин на первенство Европы. В 1980 году Наташа и Андрей выступают на континентальном первенстве и Олимпийских играх, Наташа и Ростислав принимают участие в чемпионате мира. Причем результат обеих

пар почти одинаков. Но сезон 1980/81 года вывел Бестемьянову и Букина вперед. Они были третьими на чемпионате страны (на высших ступенях пьедестала стояли Линичук — Карпоносов и Моисеева—Миненков), в декабре стали призерами традиционного международного турнира «Московские новости» и, наконец, на международных соревнованиях в Голландии чисто победили Карамышеву и Синицина.

И вдруг в конце сезона подходит ко мне Букин и говорит: «Татьяна Анатольевна, возьмите к себе в группу Ростика и Наташу». Я только руки развела от удивления: «Ну, надо быть таким ненормальным, как ты». Взять Карамышеву и Синицина к себе? Первых конкурентов Бестемьяновой и Букина. Кто бы мог об этом попросить? Я подобного примера найти не могу.

За что же я их так люблю? Вот за то, что они такие замечательные люди, честные, открытые, добрые. У меня были дуэты, которые между собой спорили, поругивались, просто ругались. С Бестемьяновой и Букиным у меня появилась возможность все отпущенное время заниматься работой, а не примирением сторон.

Что меня пугает больше всего? Чтобы не истощилась моя фантазия и чтобы не пропало у них желание быть любимыми зрителями.

Таким спортсменам, как Бестемьянова и Букин, психологически очень сильным и по-спортивному абсолютно зрелым, не надо показывать, что необходимо сделать. Важнее сказать, что бы я хотела на льду увидеть. Я объясняю состояние танца, и из ста движений, показанных или рассказанных мною, выбирается одно — так рождается новая пластика. Я, например, не могу работать с хореографами, я должна все ставить сама. Я уже говорила, что хорошо мне работалось только с Еленой Матвеевой. Мы не считались, кто из нас что и сколько придумал, но ей были близки только Моисеева и Миненков, и в основном она занималась ими. Года три назад Дмитрий Брянцев поставил показательный и произвольный танцы Наташе и Андрею. Работать с Брянцевым — удовольствие, но я именно так и могу работать с хореографом, приглашая его поставить один танец. Мне нужен только его последний взгляд на законченную программу.

Не знаю, видела ли я когда-нибудь в жизни идеальную пару. И что это такое? Чтобы партнеры подходили друг к другу по росту? И чтобы любили они и в танцах, и в жизни друг друга одинаково? Нет. Идеальных пар нет. Кто-то в дуэте всегда ведущий, кто-то ведомый.

Например, в нашей золотой паре Людя Пахомова была

ведущей. Мы смотрели много лет на этот дуэт, и ловили себя на том, что смотрим на нее. Правда, Пахомова могла заставить нас делать это только благодаря Александру Горшкову. Что касается английской чемпионской пары Торвилл — Дин, то я вижу, как он ведет партнершу, а ее не замечаю. Но тоже благодаря тому, что партнерша она замечательная.

Бестемьянова и Букин удивительны тем, что у них одинаковое дарование. Но у Наташи чуть больше темперамента.

Каждый раз перед новым сезоном, как на экзамене перед чистым листом бумаги, я трясусь, не могу придумать ни одного движения. Я даже плакать не могу — рыдаю. И еще пугает время, оно подгоняет, есть сроки постановки, и их изменить нельзя. Пустота внутри становится пропастью. И я уже почти уверена, что надо позвать учеников и сказать им: «Извините, я в этом году ничего поставить вам не могу, я не знаю, что делать, так получилось». Но когда эта пропасть вырастает до немыслимых размеров, вот тогда и приходят новые мысли и идеи.

Я хотела в 1984 году поставить им танцы без всякой темы. Просто красивые ганцы, чтобы зрители, сидящие на трибунах, приходили в восторг.

Да и чемпионские медали выиграть было необходимо. «Золото» европейского первенства 1983 года для нас было не высшей пробы, так как на чемпионат не приехали Торвилл и Дин.

В соперничестве этих дуэтов есть обидные для нас моменты.

Андрей с Наташей впервые встретились со своими главными конкурентами на чемпионате мира в 1979 году в Вене. Там в обязательной программе был венский вальс, и я впервые обратила внимание, как Дин делает чоктао — типичный элемент, основа основ в танцах, — у него ножка так аккуратненько, развернуто подходила к другой ножке, просто картинка. Он еще не был тогда идеальным партнером и не так тонко чувствовал музыку, но поразил меня выворотностью. Ребята проиграли англичанам обязательные танцы. В венском вальсе Букин зацепился за борт. За произвольный танец наши оценки были выше, чем у Торвилл — Дин. В конечном счете они тогда заняли девятое место, а мы — десятое.

А на следующий год ситуация резко изменилась. На чемпионатах мира для судей имеет большое значение, какие места занимают спортсмены во внутреннем первенстве, так как по неписаному правилу спор за высшее звание ведут прежде всего национальные чемпионы. Так вот, англичане уже в 1980 году стали чемпионами своей страны, а Наташа и Андрей впервые победили на чемпионате СССР лишь в январе 1982 года.

К зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде они подготовили

русскую программу. Никто, я считаю, озорнее, чем они, русского танца на льду еще не показывал.

Пока Наташа и Андрей после чемпионата мира 1983 года, прошедшего в Хельсинки, где они заняли второе место, ездили в турне по европейским странам, я мучительно думала, какой сделать их олимпийскую программу, как представить их в таком важном году, выросших значительно в мастерстве, выросших в понимании танца. Имеющих свое лицо, свой стиль.

Хотелось создать что-то более значительное, чем то, что делалось в прежние годы. И не только потому, что предстоял олимпийский экзамен, но и чтобы они могли показать себя и как лидеры советской танцевальной школы.

Я приехала к ребятам к концу турне во Францию. Приехала, привезла -новую музыку. Музыка была испанская. Несколько отдельных миниатюр, каждая из которых представляла собой колоритнейшую испанскую новеллу. Нам давно хотелось сделать испанскую программу. Долго слушали музыку. Что-то нравилось, что-то нет. Мы находили в ней замечательные моменты, постепенно компоновалось нечто цельное. Но когда приехали в Москву, я решила все же поменять испанские мелодии на русские: потому что Олимпиада, потому что мы русские, никто, кроме русских, не может показать наш танец с нашей музыкой, показать его характер, как это могут Бестемьянова и Букин. Но хотелось сделать танец непохожим на все, что было прежде. Миша Белоусов отбирал мне музыку, и я ее слушала, даже не часами, измеряли ее километрами пленки.

В это время состоялась премьера новой программы у Игоря Александровича Моисеева. Игорь Александрович пригласил меня с мужем посмотреть его новую работу «Ночь на Лысой горе». Это была еще не премьера, а первый черновой просмотр в репетиционном зале. Я была потрясена грандиозностью балетмейстерской работы. Невероятная фантазия во время всего действия, миллионы новых движений, новых находок. Я сидела в репетиционном зале и в полном восторге смотрела работу Моисеева. Еще не было костюмов, еще, наверно, были какие-то помарки, но меня заколдовало происходящее на сцене. Невозможно себе представить, чтобы человек в семьдесят семь лет был способен так поражать своим искусством. Это под силу только гениям. Я видела сотни репетиций Моисеева, десятки его спектаклей, но ничто не производило на меня такое впечатление, как этот прогон. Он меня и утвердил в мысли о создании русского танца. Нет, я не собиралась ставить его так же, как Моисеев, хотелось тоже находить новые движения, передать динамику русского танца, его красоту. Основное направление будущего

произвольного танца Бестемьяновой и Букина определил именно этот просмотр — Наташа и Андрей должны показать на льду веселье, задор, лихость русского характера, передать дух русской ярмарки.

Я вернулась домой из Зала Чайковского и не могла уснуть всю ночь. Хотелось рассказать всем, что мы видели, чтобы все бежали, записывались, становились в очередь за билетами. Чтобы никто этого не пропустил, чтобы все это посмотрели. Собственно, все мои друзья потом на концерте побывали.

Мы начали ставить программу в Одессе: собирать материал, то есть искать позиции, элементы, связки для каждой из частей, но пока не komponуя их вместе. Мы — это Ирина Чубарец и Станислав Шкляр — хореографы, которые работают со мной, известные мастера балльных танцев, Светлана Львовна Алексеева и я. Совершенно забыв о времени, работали и работали. Ира и Станислав пробовали что-то в зале, потом показывали мне, а я переносила их задумки на лед. В зал я специально не ходила, чтобы своим присутствием не давить на хореографов. Наташа и Андрей любое их предложение старались развить, изобретала движения и я — и за четыре дня мы полностью собрали материал для произвольного танца. При этом сами пребывали от него в полном восторге. Во второй части танца есть такая проходочка в мелодии, Ира и Станислав твердили, что она должна быть в движении проста и гениальна. Потом взяли и прошли сами. Это было действительно просто и гениально. А когда то же самое на льду воспроизвели Бестемьянова и Букин, мне стало ясно: произвольный танец нам удался.

Одна мысль не покидала: только бы вот так продержаться до конца, когда каждый шаг — находка. «Вы только темп вытяните», — просила я ребят, а темп дикий, программа очень сложная, нет ни одного такта из тех, что ребята танцевали раньше. Все совершенно новое: поддержки, шаги. Я больше всего боялась повторов, потому что устала смотреть программы, состоящие из одних и тех же элементов, как будто постоянно катают одну и ту же программу, только музыка меняется.

Ребята выходили с этой программой за зиму раз пятьдесят, не меньше, на различных показах, просмотрах, соревнованиях, но я смотреть на нее не устала.

Первый показ состоялся в Одессе. В это время там проходили гастроли «Современника», и я пригласила на тренировку Галину Борисовну Волчек. Катали ребята программу удачно, хотя со времени начала работы над танцем прошла всего неделя, и когда закончили, Галина Борисовна закричала: «Таня, bravo!»

Теперь мы еще больше утвердились в мысли, что

произвольная программа нам удалась. Она потом отрабатывалась, вычищалась, сокращалась, но практически наш русский танец был создан за несколько дней.

Настоящая премьера проходила в Томске. Программа была еще сырой, прошло всего три недели, как мы ее показывали в Одессе, но приняли ее очень хорошо. Ребята еще спотыкались, многие жесты выглядели незаконченными, однако каждый день то в жесте, то в шаге, то в повороте головы Наташа и Андрей демонстрировали что-то новое — танец давал им возможности для импровизации. Сколько я провела тренировок, но двух одинаковых движений в этом танце так и не увидела. Может быть, это и плохо, меня же это радует, Я не могу смотреть на одинаковые заученные жесты, улыбку, если они повторяются в одном и том же месте. Это замечательно, когда в зависимости от внутреннего состояния, тренированности фигуристов танец преобразается и преобразается ими. Мне не хочется трогать его самой, показывать жесты, считаю более целесообразным объяснять, что бы я хотела здесь видеть. И то, что Наташа и Андрей привносили в танец много своего, а это им, кстати, очень помогло, возможно было только благодаря их большому мастерству, их высочайшему знанию всех законов спорта и фигурного катания.

Такова история рождения программы олимпийского года. Мы проиграли в этом сезоне чемпионам мира, но мы шли своим путем, в фигурном катании нет двух первых мест, и приходится сравнивать два совершенно различных направления. Я была убеждена, что Бестемьянова и Букин достойны в танцах самого высокого звания. Что ж, их путь в спорте в роли одной из ведущих в мире пар только начинался...

Главу о Наташе и Андрее надо заканчивать рассказом о Сараеве. Наташа перед стартом очень нервничала, но говорить об этом я не хочу. Мы все это видели по телевизору, и больше не увидим. Серебро Олимпиады завоевано ими в борьбе с выдающейся парой, которая раньше вышла в лидеры и у которой шансов победить было больше. Но любая олимпийская награда — высочайшее достижение. Нет у спортсмена в жизни важнее соревнований, чем Олимпийские игры.

Вечером, когда я из Шереметьева приехала домой, ждал меня накрытый нашими мамами стол, и во главе его восседал отец, редкий гость на любом семейном празднике. Он произнес тост, поздравив меня, когда же пришла моя очередь говорить, я напомнила ему, как он твердил мне постоянно: «Мало работаешь, мало работаешь». — «Сколько ты провел Олимпиад?» — спросила я у отца. «Был на пяти, но тренером работал на четырех». — «Вот

и я вернулась уже с четвертой своей Олимпиады». И он как-то притих: «Врешь, Татьяна». — «Ну, как вру, ты в 1972 году в Саппоро заканчивал, а я там начинала».

Я не знаю, с чем можно сравнить первую в жизни Олимпиаду. Я не нахожу сравнения, потому что, когда впервые попадаешь на Игры, испытываешь чувство безграничного счастья, хочется только летать. Тем более что, когда я попала на первую свою Олимпиаду, передо мной стояли задачи менее сложные и ответственные, чем на трех остальных. В Саппоро мои ученики, спортивная пара Черняева — Благов, должны были принести команде одно очко, и они его принесли. Это тоже серьезное испытание для двадцатичетырехлетнего тренера, но все-таки не такое, когда надо бороться за призовые места, когда на твои плечи ложится обязанность вывести учеников в чемпионы. Наташа и Андрюша боролись за первое место. Букин однажды так разволновался, что мне стало за него страшно. Торвилл и Дин сделали в обязательном танце мелкие ошибки, просто Крис нервничал, но ошибки заметные, судьи же ставят им 5,9—6,0. Букин, как ребенок, чуть не заплакал: «Что ж происходит, Татьяна Анатольевна, посмотрите?» Он понимал, что судьи им оценку выше не поставят, но в душе оставался спортсменом и стоял за честную спортивную борьбу. Как тренеру мне реакция Букина доставила удовольствие, мы с Наташей поплелись за ним, успокаивая и объясняя, почему нас за малейшую неточность наказывают.

В Саппоро я бегала смотреть другие виды, сейчас же коплю силы для своего дня и никуда не хожу. Тренеры на Олимпиаде должны, как и спортсмены, быть в пике своей формы, поэтому нельзя распылять внимание и необходимо отдыхать.

Не знаю, какая Олимпиада мне дороже всех, все они очень разные. Понятно, что последняя занимает в памяти самое большое место.

Тарасята

Так называют команду моих учеников. За те годы, что я работаю тренером, у меня занималось несколько десятков фигуристов. Я помню их всех прекрасно. И буду помнить всю жизнь. Они были разные: добрые, злые, трудолюбивые, лентяи, но для меня, как для матери ее дети, всегда самые дорогие существа. Ученики — это, впрочем, те же собственные дети, видишь все их недостатки, но все равно любишь. Из жизни моих учеников складывается и моя. Но расскажу я о тех, чья работа со мной отмечена каким-нибудь существенным событием как веха, которой отмечен определенный этап на моем тренерском пути.

Людмила Суслина и Александр Тихомиров

Людмила Суслина и Александр Тихомиров — самые первые мои питомцы. Когда я поняла, что тренироваться больше не смогу, то вдруг оказалась в страшном одиночестве и не знала, что делать дальше, то ли идти танцевать, то ли идти учиться, то ли идти работать. Передо мной открывались все дороги, но, правда, ведущие неизвестно куда. В один из этих дней маеты и раздумий, нелегких для меня дней, так как я очень любила кататься, а теперь в силу моей непригодности вынуждена была оставить любимое дело, ко мне приехал мой первый партнер Александр Тихомиров. С Сашей я выросла, с Сашей выполнила норму мастера спорта, с ним выигрывала юношеские соревнования. Теперь Саша Тихомиров катался с Люсей Суслиной. Он посидел у меня в гостях, а уходя, между прочим, сказал: «Что ты мучаешься, ходишь такая расстроенная, ты же способная девочка. Вот возьми нас с Людой тренировать. А то с нами никто возиться не хочет».

Это сейчас при каждой более или менее приличной паре тренер, хореограф, врач, музыкант да еще и администратор крутится. Тогда же Люся и Саша занимались одни, даже тренера для них свободного не было. Но катались Суслина с Тихомировым, как и я, в «Труде» и к тому же на стадионе Юных пионеров. Что можно еще себе пожелать лучшего! Конечно, не прошло и недели, как я вылетела с ними на лед и сразу же начала ставить им короткую программу на музыку Арама Хачатуряна «Танец с саблями». Музыку, к которой я еще не раз потом возвращалась. Я крутилась вокруг Люси и Саши с утра до вечера, мне все нравилось, все, было интересно. Непонятно только, отчего Суслика и Тихомиров так уверовали в меня? Прошла еще

неделя, и они на соревнованиях занимают четвертое место, обходя пары, у которых прежде не выигрывали. Думаю, зараженные моим восторгом, они оказались на большом эмоциональном подъеме плюс еще и ощущение, что они кому-то нужны, что у них есть свой тренер. Но не только я им — и они мне оказались необходимы.

С той минуты, как я снова пришла на СЮП, теперь уже тренером, я ожила. Я начала придумывать себе сразу тысячу хлопот. Принялась рядить Люсю и Сашу: пришивать к Люсиному платью какие-то немыслимые кружева, к голове прилаживать цветы, заказывать Саше новые костюмы. Конечно, ничему я их не учила и не могла еще научить, но они первые, кто в меня поверил, вручив мне свою судьбу.

Саше, как и мне, исполнилось тогда девятнадцать, Люся на год старше, но тем не менее они абсолютно мне подчинялись и делали все, что я от них требовала.

Каждый прокат проверяется видеозаписью

Тогда же меня пригласил к себе Игорь Александрович Кабанов и передал своих учеников-танцоров: Моисееву и Миненкова, Татьяну Войтюк с Вячеславом Жигалиным. Я ходила безмерно счастливая. День теперь складывался безумно интересно, он весь подчинялся строгому расписанию. К тому же меня (какое счастье!) взяли в штат тренеров «Труда». Дома был настоящий праздник — я выбрала для себя дело, главное, пошла по дороге отца.

Суслина и Тихомиров катались у меня еще четыре года. Они вошли в сборную команду страны, и отныне четвертое место было их постоянным. Короче, Люся с Сашей превратились в стабильную, хорошую пару. Они ушли незаметно, без обид и без

шума. Устали от спорта, сделали в нем все, что смогли, и ушли. И сейчас, когда прошло уже столько лет после их последнего выступления, я, как и тогда, могу сказать: «Спасибо вам, Люся и Саша».

Где работает Люся, я не знаю, а Саша занялся наукой. Он мне звонит, редко, но мы все же встречаемся, все у него в жизни спокойно и хорошо.

Следующие мои ученики в парном катании пошли еще дальше, с ними я ездила на чемпионаты мира, Европы, на Олимпийские игры.

Ирина Черняева и Василий Благов.

Я расскажу о них.. На нашем стадионе в конце шестидесятых годов работала Лида Горлинская, которая вела группу парного катания. Она по каким-то своим соображениям собиралась - уходить и оставила мне в наследство двенадцатилетнюю Черняеву и четырнадцатилетнего Благова. Эта пара спустя пять лет заняла на олимпийском турнире в Саппоро шестое место.

Маленькая, тоненькая, совершенно прозрачная девочка Ира, с голубыми в пол-лица глазами. Никто и никогда не мог предположить, во всяком случае с первого взгляда, что эта хрупкая с виду девочка по характеру сильный и волевой человек. У нее не наблюдалось ярких данных для фигурного катания. Отсутствовала резкость, не было крутки, но в соревнованиях она ни партнера, ни меня ни разу не подвела.

Я называла ее флиппок. В один из сезонов в число обязательных элементов короткой программы входил прыжок флипп. Ире он не давался. Точнее, она смогла пару раз на тренировке показать что-то отдаленно похожее на этот прыжок. Шансы, что Ира прыгнет флипп на соревнованиях, практически равнялись нулю. А эта удивительная девочка в течение всего сезона ни разу на состязаниях не сорвала прыжок. Черняева — Благов выигрывали звание чемпионов Советского Союза, на их счету победа над парой Карелина — Проскурин, в те годы одной из лучших советских пар. Ира с Васей были пятой парой в мире, четвертой в Европе.

Вася — мой друг по сей день. Он нередко забегает ко мне. Добрый, с улыбкой от уха до уха. Он вырос у бабушки (бабушка водила его на каток и воспитывала его), и не самое веселое было у него детство. Зато вымахал таким здоровым и сильным, что получил в сборной прозвище «подъемный кран», и, по-моему, мог поднять сразу двух партнеров.

Иру он уверенно держал над головой и легко исполнял с ней

любые поддержки. Ира и Вася ровесники Моисеевой и Миненкова. Когда Ира и Андрей выиграли международный юниорский турнир по танцам, тогда же на нем в соревновании пар победили и Черняева с Благовым, позже подобные турниры стали называться юниорскими чемпионатами мира.

Проработали мы вместе пять лет. Катались они без большого эмоционального подъема, но хорошо. Они смогли бы еще выступать вместе, но я сделала большую ошибку: Вася хотел прыгать многооборотные прыжки, что не удавалось Ире, и я поменяла ему партнершу. А новая пара не состоялась.

Семилетняя дочка Иры Черняевой подошла ко мне во время турнира «Московские новости» и заявила: «Возьми меня к себе. Ты мою маму тренировала, теперь меня будешь». То есть я уже что-то вроде бабушки у фигуристов.

Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин

Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин — первые мои ученики, добившиеся медалей на международных турнирах. Слава остался со мной до самого конца спортивной карьеры. Таня ушла раньше в балет на льду. Войтюк — человек очень способный, и мне с ней работать было легко и приятно. Она всегда знала точно, что хочет, и всегда ставила себе конкретные задачи. Единственное, с чем она не могла справиться, — со своим весом. Она любила поесть. Как-то зимой в Риге после соревнований я, проезжая мимо, увидела в окно, что Татьяна стоит, отвернувшись к стене гостиницы, и ест булку. Я остановила троллейбус, выскочила из него, вырвала эту булку и выбросила. А потом с тоской смотрела, как она, подняв со снега и не сказав мне ни слова, стала с жадностью доедать ее. Что только я не делала с ней, как с ней не боролась — бесполезно, она оставалась пухленькой девочкой, но очень разумной, любящей тренироваться и знающей в этом толк.

Войтюк и Жигалин были первыми, кому я начала ставить номера, которые специально делала как показательные. Жигалин в них постоянно почему-то оказывался в каком-нибудь головном уборе. Выходило это случайно, но тем не менее какая-нибудь кепка у него на голове в показательном номере появлялась обязательно.

В 1970 году на чемпионат Европы в Ленинграде Войтюк с Жигалиным приехали второй парой страны, первыми шли Пахомова и Горшков. Мила и Саша стали чемпионами Европы. До этого чемпионата, сколько бы мы ни тренировались, каждый раз во время соревнований на Славу что-то находило, и в произвольном танце он падал. На протяжении трех лет после трех

минут двадцати семи секунд танца, точно по часам, какую бы они программу ни исполняли, все кончалось Славиным падением. Причем падал исключительно на соревнованиях уровня чемпионата страны и выше, по мелочам Славик свое тело не разбрасывал. В итоге я обратилась к психологу, и он, поработав с Жигалиным, снял у Славы этот комплекс.

На чемпионате Европы они выступали очень легко. Таня каталась весело, с задорной улыбкой, и чем-то тогда напоминала Наташу Бестемьянову. Она могла «завести» весь зал, вдруг прокрутив на льду «чертово колесо». Ее открытая манера катания нравилась и судьям и зрителям.

В Ленинграде сложилась какая-то странная ситуация с подсчетом очков (а я до сих пор в этом ничего не понимаю, я только вижу, кто лучше выступал, а кто хуже), в оценках я окончательно запуталась и, уверенная в том, что Войтюк с Жигалиным четвертые, увела их с катка. Мы оделись и уже сели в автобус, когда кто-то прибежал с криком: «Войтюк с Жигалиным — на награждение!» А Войтюк с Жигалиным уже приготовились отъезжать в гостиницу. Мы побежали обратно во дворец, скользя и падая по дороге в сугробы. Ребята судорожно в раздевалках надевали коньки, плакали, смеялись, с нами творилось что-то немыслимое. Мы настолько не были готовы к пьедесталу, медалям, пресс-конференциям, что странно, как выдержали этот вечер. В том же году на чемпионате мира Таня и Слава заняли четвертое место.

С Таней Войтюк у меня связаны и первые большие тренерские переживания. Я до этого не знала, что чувствует тренер, когда от него уходят ученики. Разногласия между мной и Войтюк начались в основном из-за ее веса. Я тогда разошлась вовсю, требовала, не стесняясь в выражениях, чтобы она резко сбросила вес, а она по-прежнему себя в еде не ограничивала. Когда я назначала Тане разгрузочный день, построенный на твороге, ее мама брала побольше изюма, не жалела сметаны и ставила в печь просто фантастическую запеканку. С маслом. Так Таня разгружалась.

Таня очень любила кататься, любила меня и была мне предана. Но я однажды сорвалась, кричала: «Посмотри, на кого ты похожа!» — и приводила массу оскорбительных сравнений. Она заплакала. Потом сказала: «Я от тебя ухожу». Мы были на «ты». Я со своими первыми учениками Таней Войтюк и, естественно, Люсей Суслиной на «вы» не переходила, и меня за это всегда ругали на тренерских советах. Называли это распушенностью. Но я не считала обращение учеников к своему тренеру на «ты» распушенностью. Меня оно не шокировало, ведь мы были, в сущности, ровесниками, и общаться по-другому для нас было

слишком искусственно. Поэтому обращение на «ты» или на «вы» не имело для меня никакого значения.

На «вы» меня стали уже называть Черняева с Моисеевой. А с Таней нас, скорее всего, можно было назвать подругами.

Ее заявление об уходе я всерьез не приняла. Но на следующий день уже от посторонних услышала: «Войтюк уходит от Тарасовой». Вечером она пришла сама: «Никогда больше не буду у тебя тренироваться». Не могу передать, что со мной тогда делалось. Все силы ушли на то, чтобы не заплакать. Жигалин меня успокаивал, говорил, что никуда не уйдет, а будет ждать, пока ему найдут новую партнершу. Я записала даже для себя весь этот день. День, когда я поняла, что потеряла не столько подругу или ученицу, сколько дочь или сестру. Уход Тани нельзя назвать предательством. Она ни с кем заранее не договаривалась. Она уходила исключительно от меня. Через полтора месяца в Челябинске в дни показательных выступлений Таня с цветами пришла ко мне в гостиничный номер. Я с ней не стала разговаривать, я не могла на нее смотреть. Таня каталась в показательных одна, а я попросила организаторов проследить, чтобы время тренировок у нас не совпадало. Таня ходила вся черная, похудевшая, ее невозможно было узнать. Она рыдала, просила ее взять обратно. Я не спала несколько ночей, я знала, что Таня меня любит, что ей без меня трудно. Нас помирил Игорь Александрович Кабанов, он долго беседовал с Войтюк, нашел, о чем поговорить и со мной.

Если бы она ушла заниматься к другому тренеру, я даже не стала бы ее слушать, но Таня все это время каталась одна. И я ее приняла обратно. Кто мог знать, что работать вместе нам оставалось недолго? Через год, после первого же поражения от Линичук—Карпоносова, на турнире в Англии она твердо решила оставить спорт и пойти в балет на льду. Просила, чтобы я отпустила с ней Славу, но он отказался сам. Жигалин очень любил кататься, но никаких перемен в жизни терпеть не мог. Таня очень трогательно относилась к Славе. У него болел желудок, и Таня по всем сборам возила с собой электрическую кастрюлю и каждое утро, как заботливая

Мама, варила ему кашу. В ресторанах после болезни ему есть не разрешали. Конечно, пока каша варилась, она пробовала больше, чем полагалось хозяйке, и наверное, даже больше, чем съедал Жигалин. Но несмотря на такую преданность, Слава с ней уходит из спорта отказался.

Татьяна прекрасно и профессионально работает в Московском балете на льду. Она любит новые постановки, любит кататься. Что удивительно: она родила и после родов похудела. .

Лидия Караваева.

Славе я стала присматривать партнершу. Вспомнила, что каталась раньше рядом с нами Лида Караваева, которую я почему-то на катке перестала встречать. Узнала, что она решила закончить занятия спортом, ничего не делает и сидит дома. Я поехала к ней в Бирюлево. Лида, устроившаяся против меня, напоминала маленького красивого котенка, которого хочется посадить на колени и гладить. Черноволосая, с ярко-синими глазами, вопросительно глядевшими на меня. Я предложила ей кататься вместе с Жигалиным. Она не согласилась и попросила, чтобы я ее не уговаривала. «У меня слабые ноги для танцев, я вас подведу, Татьяна Анатольевна. И характер у меня ужасный для фигурного катания. Я вас подведу».

Но я ее уговорила и ничуть не жалею об этом. Как же много они работали! Как я любила ставить им программы. Как они красиво катали обязательные танцы. У Лиды оказались развернутые ноги (выворотность — непереносимое условие для танцоров), так что все танцевальные позиции давались ей необыкновенно легко. Прекрасная фигура, мягкие ноги, что еще нужно для танцев? Но во время первого выступления Лида упала. «Вот видите, — сказала она мне, — я так и буду все время падать», — и начала рыдать.

Сейчас Лида — детский тренер, и тренер очень хороший. Честный. Трудолюбивый. Собственно, тот, кто по-настоящему трудился, когда был спортсменом, уйдя из спорта и став тренером, продолжает работать, не жалея времени и сил. Я любила всех своих учеников, но к Лиде относилась не так, как ко всем. Мне она казалась незащищенной, хотя у нее довольно крутой нрав. Как партнерша она идеально подходила к Славе. Замечательная у них с самого начала получилась кадриль. Я говорила: «Кадриль, которая в люди вывела». Лида закончила кататься, когда вышла замуж. Сейчас у Караваевой растет дочь Катя, шумная и бойкая в отличие от мамы девочка, которая безумно хочет стать известной фигуристкой и катается уже очень ловко.

Марина Леонидова и Владимир Боголюбов.

Володя мой хороший друг. В каждый мой приезд в Ленинград он обязательно встречает меня на машине, поздравляет со всеми праздниками, звонит, когда считает, что моя очередная программа удалась. Он ко мне первой привел познакомиться свою девушку, которая чуть позже стала его женой. Не было случая, чтобы Володя, будучи в Москве (он сейчас работает в Киевском

балете на льду), не зашел ко мне. Марина — детский тренер в Ленинграде, но той теплоты в отношениях, какая у меня сохранилась с Володей, с ней не получилось.

Леонидова и Боголюбов — спортивная пара, которая оказалась у меня в группе в одно время с Родниной и Зайцевым. К сожалению, на Вову и Марину времени оставалось мало, его целиком забирала Роднина. Они работали со мной недолго — три сезона. Марина и Володя попали ко мне от Москвиной, которая занималась исключительно Воробьевой и Власовым и не могла себе позволить вести две почти равноценные пары. Тренировались Леонидова и Боголюбов трудно, их надо было заставлять работать, прокатывать программу лишний раз они не любили, а спортсменами были очень способными. Марина так просто очень талантливая девочка. Выступали ребята на чемпионате Европы 1975 года — стали четвертыми, на чемпионате мира в том же году — пятыми. Их включили в состав олимпийской команды, и они поехали в Инсбрук.

В короткой программе на олимпийском турнире Марина сорвала два элемента, и пара откатилась сразу на восьмое место. Такой срыв не прощают. Марина и Володя не стали ожидать, как их будут выводить из сборной, и после Инсбрука оставили спорт. Скорее всего, им не повезло с наставниками. Ребятам необходим был тренер, для которого бы существовали только они. Но такого тренера в то время, увы, не нашлось.

Тогда же, в середине семидесятых годов, у меня тренировалась еще одна пара. Я вела группу, в которую входили три танцевальные пары и три спортивные. Третья спортивная в конце семидесятых, после Родниной и Леонидовой — это Марина Зеленецкая и Виталий

Грушин. Они входили в состав юношеской сборной, но среди взрослых пар затерялись. Не всем дано стать чемпионами.

Сейчас я веду группу из шести танцевальных дуэтов. Этой нагрузки вполне хватает, чтобы не оставалось ни одной секунды свободного времени.

Елена Гаранина и Игорь Завозин

Елена Гаранина и Игорь Завозин пришли ко мне от другого тренера, от Натальи Дубовой. Их попросил взять Игорь Александрович Кабанов. Я работала с большой группой, только что пережила уход Моисеевой с Миненковым и не хотела никаких новых учеников, не хотела ни к кому привыкать. Но они приходили каждый день ко мне домой или на каток. Ленка ревела белугой и сквозь всхлипы можно было понять только то, что она

всю жизнь мечтала у меня заниматься. Действительно, об этом меня в свое время просила еще ее мама, и она сама приходила ко мне, когда маленькая каталась на СЮПе. Устоять против гаранинских слез я не могла, и уж совсем невозможно было им отказать, видя каждый день, что они, как две верные собачки, сидят, поджидая меня. Они были согласны работать на любых условиях, уверяли, что будут тренироваться почти самостоятельно.

Я их взяла к себе. Те четыре года, что я провела с ними, сложились для нас счастливо. Работать с Гараниной и Завозиным оказалось сплошным удовольствием. Каждый год накануне подготовки новой программы они сами искали для себя музыку, знали, что им подходит, и брали то, что действительно им подходило.

Танцевали они образцово. Я брала их с собой в Финляндию, где по приглашению национальной федерации учила местных фигуристов обязательным танцам, а Лена и Игорь их демонстрировали.

Программы готовить с ними было необыкновенно легко. И Лена и Игорь люди творческие, любую предложенную поддержку они не только сразу же принимали, но и пытались всячески ее усложнить. Лена «лазила» по Игорю, как обезьянка по дереву, пробовала, искала — в итоге получались замечательные вещи. Я поставила им несколько показательных номеров, которые отношу к числу самых любимых. Это прежде всего танец «Глория», который увидели практически все наши площадки. В Америке, когда они исполняли его на турнире «Скейт Америка», зал приветствовал танцоров стоя. Равный успех медленной романтической «Глории» выпал и на долю быстрого, страстного вальсу из фильма «Мой нежный и ласковый зверь» композитора Евгения Доги. Гаранина и Завозин — мастера высокого класса. У Лены филигранная поворотная техника, такой техники нет ни у кого, ни у одной спортсменки в мире, Лена легко могла крутиться, как волчок. Их разница в росте (Игорь намного выше Лены) меня никогда не смущала, наоборот, она давала больше возможностей в постановках произвольного танца.

Каждый выход на лед Гараниной и Завозина в показательных выступлениях — это как минимум четыре «биса». И тем не менее при таком успехе у публики я отношу Лену и Игоря к числу невезучих спортсменов. Они ни разу не попали в основной состав сборной, то есть ни разу не выступали на чемпионате мира и Европы, хотя и по проделанной работе, и по уровню таланта они заслуживали большего, чем просто поездка на соревнования. Не сомневаюсь, окажись они подряд пару раз на чемпионатах, в

результате имели бы награды. Гаранина и Завозин выиграли все турниры, на какие их посылали, а турниры попадались нелегкие. Они победили на предолимпийской неделе в Лейк-Плэсиде, выиграли «Скейт Кэнада», «Скейт Америка», Всемирную универсиаду. Это был на редкость стабильный дуэт, казалось, они не знали, что такое падение на льду. Лишь однажды на моей памяти, в Челябинске, на чемпионате СССР, когда они объявили, что последний раз выходят на лед в качестве спортсменов, Игорь упал.

Публика их любила, а они любили выступать. Гаранина и Завозин обладали тем редким качеством, когда спортсмены на соревнованиях выглядят лучше, чем на тренировках. Понимая, что судьи высоко их ставить не будут, они все равно боролись до конца. Мы так и решили с ними: ведь не для судей они катаются. Катаются для себя, и пока зал бисирует им — надо бороться. В каком бы отделении они ни катались, собирали столько же аплодисментов, сколько и лидеры, завершающие вечер.

Этот дуэт служил как бы порогом для молодежи. Перешагнет пара порог, обыграет Гаранину и Завозина, значит, она в сборной, значит, толк из нее будет.

Время, когда у меня одновременно на протяжении нескольких лет катались три дуэта — Бестемьянова — Букин, Гаранина — Завозин, Карамышева — Синицин — я считаю золотым своим веком. Потому что трех таких выдающихся пар, вместе выезжающих на тренировку, у меня, конечно, уже не будет. Для любого тренера такое время — счастье.

В какой угол ни посмотришь, везде катаются мастера. И это каждый день. Я на работу, в полном смысле слова, шла как на праздник. Я иногда дам им задание, а сама сижу молча и любуюсь. Сажу и думаю: «Какая же я счастливая». И может, эти замечательные годы были отпущены за всю ту нервотрепку, что я пережила с Моисеевой и Миненковым и расставание с которыми далось слишком тяжело. Конечно, ужасно уставала, ставя по три произвольных, три обязательных и с десятков показательных танцев. Но я не могла выделить кого-нибудь из трех пар. Я старалась работать одинаково со всеми, только бы они не почувствовали, что я кому-нибудь отдаю предпочтение. От такого напряжения я очень уставала. Но какая приятная была эта усталость! Они вели себя идеально и на тренировке и после нее. Они прекрасно друг к другу относились. Любой праздник и даже просто свободный вечер — только компанией. Всегда вместе, всегда ввосьмером, так как Андрюша Букин ходит в гости исключительно со своей Олей, а Наташа Бестемьянова со своим мужем Игорем Бобриным. Они были и остаются близкими и

верными друг другу людьми. Они никогда не расстраивались из-за того, что кто-то из них у кого-то выиграл. Не хочу брать на себя многое, но думаю, что и мое воспитание, прежде всего отношение к ним, сыграло свою роль. Как бы я ни была утомлена, если у одних показательный номер уже был придуман, то я тут же начинала работать с другими. И никто из них не был обижен на тренировках вниманием.

Когда Игорь и Лена уходили из спорта и прощались со мной, я слышала такие теплые слова, которые даже не назовешь словами благодарности — это нечто большее, но найти этому определение не могу, причем от тех своих учеников, чья спортивная карьера сложилась далеко не так, как они того заслуживали. Я в этот вечер была потрясена и растрогана. Разве это не счастье?

Гаранина и Завозин — золотой фонд нашего спорта, практически не использованный. Когда-то к ним прилепили ярлык, что он слишком большой, а она слишком маленькая, и это, мол, в танцах не смотрится. А они выигрывали на турнирах у тех иностранных пар, которые потом на чемпионатах мира и Европы побеждали наших фигуристов. Я много раз поднимала вопрос, писала, что такому дуэту, как Гаранина — Завозин, надо дать возможность хоть раз выступить на мировом и европейском первенствах, но всегда получала отказ. Удивительна и горька судьба этих ребят.

Когда они уже заканчивали, я предложила Лене попробовать поставить несколько номеров для молодых моих учеников. И Лена успешно справилась с задачей.

В одной из программ я придумала во второй части под барабанную дробь принципиально новый шаг — на пятку. Мы ушли с катка в половине первого ночи, когда там выключили весь свет, даже дежурный. Никак не могли разойтись по домам, повторяя и повторяя на улице это движение. Подобное открытие в фигурном катании я сделала за последние годы дважды: первый раз с Бестемьяновой и Букиным, когда ставила первую в их жизни совместную программу под испанскую музыку и нашла для нее пробежку.

Каждая поза Гараниной и Завозина по чистоте и осмысленности линий, по скрытому в этих линиях напору напоминала мне скульптуры Родена. Я долго ходила в Париже по музею Родена, пыталась потом перенести позы его фигур в танец. В танец для Гараниной и Завозина. Другой пары, достойной Родена, я не видела.

Мне говорили, что раньше они тяжело тренировались, много ссорились. К счастью, тот период в их жизни я не застала.

Понятно, что ссоры происходили и при мне — недовольный чем-то Игорь начинал мелкими-мелкими шагами ездить следом за Леной и, качаясь у нее за спиной взад-вперед, что-то бубнить и бубнить, пока у нее на глазах не появлялись слезы. Тогда я подзывала его, гладила по голове и успокаивала этого громадного парня. Ласково-ласково говорила с ним, к нему быстро возвращалось хорошее настроение, и тренировка продолжалась.

У Гараниной масса достоинств, плюс ко всему она еще и мужественный человек. У Лены часто болела спина, и я обвязывала ее гипсовым бинтом. Бинт приклеивался к коже, снимать его было мучением, она терпела, она могла вытерпеть любую боль.

В паре Гаранина — Завозин лидирующая роль принадлежала Лене. И в семейной жизни, и в спорте. Тихим, почти неслышным голоском она управляла своим огромным мужем. Часто плакала. По любому поводу, наверно, для облегчения. Тем не менее в ней был настоящий стержень. Стальной. Неудачи ее сломать не могли. Гаранина — Завозин — эталон спортивности, мало кто может, зная заранее место, какое предопределили им арбитры, продолжать соревноваться в полную силу. Как часто после турнира зрители приходили к выводу, что Лена и Игорь, занявшие четвертое-пятое места, выглядели куда лучше, чем те, кто оказались на втором или третьем местах.

Наталья Карамышева и Ростислав Синицин

Наталья Карамышева и Ростислав Синицин как спортсмены выросли не у меня. До того как Наташа и Ростик пришли в мою группу, они уже соревновались на чемпионатах мира и Европы. Тренируясь у меня, они ни разу не сумели попасть в основной состав сборной, хотя на международных турнирах продолжали выступать. Но мне кажется, что именно в последние годы, когда Карамышева и Синицин готовили свои программы на СЮПе, эти великолепные фигуристы раскрылись до конца. Более того, они стали теми, кем по силе своего таланта и по внешним данным должны были стать гораздо раньше. Достаточно вспомнить их исполнение показательного номера на музыку Шопена.

Я себе и представить такого не могла, чтобы этот дуэт — основные соперники Бестемьяновой и Букина — тренировался у меня. Когда в турне по Сибири Букин обратился с просьбой, чтобы я их взяла к себе, меня его уговоры повергли в смятение.

Наташа и Ростик пришли ко мне в Прокопьевске, в маленькую комнату (метр на два) гостиничного номера, так что

мы оказались нос к носу, и глаза отвести было некуда, и без всякого вступления сказали: «Татьяна Анатольевна, возьмите нас к себе, пожалуйста». Я не умею хитрить и морочить людям голову, брать я их не собиралась, и смогла выдать из себя только: «Но ведь у меня уже так много людей...»

Я знала, что Наташа и Ростик по характеру хорошие ребята. Мы занимались вместе на сборах, и я наблюдала за ними еще тогда, когда их воспитывала Татьяна Рожина, привозя эту пару сперва из Свердловска, позже из Днепропетровска, куда они переехали следом за ней. Как танцоры Карамышева и Синицин нравились мне всегда, но я совершенно не готова была к тому, что они могут в один прекрасный день оказаться на СЮПе. Выбор у ребят, к тому же таких способных, был достаточно велик, чтобы проситься в группу, где собраны все их основные конкуренты.

Я им сказала: «Подумайте еще. Я хочу, чтобы у вас в дальнейшем все шло хорошо, я же не в состоянии вам ничего обещать. Могу вас с утра до ночи тренировать, могу поставить вам хорошие программы, но высокие места я гарантировать вам не могу». Они отвечают: «Мы все обдумали. Возьмите нас к себе».

Они ушли, пришел за них снова просить Букин. «Неужели вам трудно на одну программу поставить больше?» Я ему: «Андрюша, что ты говоришь. Я и так практически со льда не ухожу». Букин свое гнет. Пришли Гаранина и Завозин. Они сперва немного недоумевали, зачем я собираю вместе конкурентов. Но слова «не берите» я не услышала ни от кого. А довод для уговоров был выбран очень простой: «У нас одна компания. Мы все один за всех и все за одного. Подумаешь, где восемь часов на льду, можно и двенадцать». И главный аргумент: «Не пожалеете». Действительно, не пожалела.

Наташа с Ростиком стали близкими для меня людьми. Когда я попадаю в Днепропетровск, то живу у них. Когда они приезжают в Москву, то останавливаются у меня. А на те три года совместных занятий я устроила их жить у моих знакомых, напротив, через Ленинградский проспект, СЮПа. Со мной Карамышева и Синицин лишь раз поднялись выше постоянно выделенного им четвертого места на чемпионате СССР да выиграли Спартакиаду народов СССР. Естественно, на их долю выпадали только международные турниры. С четвертого места на чемпионаты не берут.

Роль заводилы в дуэте принадлежала Ростику. Он обожает всех всему учить и все всем показывать. Но так же, как и учить, любит и учиться. Он выпрашивал у меня все досконально: как, по какой дуге и почему я предлагаю сделать что-нибудь так, а не иначе. До них я никогда не ставила танго, но зато танго,

сделанное Наташе и Ростiku сразу же после их прихода ко мне, продержалось до самого конца их спортивной карьеры, И даже после того, как Карамышева с Синициным вошли во вновь организованное ледовое шоу восьми лучших советских фигуристов, оставивших спорт, танго еще держалось как один из их номеров на льду. С какой легкостью и с каким упоением я ставила им программы. Так, бесконечно мною любимый танец под этюд Шопена был сделан за час сорок минут — от момента, когда включили музыку, и до финала, когда они ложатся на лед и как листья, раздуваемые ветром, раскатываются в разные стороны по площадке.

Номер ставили мы в Северодонецке. Меня увезли в гостиницу с сердечным приступом. Вызвали «Скорую помощь». Более полутора суток я не могла встать. Цена напряжения после постановки.

Мне кажется, Наташа и Ростик у меня стали другими. В их танце появилась осмысленность, они научились разговаривать жестами. Их не послали на один чемпионат, не послали на другой, и они закончили свой путь в спорте. Но не надо забывать, что они все равно сейчас в сборной — сборной талантливых спортсменов-фигуристов, и место в новом ансамбле они занимают по праву.

Наташа и Ростик не привыкли так много тренироваться, как обычно у меня тренируются фигуристы. В первый год наших совместных занятий они буквально падали после каждой тренировки от усталости. У Наташи кружилась голова, но я послабления не давала, Ростик начал хромать — я их с тренировки не отпускала. Я выхаживала их и заставляла перейти через свой порог терпения, работать все больше и больше. Они смогли превозмочь себя, Смогли тренироваться очень много и получать от этого удовольствие, Если бы они ко мне пришли тренироваться раньше, я б их научила получать такое же наслаждение и от соревнований. А так, занятые ожиданием приговора судей, они отдавали этому много сил, поэтому выглядели на тренировках и показательных выступлениях лучше, чем на соревнованиях. В Одессе, в последний год выступлений Карамышевой и Синицина, публика вызывала их по шесть раз, В этом городе, как я уже говорила, зритель оценивает только качество исполнения, имена его волнуют меньше.

Наташа молчаливая, подчиняющаяся целиком Ростiku. Он очень цельный парень. Как спортсмен во многом сделал, себя сам. Вырос в Нижнем Тагиле, тренировался на открытом катке. Совершенно случайно его заметили и взяли в Свердловск. Он жил там в общежитии, работал, учился. У Ростика сложилась нелегкая

судьба. Он рано встал на ноги, рано научился сам отвечать за свои поступки. Наташа жила в Свердловске с бабушкой, в общем-то очень одинокая девочка, и когда их объединили в танцевальный дуэт, Ростик партнершу опекал, стал для нее настоящей опорой, и пара из танцевальной превратилась в семейную. И в жизни, и в спорте Наташа была ведомой. А ведущий в этом дуэте — человек абсолютно честный, абсолютно надежный. Правда, на тренировках он иногда устраивал такие ей сцены, что пару раз я с криком: «Больше видеть тебя не желаю!» — выгоняла его с катка. Наташа тонкий человек, но она привыкла слушать его и все делать, как он сказал. А Ростислав спорил, отстаивал, свою точку зрения.

Я была с ними честна. И если их спортивная судьба не сложилась так, как мы хотели, я все же считаю, счастливых дней в нашей жизни было немало. И память о них перекрывает нерадостные воспоминания.

Сибирское турне

Оно родилось лет пятнадцать назад, организовано по инициативе ЦК ВЛКСМ для популяризации фигурного катания в городах Урала и Сибири. Это сейчас здесь построены и строятся дворцы спорта с искусственными ледяными площадками, а лет десять назад... Но как бы то ни было, сборная СССР ежегодно отправляется по уральским и сибирским городам с показательными выступлениями. В зрителях недостатка нигде и никогда не ощущалось, и тогда, когда чемпионов мира и Европы в сборной было чуть ли не половина всей команды, и сейчас, при заметном уменьшении их числа.

Впервые я поехала в это турне с совсем маленькими Моисеевой и Миненковым, которые катались первыми, вторым после них выходил Бобрин. Первые номера в показательных выступлениях означают низший ранг в команде и пока еще полную неизвестность для зрителя, по сути дела, их и показывают публике впервые. Ездили мы много, программа везде была очень плотная, в субботу и в воскресенье ребята выступали по два раза. Совсем еще недавно катались в основном на открытых площадках. У меня есть фотография, на которой запечатлен момент выступления Моисеевой и Миненкова, когда кружила настоящая пурга и даже их лица из-за снега видны плохо. Но какая бы ни была погода, на лед выходили все — слишком велико было желание людей увидеть сборную, и обмануть эти ожидания никто не мог.

Города, куда мы ездим из года в год, как правило, остаются неизменны. Это Свердловск, Новокузнецк, Кемерово, Томск, Новосибирск, Челябинск, Прокопьевск. Турне проходит весной, после чемпионата мира, в условиях далеко не идеальных, но тренеры и спортсмены любят эту поездку. Потому что соревновательный сезон уже прошел и до следующей зимы, до следующих турниров нас уже ничего не разъединяет — и все ученики, все тренеры вместе, нет никакого отчуждения. В этом турне тренеры заботятся не только о своих спортсменах, мы вместе печемся сразу о всех. Завтракают, обедают, ездят на экскурсии и даже устраивают совместные банкеты и танцы. Тренировки и те совместные. У нас однажды был даже собственный самолет, на котором мы перелетали из города в город. В этом турне иногда ставятся новые показательные номера — настраение хорошее, и время есть. Лет шесть назад ребята устроили свои соревнования, кто лучше всех сам себе поставит танец. В сибирском турне родилась овчинниковская «Марусечка»

и бобринский «Ковбой».

Фигуристы редко поют, а в сибирском турке распевают все. Раньше Леша Уланов брал гармонь, потом начали возить с собой гитару, и в долгих переездах на автобусе песни не умолкают. Есть даже свой репертуар. В него входят и песни военных лет, и народные, и современные,

Тренировка на родном СЮПе

В дни соревнований фигуристы обычно не смотрят выступления своих соперников, не говоря уже о других аидах катания — это мешает настраиваться. Но в сибирском турне принято смотреть все выступления. Это очень полезно, особенно молодым. И в турне по-своему соревнуются, борются за «бисы». Публика доброжелательная, вызывает много раз. И хотя нагрузка огромная, ребята не отказываются выходить по пять раз, не

устают кланяться.

Атмосфера сибирского турне настолько привлекательна, что когда кто-то сказал, что якобы его собираются отменить, грустно стало каждому, кто в нем побывал.

Разве можно забыть?..

В Кемерове мы однажды ждали весь день, когда уйдет солнце. На льду расплылись лужи, но все вышли на тренировку. Почему-то в этой поездке с упоением тренируются даже те, кого обычно на лед надо выгонять. Вода на площадке стояла по щиколотку, но все ребята катались. Сушили ботинки и через два часа выходили на выступление.

В Новокузнецке мы постоянно живем в профилактории металлургического завода. Там вся сборная увлеченно играет в бильярд.

В Прокопьевске гостиница стоит прямо на катке. Спускаешься по лестнице и выходишь на лед.

В Прокопьевске заболел Зайцев, его повезли в больницу, выяснилось, что у Саши аппендицит и надо срочно делать операцию. Лететь обратно в Москву врачи категорически запретили. Ирина вся в слезах. Во дворце сделали объявление, по каким причинам выступление Родниной и Зайцева откладывается. На следующее утро в больницу пришла старушка и принесла для Саши бульон. У этой женщины всего было пять кур, и одну из них она зарезала, чтобы приготовить еду для заболевшего фигуриста. Я такого вкусного бульона (естественно, пришлось отведать, мой же спортсмен) не ела никогда. Но старушка еще принесла и яйца. Двухжелтковые. Их можно было удержать лишь на двух ладонях. Чего только в тот же день не передавали для Зайцева. И варенье, и пироги, и какие-то соленья, паровые котлеты. Сборная уехала в Томск, а мы с Родниной остались у постели Зайцева и прекрасно питались все эти дни: Саше врачи много есть не разрешали, а нам никто ничего не запрещал,

Каждый из названных городов по-своему дорог и запоминается чем-то своим. В Новосибирске я несколько лет комментировала по телевидению эти показательные выступления. Маленькая, привычная гостиница «Восток» в Новосибирске, в двух минутах ходьбы от катка. Сам каток вначале был открытым, а потом его практически на наших глазах перестроили в крытый.

Все же главное, что остается в памяти,— это то, что во всех городах собирается огромное количество людей. А выступать в переполненном зале спортсменам всегда приятно, какими они ни были усталыми. Их знают, любят, просят показать какие-то запомнившиеся номера. В Сибири особенный народ,

необыкновенно гостеприимный, всегда доброжелательный, всегда признательный. Сибирское турне подарило мне город Томск, где я уже несколько лет провожу летние тренировки.

В Первоуральске, городе-спутнике Свердловска, мы жили на базе отдыха новотрубного завода. Прямо напротив нашего домика стояла русская баня. Какой нам там давали мед! Какой заваривали после бани на травах чай! На катке стоял самовар с душицей. После бани на следующий день все замечательно катались. А если такую баню устроить в Москве в середине сезона, то на катке фигуристы еле бы ноги передвигали,

В Москве и в Ленинграде публика совсем другая, В столицах мы зрителей боимся и с опаской отдаем ей на суд новые программы. В Сибири нам ничего не страшно.

Сибирское турне — как оградочный камень для советских фигуристов. Здесь они мужают. Здесь ясно виден, тем более в сравнении, уровень их мастерства. Здесь они из юниоров превращаются во взрослых спортсменов. Много работы, большая ответственность, присутствие рядом лучших в стране мастеров лишают всякой инфантильности. Здесь не только спортсмены видят программы друг друга, но и тренеры могут отмечать все лучшее, что есть в советском фигурном катании. Не случайно в этом турне Жук выбрал Зайцева, я обратила внимание на Бестемьянову. Примеры можно продолжить.

Сибирское турне для нас и праздник, и работа. Каждый раз делаешь и для себя какое-нибудь открытие. Так, мы узнали, что такое чуш — это стерлядь сырая, присыпанная перцем и солью. И конечно, сибирские пельмени, которые мы, невзирая на вес, с аппетитом поедали.

Самое удивительное, что никто в этих турне никогда не опаздывает. Даже на автобус. Все точны до минуты.

Есть еще одна, немаловажная деталь, которая делает сибирское турне одним из важнейших мероприятий сезона,— мы провожаем на нем тех, кто уходит из спорта. Лишь единицы, фигуристы-чемпионы, удостоиваются чести больших и торжественных проводов в Москве. Но многие на протяжении долгих лет честно сражались за сборную. Не всем суждено стать великими. И когда спортсмен уходит, он должен попрощаться со зрителем. Мы провожали там и Костю Кокору, и Лиду Караваеву со Славой Жигалиным, провожали Лену Гаранину, Игоря Завозина, Наташу Карамышеву, Ростислава Синицина. Они не завоевали больших наград, но оставили свой след в отечественном спорте. В сибирском турне, в последнем городе мы обязываем о своем прощании со спортсменами прямо на катке, дарим юбилярам подарки, вся команда выстраивается на льду

вдоль бортов. Потом одиночник или пара, которая уходит из спорта, демонстрируют свои лучшие номера и катаются в окружении своих товарищей.

Только в этом турне на лед одновременно выходят все лучшие танцоры, или пары, или одиночники — и параллельно показывают под музыку элементы обязательных программ.

А в конце выступлений — невозможно удержаться от волнения, когда вспоминаешь,— все выстраиваются в линейку посреди площадки. Долгое время возглавлял эту линейку Саша Зайцев, он подавал команду, и фигуристы одновременно кланялись на все четыре стороны. Потом делали круг почета — и зрители вставали.

Выдающиеся фигуристы

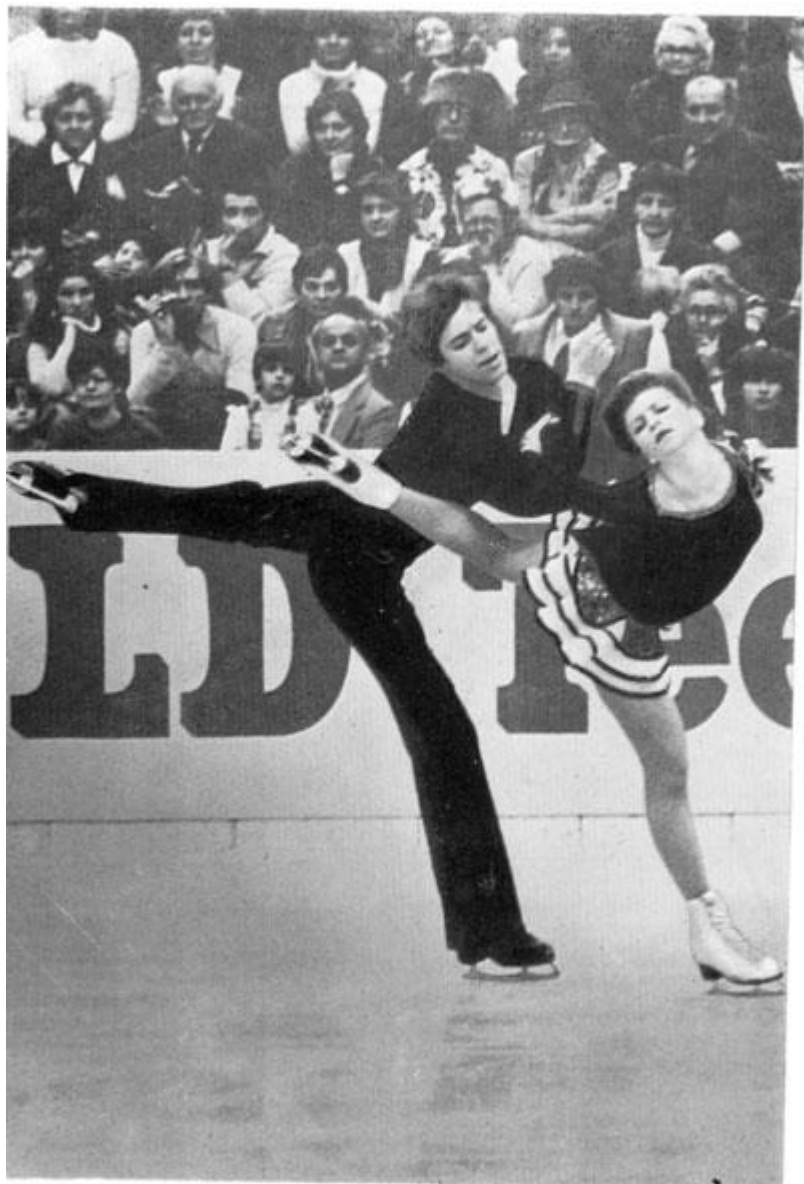
Людмила Пахомова — Александр Горшков.

С Милой нас связывала дружба с детства и совместное пребывание в группе бесперспективных спортсменов на стадионе Юных пионеров. Нас с Милой переводили одновременно все ниже и ниже, пока окончательно не свели к бесталанным, уменьшая время занятий на льду. Одна отрада была в том, что мы любили ставить сами себе программы и, как нам казалось, с большим успехом их исполняли. Затем Мила ушла в парное катание, потом тренировалась у Виктора Кудрявцева и выиграла как одиночница первенство России и, наконец, оказалась в танцах. Ее партнером стал Виктор Рыжкин. Мила в те годы выходила на лед пухленькая, румяная, с огромной прической — целая башня на голове. И их дуэт был первой серьезной советской танцевальной парой. Пахомова и Рыжкин первыми в нашей стране показали интересный произвольный танец, построенный на русской музыке. С этим танцем можно было рассчитывать на приличное место в международном турнире. Мне кажется, я никогда не сомневалась, что Мила одаренный в спорте человек, несмотря на мнение тренеров о нас. Возможно, эта мысль родилась еще в ту пору, когда мы восхищались друг другом на СЮПе. Как бы то ни было, я не помню, чтобы хоть раз, в отличие от тренеров, потеряла веру в Милин талант.

Я последний год занималась у Лены Чайковской, когда, расставшись с Рыжкиным, к ней пришла и Пахомова, искавшая для себя партнера. Хотя Пахомова и Рыжкин сумели сделать в танцах немало, мне не нравился этот дуэт, я находила неудачным подбор партнеров: Виктор Иванович, будучи опытным специалистом и одним из лучших тренеров в стране, по темпераменту мало подходил Пахомовой.

Однажды Мила перед тренировкой сказала мне в раздевалке: «Ты знаешь, я нашла себе партнера!» — «Кого?» — спросила я. «Ты его знаешь, очень красивый мальчик! Вы учитесь в институте в одной группе». Красивые мальчики со мной вроде бы не учились. «Ну, такой худенький, с большими глазами. С печальными». — «Кто это?» — недоумевала я. «Саша Горшков». А Саша Горшков был тогда настоящий крючок, весь согбенный, катался всегда с ужасными партнершами. И его неудачные партнерши мне запали почему-то в память больше, чем его действительно прекрасные

глаза. Пахомова с Горшковым начали тренироваться вместе. На первом же тренировочном сборе, который проходил у нас на Украине, в Плютах, Саша меня поразил. Он проделывал такое количество работы, которое нам и не снилось. Мы бегали кроссы, выполняли часовые пробежки на песке. Горшков опережал нас в три раза. Только успеваешь выйти на дорожку, а он уже пропыхтел рядом и обогнал тебя. Смотришь — уже бежит навстречу. Туда и обратно, туда и обратно, а мы, несчастные, гонимые солнцем и Чайковской, мотались еле-еле. Занималась с ним не только Чайковская, но и сама Мила. И с первого же года их выступлений, глядя на Пахомову, было видно, какой спортсменкой она хочет стать, и не приходилось сомневаться, что она ею будет. И «крючок» Саша распрямился.

Выступают Н.Бестемьянова и А.Букин

Работали Пахомова и Горшков так, что это время даже нельзя было назвать тренировкой. Они с утра до вечера разучивали обязательные танцы на полу. Они приседали вместе, шагали вместе, дышали вместе и овладели полной синхронностью движений. Впервые они вышли вместе на лед в Горьком, где находилась вся команда Чайковской. В этот город приехал и муж Лены — Анатолий Чайковский. Он посмотрел наши новые программы и сказал: «Ленуся, у меня есть любимый танец «Кумпарсита», прошу, сделай мне его в подарок». Чайковская

начала ставить «Кумпарситу». Пробовали этот танец все. Мы пребывали в таком творческом задоре, что танцевали «Кумпарситу» даже парники. Чайковская, например, проверяла некоторые элементы на мне, конек у меня был неплохой, и я бегала, крутилась, исполняла все зубцы — специфический элемент в танцах. Пахомова с Горшковым время тоже не теряли, разучивали позиции и, когда впервые вышли с этим танцем на соревнования, то сразу же произвели фурор. «Кумпарсита» оказалась новым и свежим ветром в танцах.

«Кумпарсита» безоговорочно нравилась всем, это танго стало событием сезона, а наша группа лопалась от гордости, что именно у Чайковской, нами очень любимого тренера, родился столь бесподобный танец, которому в конечном итоге было суждено стать классикой.

На следующий год после рождения дуэта Пахомова — Горшков я оставила фигурное катание и первые соревнования Милы и Саши смотрела как зритель. Прекрасно помню, как они впервые вышли на лед Дворца спорта в Лужниках, в черных костюмах с белыми цветами по воротнику.

Рассказывать, кем они стали потом, глупо, это все знают. Рассказывать об их судьбе прежде всего надо им самим и Елене Анатольевне. Каждый год все любители фигурного катания ждали, что покажут Пахомова и Горшков. И наши ожидания были не напрасны. Чайковская любила своих спортсменов, ставила им великолепные программы. Переоценить роль этого трио в мировом развитии танцев на льду трудно.

Каждый год они потрясали. «Соловей», «Вдоль по Питерской», «Гори, гори, моя звезда», вальс из «Маскарада», о котором сейчас вспоминаешь, и по телу бегут мурашки. Они прожили огромную творческую жизнь. И когда Ира Моисеева с Андреем Миненковым выиграли чемпионат мира, в котором из-за болезни Саши наш прославленный дуэт не участвовал, я прекрасно осознавала, что Моисеева с Миненковым еще не достигли чемпионского уровня. Впрочем, пока Мила и Саша катались, трудно было поверить, что кто-нибудь способен их обогнать.

Конечно, никто из танцоров не вписал столько страниц в историю танцев на льду, сколько Людмила Пахомова и Александр Горшков. Я говорю даже не о количестве их наград, а о совершенном ими качественном сдвиге в этом виде. Не надо забывать, что и олимпийским он стал во многом благодаря их выступлениям. Что же касается советской школы танцев на льду, она целиком и полностью обязана своим развитием Чайковской, Пахомовой и Горшкову. Имея лидера, ясно видишь, куда идти и к чему стремиться.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ФИГУРИСТЫ: Толлер Крэнстон, Габи Зайферт, Джон Карри, на мой взгляд, создали огромную популярность фигурному катанию. Их время пришлось как раз на те годы, когда я еще сама выступала в соревнованиях, поэтому многих помню не с тренерского места у бортика, а по очереди выхода на лед. Я не собираюсь давать оценку каждому из тех мастеров, о которых пойдет разговор. Нет, я расскажу лишь о некоторых моментах в их работе и выступлениях. О тех ситуациях, возникших в нашем общении, которые произвели на меня большое впечатление, которые вот уже столько лет я забыть не могу. Заметки эти чисто субъективны. Я вспоминаю спортсменов, которые никогда не были, да и не могли быть чемпионами, и, наоборот, ничего не говорю о тех, кто, может быть, и не раз поднимался на высшую ступень пьедестала. Оговорюсь еще раз. Речь идет о тех фигуристах, которые поразили чем-то именно меня, кто мне был дороже, чье катание навсегда в моей спортивной памяти.

Джон Карри.

Известно, что Джон выступал в Ленинграде на чемпионате Европы, но я его выступления там не помню. Не знаю отчего, может, из-за своего сумасшедшего счастья, ведь в Ленинграде мои ученики Войтюк и Жигалин получили первые медали. Потом я много раз задавала себе вопрос: как я могла не запомнить фигуриста, в катание которого была влюблена до умопомрачения? Все, что он делал, мне казалось идеальным. Я сидела и смотрела в олимпийском Саппоро все его тренировки. Я могла так сидеть с утра и до поздней ночи. Карри не совершал на льду ничего особенного, у него были абсолютно классические, балетные линии, и он относился к такому типу спортсменов, которые никогда не совершают ошибок, не срывают элементы. Многие удивлялись, как я могу увлекаться катанием Карри, когда именно в это время выступал Толлер Крэнстон, который пользовался всемирной любовью.

Выступление Карри мне казалось близким к совершенству. Он высоко не прыгал, он мягко катался, и каждый его жест выглядел идеальным по законченности. У меня есть книга о фигурном катании, иллюстрированная фотографиями Джона, сделанными во время соревнований. Что ни фото — скульптура. У Карри не существовало проходящих поз. В своей программе он четко прыгал три тройных прыжка, необходимых для высоких оценок, и, на моей памяти, ни разу не упал. Он говорил, что не знаком с волнением и не понимает, почему вообще в этой жизни надо волноваться. Карри катался только под классическую

музыку. Если память мне не изменяет, то последняя его произвольная программа была поставлена на музыку Минкуса.

Я очень люблю Большой театр. И мне казалось, что Карри и в этом театре стал бы одним из лучших танцовщиков мира. Впрочем, он везде бы смотрелся великолепно — и на сцене, и на льду.

В общении Джон был приятный парень. Незаметный и тихий. В одном из турне по Европе, когда сопровождать лучших советских спортсменов поехали Чайковская и я, в группу сильнейших фигуристов мира, естественно, входил и Карри. Ссылаясь на усталость, с середины маршрута Джон решил уехать домой. Мы с Чайковской долго его уговаривали. Наконец, уговорили. Поехали дальше и приехали в Чехословакию. Опоздали на самолет, но нас сумели «посадить» на поезд, когда все билеты на него были уже проданы. Мы стояли в коридоре вагона восемь часов: все места заняты, никуда не присядешь. Когда у меня хорошее настроение, я для себя что-нибудь напеваю. Я раньше немножко пела. Ну, как пела? Настоящим пением, как я его понимаю, это назвать нельзя—потихонечку, но музыкально правильно мурлыкала. Русские песни и русские романсы. Слева от меня стоял Крэнстон, справа Карри, и они по очереди просили: «Татьяна, пой». И я в полном восторге, абсолютно раскрепостившись, если не сказать разгулявшись, счастливая, что мои вокальные способности наконец оценили, выводила «за окном черемуха колышется», а они подтягивали припев. Так мы пели втроем всю дорогу. Я запевала, Карри с Крэнстоном поддерживали, и, как мне казалось, получалось совсем неплохо.

Карри не был на льду так эмоционален, как Крэнстон. Но своим высочайшим техническим мастерством — открытием руки, поворотом головы, выворотом стопы, выездом из прыжка — он вызывал во мне такое чувство, которое может вызывать у зрителя очень эмоциональный фигурист, хотя, повторяю, Карри им не был.

Карри завоевывал золотые медали мировых первенств, был олимпийским чемпионом.

Толлер Крэнстон.

Как же его любили в нашей стране! Мне кажется, что многих привлекало на трибуны во время соревнований по фигурному катанию, во всяком случае в дни одиночного турнира мужчин, только выступление Крэнстона. А с каким удовольствием он выходил в показательных выступлениях. Развивающиеся волосы, одухотворенное лицо — похоже, он сам не знал, что совершит на

льду в следующую минуту.

Не переживать за этого безумного, безудержного, мечущегося на площадке человека было невозможно. Он многое умел делать на льду, но еще больше сделать не успевал или срывал. До начала выступления Толлер весь накален до предела, весь в перекрученных нервах. Ни на одном турнире ничего не выигрывал, лишь раз стал третьим в мире.

Но забыть Крэнстона невозможно тому, кто хоть раз его видел на льду.

Он жил у своего тренера мадам Бурка, которая, безусловно, сумела организовать его распорядок и спортсмена и художника. В этом же доме, у Бурка, находилась мастерская Толлера, где он писал свои немыслимые картины, тогда мне они казались просто бредом, а теперь я не могу отвести от них глаз. Он подарил мне две свои работы, на каждой написав: «С любовью к Татьяне». Он катался так же, как и писал. Безумно и замечательно!

Я видела Толлера на многих чемпионатах. И удачных, и неудачных. Крэнстон — явление в фигурном катании. И я смотрела на него, как на чудо, и поэтому совершенно не интересовалась, какое он занял место. Чемпионом при его срывах он стать все равно никогда не мог. Важным представлялось только то, что Крэнстон в чемпионате участвует и мы все имеем возможность на него смотреть.

Нашу страну на чемпионатах мира часто представляет международный арбитр Татьяна Даниленко, которая не раз судила выступления Крэнстона. Она не могла поставить Толлеру высокой оценки, но так его любила, что, сидя за судейским столом, плакала, переживая его неудачи. Я сама видела, как после падения Крэнстона у нее текли слезы. Даниленко — честный арбитр, она не могла ему подсудить ни одной десятой и ужасно страдала. Толлер относился к ней с большим почтением, хотя именно Даниленко не поставила ему ни одной приличной оценки.

...Я приехала в Канаду с Моисеевой и Миненковым. Они тогда только-только начинали появляться на международных соревнованиях, и их послали на традиционный турнир «Скейт Кэнада». Не помню, в каком это было городе, но мы знали, что там в это время тренировался Толлер. Не размещаясь в гостинице, я с чемоданами поехала на каток. Здесь меня ожидал сюрприз! За бортом рядом с Элен Бурка стоял человек и показывал Толлеру различные танцевальные позиции. Он ставил Крэнстону номер. И все, чем был знаменит Крэнстон на льду, я увидела в этом человеке. Я не знаю его имени, но было ясно, что с Толлером работал хореограф, чью пластику неизвестного для

нас танцовщика (хотя в Канаде он, может быть, и известен) впитал в себя Толлер. Я не предполагала, что на свете есть еще один человек, который может точно так же, как Крэнстон, но только не на льду, а за бортом, жестикулировать, прыгать, двигаться. То, что Крэнстон вторичен, поразило меня, как гром с ясного неба. Хотя подобный факт ничуть не умаляет его заслуг. На льду мы ведь видели Крэнстона.

Иногда Толлер катался, не попадая в музыку. Но все равно катался так органично, что, казалось, не выходил из мелодии. На мой взгляд, именно Крэнстону принадлежит открытие эмоционального направления в фигурном катании, а его показательные номера перевер-гаули всякое представление о возможностях импровизированного выступления фигуристов, тем более одиночников. Благодаря Крэнстону мужское одиночное катание приобрело новые краски.

Впрочем, все после Крэнстона стали кататься намного эмоциональнее.

Робин Казинс — ярчайшая спортивная звезда. Он не докатался. Он, наверное, не получил полного удовлетворения от спорта и не дал нам возможности насладиться своим катанием в полной мере. Выиграл Олимпийские игры и ушел из спорта. Буквально два-три сезона, и распрощался со сборной Великобритании.

Конечно, очень жаль — Казинс становился большим мастером, таким, как Карри или Крэнстон. Победив в Лейк-Плэсиде в 1980 году, он спустя месяц проиграл чемпионат мира, может быть, морально это его подсекло. Могу лишний раз высказать свои соболезнования на этот счет, так как убеждена, что Робин Казинс как спортсмен полностью не раскрылся. Мне кажется, его уход предопределило и то, что Казинс вырос в малосостоятельной семье, а тренировки стоят на Западе очень дорого. Чтобы соревноваться дальше, а главное, чтобы побеждать, надо все больше и больше тренироваться. Казинс предпочел балет на льду. Тем не менее забыть его выступления невозможно. Казинс на льду — как большая птица. Великолепно владеющий своим телом, обладающий огромным прыжком, он, конечно, не столь эмоционален в катании, как Толлер, но зато у Робина в катании присутствовал настоящий юмор, причем чисто английский, когда с серьезным видом делают упомо-рачительно смешные вещи. Смотреть на него — наслаждение. Беда еще заключалась в том, что Казинс был крайне нестабильным спортсменом. На тренировках он делал куда больше, чем на соревнованиях. Как принято говорить: его захлестывало. Но я люблю, когда захлестывает. Понятно, что когда все правильно,

все на одну ногу, только тогда и можно победить, но настоящее удовольствие получаешь не от этого. Как в актерском мастерстве, велик тот, кто, не жалея себя, сгорает даже в маленькой роли, так и Казинс был велик тем, что, выходя на старт, отдавал всего себя без остатка и, похоже, забывал, что за ним следят судьи.

Пегги Флеминг. С ней одно время я еще каталась сама. На чемпионате мира в 1965 году я заканчивала выступления, а она только подходила к пику успеха. Но с самого начала появления Пегги в компании сильнейших она обращала на себя внимание. На катке во время последних тренировок накануне чемпионата обычно катается много девочек, одиночниц всегда больше всех на турнирах, но найти Флеминг в этой толпе никакой сложности не представляло. Я помню, как на льду кружилось человек двенадцать. И среди них Пегги, вся в черном, в углу делала «петли». На том памятном чемпионате 1965 года она заняла четвертое место. Прошло двадцать лет, и в памяти от всего женского катания на чемпионате только одно: как Флеминг в углу катает «петли».

Я не любила школы и не знала ее (и никогда не хотела знать, вот почему и не работала в одиночном катании), но то, с какой элегантностью и красотой Флеминг держалась на льду, как выполняла обязательные фигуры в школе, не оставляло сомнения, что фигуристка она выдающаяся.

У Флеминг не было высоких прыжков, но ее катание могло служить эталоном прекрасного. Флеминг и своей внешностью, и своим мастерством оставила в моем сердце воспоминание, связанное с невообразимой красотой (точечная фигура, шикарные черные волосы, падающие на плечи, огромные глаза). Из женского одиночного, катания так глубоко, как Пегги, запомнились только американка Джаннет Липн и фигуристка из ГДР Габриэла Зайферт. Они ничем не были похожи на Флеминг, они были замечательны по-своему, поэтому не могли не запомниться. Надо добавить, что все трое в разные времена неоднократно побеждали на чемпионатах мира.

Женственность находила логическое воплощение в программах Флеминг. В ее композициях не существовало ни одного элемента ради элемента. Идеальное вращение, технически безупречные прыжки. Во Флеминг совсем не чувствовалось силы, и я никогда не понимала, как такое слабое существо может кататься. Не говоря уже о том, чтобы прыгать. Внешне в ней не было заметно ни спортивности, ни азарта, ни жажды победы, но она умела делать в фигурном катании абсолютно все, и делать лучше всех.

Габи Зайферт.

Габи всегда такая крепенькая, такая складненькая, такая... будто немного надутая. Совсем не немецкий стиль катания, сухой и безупречный, а, наоборот, эмоциональный и одухотворенный, но без слез и надрыва. Габи — красивая девушка с копной светлых волос. Тем не менее в те годы казался трудным выбор: кто внешне лучше — тренер Ютта Мюллер или ее дочь — фигуристка Габриэла Зайферт. Ютта, выглядевшая юной, и Габи, просто юная. Тренировались они всегда помногу. Ютта очень требовательна к своим спортсменам, а к дочери, пожалуй, относилась строже всего. Атлетичная Габи высоко прыгала, была на льду и в жизни очень озорной и представляла собой тип яркой не только спортсменки, но и девушки.

Я не могу сказать, что Зайферт открыла новое направление в женском одиночном катании, но она создала свой собственный, силовой, стиль. Сложнейшие элементы, которые она демонстрировала, смотрелись на льду легкими и простыми, и это получалось оттого, что физически Зайферт относится к крепким людям. Ютту всегда можно было видеть рядом с Габи, она не отпускала дочку ни на шаг. Наверное, хорошо зная лихой характер своей наследницы, Мюллер не хотела рисковать ни на грамм спортивной формой дочки или её психологическим состоянием. Я хорошо помню материнскую опеку Ютты, так как у нас с Зайферт практически совпали года выступлений. Публика любила Габи, а ей очень нравилось быть любимой. В какой-то степени у Зайферт сложилось неповторимое катание: веселое, легкое, энергичное,

Джаннет Линн. Пришедшая на смену Зайферт Линн — третья в моей табели о рангах женского одиночного катания, но не по хронологии, а по значимости. Линн в своем катании по стилю тяготела скорее к Флеминг. Джаннет на льду казалась романтической, иногда с элементами трагедийности и одухотворенности. Но семена, посаженные Габи, не могли не дать всходов. Как Толлер в мужском катании как будто бы включил следующую скорость, и все понеслись быстрее, так и Линн уже села в машину, которую разогнала Габи. Так мощно и красиво, как набирала на льду ход Линн, никто после нее не набирал, но быстроту Джаннет определила Габи.

Джудди Швомейер и Джон Сладки.

Этот танцевальный дуэт из США выходил на международные старты в те времена, когда лидерство Пахомовой с Горшковым

было далеко не всеми признано и они еще с трудом побеждали пару из ФРГ, брата и сестру Бук. Для Швомейер — Сладки при любом варианте этой борьбы место оставалось лишь третьим. Но так, как американцы катали обязательные танцы, никто в мире до сих пор катать не умеет. Швомейер — Сладки — это два коротеньких, толстеньких человечка. Джудди Швомейер была ростом с Роднину, только пухленькая, почти квадратная. И тем не менее они идеально смотрелись в обязательных танцах. Именно Джон и Джудди со своей феерической техникой могли придумать ныне обязательный танец «Янки-польку». На него нынешним танцорам не хватает площадки, а Джудди и Джон укладывались в ее треть, потому что они делали дуги в три раза круче, чем мы сегодня делаем.

Швомейер — Сладки, как я считаю, были лидерами американского направления в танцах. Может, я не совсем права со словом «направление», так как в американских танцах на льду пока нет школы, то есть нет достаточного количества высокотехнических средних пар, а именно это и определяет наличие в национальном фигурном катании школы. Но на мой взгляд, Швомейер — Сладки определили для Америки свое понятие танца. Не чопорное, не английское, а свободное, построенное на виртуозном владении коньком. Джудди и Джон обычно побеждали в обязательных танцах, Мила и Саша первенствовали в произвольных и становились чемпионами. Прошли те времена. Кто сейчас выигрывает обязательную программу, тот и чемпион.

Диана Таулер и Бернард Форд — трехкратные чемпионы мира по спортивным танцам. В 1965 году они были еще второй парой в мире, в чемпионах ходили Ева и Павел Романовы из Чехословакии. В тот год и я выступала на мировом чемпионате, где с ними познакомилась. С Фордом я вижусь до сих пор, потому что он стал тренером по танцам, хорошим тренером. Он работает в Канаде, у него есть интересные ученики, и мне нравятся его постановки, хотя Форд долго находился в тени, и казалось, что ничем похвалиться не может. Но последние годы его ученики настолько заметны, что уже можно говорить о своеобразном почерке тренера Бернарда Форда. В 1983 году я встретила и Таулер, она тоже работает тренером, но ученики ее совсем слабые, их на крупных турнирах не увидишь. Диана все такая же красotka, у нее, как и прежде, изящная ножка с огромным подъемом, и даже прическа та же, с которой она каталась.

Но когда я вспоминаю этот дуэт на льду, я ловлю себя на мысли, что все время вижу партнера, партнерша остается в тени. Он был удивительно органичен, все его движения на льду были

просты и естественны, и, как ни странно, Форд, казалось, выучен был не по-английски. Он мог позволить себе вдруг импровизацию, мог подмигнуть (прощай английская сдержанность и чопорность) зрителям. Но, конечно, прежде всего он иде- ально владел коньком. Не знаю отчего, но так сложилось в танцах, что в английских парах лидирующая роль принадлежит мужчине, в советской же школе партнеру чаще всего отводится роль второстепенная и сводится она прежде всего к тому, что он должен показать партнершу в самом выгодном свете, сам оставаясь в тени, что, кстати, очень сложная и деликатная задача при огромной работе.

Я помню ювелирные обязательные танцы Таулер и Форд. Помню фрагмент танца «Сиртаки» в одной из произвольных программ. Они отходили от механического, идеального катания (какая прекрасная была у них однажды дорожка, когда они вращались напротив друг друга) и подходили к такому стилю, который ближе нам, русским, может быть, поэтому советский зритель любил этот дуэт. Выступали они всегда прекрасно. Никаких срывов и падений. У них было много показательных номеров, которые с восторгом принимались зрителями.

Они катались идеально. Поразительно точное, синхронное катание. Думается, что если бы не было Таулер и Форда, то не возникла бы пара Торвилл— Дин, нынешних четырехкратных чемпионов мира. Потому что Тор-вилл и Дин — прямые наследники стиля, выработанного Таулер и Фордом. Я, конечно, скажу о молодых англичанах. Но сейчас мне сделать это трудно, должно пройти время, чтобы можно было со стороны оценить их вклад в мировое катание, понять, чем была эта пара для меня, кроме того, что с ними боролись мои ученики Бестемьянова и Букин. Но к ним целиком можно уже отнести все то, что я говорю о Таулер и Форде. Это и идеальная синхронность, это и поиск нового, наконец, и ведущий в дуэте — партнер. Таулер — Форд пытались разнообразить спортивные танцы и преуспели в этом. «Сиртаки» родились ведь не случайно. Тем же занимались и Торвилл с Дином. Впрочем, и об этом я скажу.

Джейн Торвилл и Кристофер Дин.

Они появились в тот год, когда последний раз на чемпионате Европы в Страсбурге победили Моисеева и Миненков. Они сразу обратили на себя внимание. Я их запомнила еще на тренировочном катке — для английских пар у Джейн и Криса была довольно большая скорость. Их тренировала тогда Солбридж, известная спортсменка, тренер чемпионов мира и

Европы. Но на следующий год, когда я привезла впервые на первенство мира Бестемьянову и Букина, с ними уже была Бэтти Калловэй — знаменитый английский тренер, о которой я дальше расскажу отдельно. До того, как Джейн и Крис стали чемпионами, Наташа с Андреем уже проиграли англичанам три старта: два чемпионата Европы (1979, 1980) и мира (1979) — это много, это большой разрыв в умозаключениях судей, какой дуэт лучше. Тем более что с 1980 года Торвилл и Дин выступали от своей страны первыми номерами. Бестемьянова — Букин и здесь проигрывали им почти два года.

Как известно, в 1980 году в Дортмунде сразу после Олимпиады Линичук и Карпоносов проиграли чемпионат мира. Победили тогда венгерские танцоры Ракоци и Шалаи, а Торвилл и Дин были на этих соревнованиях четвертыми, причем если бы партнерша не упала в обязательном танце три раза в одном и том же месте, они могли бы занять третье место, вытеснив с него Моисееву и Миненкова. На следующий год сборная поехала в том же составе — Наташа и Андрей в ней считались третьими номерами, следовательно, для судей интереса не представляли, хотя потом все удивлялись, почему эту пару надо ставить ниже Линичук — Карпоносова. Наташа и Андрей заняли в 1981 году четвертое место, победили Торвилл — Дин, вторыми стали Моисеева — Миненков и, таким образом, слишком далеко вперед отпустили англичан. А ведь два года до всех этих пьедестальных пертурбаций, еще когда и англичане не входили в призеры, Бестемьянова и Букин дважды с ними соревновались на турнире в Морзине и оба раза выигрывали.

Я так подробно рассказываю о всех нюансах перехода с одной ступени на другую, потому что Торвилл и Дин для меня не только выдающиеся фигуристы, четырехкратные чемпионы мира и Олимпийских игр, великолепные танцоры, но и все это время постоянные и основные соперники Наташи и Андрея. Но даже если бы в те, уже, кажется, далекие годы мои ученики поднялись бы выше Торвилл и Дин, я все равно бы отнесла англичан к событию в спортивных танцах на льду, так как они многое привнесли в этот вид. Три их последние программы могут нравиться или не нравиться, по правилам они или не по правилам, но забыть их невозможно. Я могу так говорить с точки зрения профессионала.

Я считаю, что они относятся к тем спортсменам, которые трудятся безгранично. И это видно по их результатам. Я обратила внимание, что из всех танцевальных дуэтов, собираемых на чемпионатах, Торвилл и Дин проделывают наибольший объем работы, они всегда целеустремленны, они всегда прокатывают

всю программу полностью. Видно, что они работают много сами, видно, что Крис много изобретает.

После их выступлений, возможно, изменят правила в танцах. Если арбитры приняли их акробатические поддержки и не снизили за них оценки, то, наверно, их следует разрешить всем. Запрещено в правилах не двигаться с места более десяти секунд, а они начинали произвольный танец на Олимпиаде под музыку «Болеро» Равеля, не сходя с точки тридцать пять секунд, и закончили программу через четыре с половиной минуты, вместо разрешенных четырех. Но это неважно. Во всяком случае сейчас несущественно. На Олимпиаде в Са-раеве их победа не вызывает сомнений.

Я очень люблю из всех номеров, которые я когда-либо у них видела, показательный танец — румбу. Этот танец, как когда-то пахомовская «Кумпарсита», как «Кармен» Моисеевой, «Лезгинка» Линичук — золотой фонд мирового фигурного катания, спортивных танцев на льду. Мне кажется, чтобы достичь таких высот, надо очень хорошо знать свой вид спорта. И англичане не раз доказывали, что они прекрасно помнят все, что происходило на льду до них.

В этом дуэте я всегда выделяла и выделяю Криса, хотя Джейн надежнейшая партнерша и стала намного артистичнее, чем была раньше. Но главное действующее лицо в паре — Дин. Светловолосый с хорошим лицом, крупной головой, посаженной на мощную шею. Я убеждена, что, уйдя в ледовый балет, они и там сделают еще много интересных работ.

Мы не раз вместе не только выступали, но и тренировались. В Морзине, где нас свела судьба на совместном сборе, Наташа в выходной день сварила русский борщ. Мы обедали, гуляли, не разлучались весь день, Джейн и Крис контактные ребята, но не в дни соревнований.

Как объявили Торвилл и Дин, сезон 1984 года для них как для спортсменов последний. Я говорила о новых путях, которые этот дуэт искал в спортивных танцах. Но для меня они запомнятся не только экспериментами. Идеальное скольжение и абсолютная синхронность, безупречные по чистоте линии обязательных танцев и, конечно, фантазия в произвольном — вот какую память оставил после себя английский танцевальный дуэт Торвилл — Дин.

Турне мировых звезд

Турне проводится сразу же после чемпионата мира. Если соревнования проходили в Северной Америке, то спортсмены отправляются в турне по США и Канаде, если в Европе, то по городам Старого Света. В эти поездки попадают лишь сильнейшие фигуристы сезона, обычно от каждого из четырех видов фигурного катания по пять человек. Три первых номера и два лучших по произвольной программе. Плюс к ним в каждой стране подключаются местные ведущие спортсмены. Это привлекает больше зрителей и служит популяризации нашего вида спорта. Из советских тренеров в турне едет обычно не больше Двух, а порой бывает достаточно и одного. Естественно, это тот тренер, чьи спортсмены победили. Нельзя сказать, что я очень часто отправлялась на эти гастроли, но несколько раз путешествовала,

Спортсмены стараются завоевать публику, выглядеть лучше тех, кому проиграли только что в соревнованиях, и оттого все катаются замечательно. Но антагонизма в этих поездках между спортсменами и тренерами не бывает. Несколько раз я была в турне в одной компании с Юттой Мюллер и Ингой Вишневской — тренерами из ГДР. Западные тренеры в турне не ездят, со спортсменами по городам разъезжают мамы. Не ездят потому, что тренировки у них платные, и никто не хочет терять заработка.

Самое яркое для меня было турне после чемпионата в Колорадо-Спрингс, когда мы поехали по Америке. Шел 1975 год. Две пары у меня стали чемпионами: Роднина с Зайцевым и Моисеева с Миненковым. Настроение — умопомрачительное от счастья. Небо все время казалось абсолютно голубым. Хотелось восхищаться и смеяться, что я и делала в течение всего турне. В ту поездку в состав сборной мира вошли: Крэнстон, Карри, Ковалев, Пахомова с Горшковым, которые приехали после Сашиной болезни, моя четверка, а из тренеров мы с Чайковской. Вылетев из заснеженного городка Колорадо-Спрингс, мы приземлились в Калифорнии, в Сан-Диего. В городе стояла жара плюс тридцать. Вокруг аэропорта пальмы, бананы, ананасы и на фоне этой экзотики мы в зимнем пальто. Турне, впрочем, было долгим, мы заезжали в Канаду, где еще не наступила весна, и пальто пригодились. Но до Канады мою шубу, например, долго использовали при переездах в автобусах, как одеяло или подушку.

Автобусы, города — все это позже, а пока в Сан-Диего на каждом балконе гостиничного номера в кадке стояло

апельсиновое дерево с созревшими плодами. Их можно было срывать, но не хотелось портить красоту. Сорвали все же по одному. Все равно апельсины пора было снимать, они уже поспели. Даже сейчас помню вкус этого апельсина.

На первом этаже отеля — два бассейна, С горячей водой, так что можно свариться, и с холодной. Мы с Чайковской сразу же побежали купить купальники. В первый же день отправились на берег океана. Хотели искупаться, но уже стемнело, и никто не решился, побегали по кромке воды. Там, на побережье Тихого океана, я нашла камешек с дыркой — их называют «морской бог». Камешек хранится у меня дома, считается, что эта галька, в которой вода проточила отверстие, приносит счастье,

В Морзине вместе с Торвилл и Дин

Не знаю, помог ли камешек, но в Сан-Диего мы попали в магазин пластинок в тот день, когда в нем объявили распродажу, то есть на несколько дней цены резко понизились, и вместо намеченных пятнадцати пластинок мы смогли купить пятьдесят. Пластинки за рубежом очень дорогие, и такое понижение (почти в три раза) на самые модные диски было абсолютно для нас неожиданным. Полезного материала, то есть мелодий, позволяющих составлять программы, в них оказалось столько, что я пользуюсь ими до сих пор. Я и так ходила переполненная радостью, а такая неожиданная удача еще больше подняла настроение. Я вообще люблю покупать пластинки, ко мне приходит ощущение выполненного долга. Покупаешь не вещь. Не пальто и не шапку, а то, что нужно для работы. На пластинки я

всегда откладываю половину тех денег, что имею. Покупать пластинки я приучаю и спортсменов.

Из Сан-Диего отправились в Лос-Анджелес. Возили нас на экскурсию в Голливуд. Съездили мы и в Диснейленд и что же мы там вытворяли. Мы облазили его весь — куда только не поднимались, на чем только не спускались. От распирающего удальства я взгромоздилась на карусель, представляющую собой вращающийся на подносе чайный сервиз (при моей больной голове эта затея, конечно, была крайне опасна), где в одну сторону крутились блюда, чашки на них в другую, сиденье, на котором я устроилась в чашке, еще куда-то, стол, за который я ухватилась, тоже вертелся. В этой чашке и во всем сервизе я сидела одна, больше желающих не нашлось. Карусель не выключали минут пятнадцать, очень хотелось меня как след/ет покатасть. Я докрутилась до такого состояния, что стала кричать, а спортсмены стояли вокруг и восхищались: «Смотрите, как крутится! Вот дает!» Крутиться я уселась сразу же после роскошного обеда...

Вышли мы из ворот Диснейленда в диком виде. На голове какая-то утиная шапочка, в руке трещотка, в зубах язычок, который разворачивается и свистит. Все обвешаны собственными портретами, которые получили от художников, работающих с невероятной быстротой. В руках еще и мороженое, которое навешанный хлам мешает донести до рта, 51 целую неделю напевала песенку, которую услышала, проплывая на лодочке по замку, где стояли куклы, одетые с костюмы народов всего мира. Куклы, приветствуя гостей, машут руками и улыбаются. И играет песенка: «та-та-та, там-там, та-та-та, там-там». Никуда не хотелось идти дальше, так бы и катался всю жизнь на этой лодочке.

В Лос-Анджелесе в выходной день мы побывали в «Водной стране», где меня поцеловала, выпрыгнув из воды, дрессированная косатка — это тоже, говорят, приносит счастье. Там Чайковская споткнулась и растянула ногу. Ее посадили в специальное кресло, и я катала своего первого тренера по всей территории аттракциона, поставив ногу на каталку и отталкиваясь, как на самокате, другой. Грохот стоял ужасный, а я веселилась — выделявала немыслимые виражи, спускались с горок на бешеной скорости. Меня переполняли радость и веселье, Думаю, что моим спортсменам закрадывалась мысль — не свихнулся ли их тренер на жаре?

В США и Канаде я оказалась в турне еще два раза, в 1978 и 1984 годах. В Оттаве, на чемпионате мира семьдесят восьмого Моисеева с Миненковым проиграли Линичук и Карпоносову.

Настроение у меня было подавленное, я плохо спала, не ела, удивлялась, что на сей раз в тех же городах не вижу ничего веселого и праздничного, как это было в турне 1975 года.

Я несколько раз в конце семидесятых годов — начале восьмидесятых ездила в турне по Европе, но первое, американское, запомнилось больше всего. Турне мировых звезд организовали по Японии после чемпионата мира 1977 года, который проходил в этой стране. У меня опять победили оба дуэта, настроение было прекрасное, к тому же Моисеева и Миненков выступали с самой любимой моей программой.

Так получилось, что Линичук и Карпоков долго не могли попасть в турне звезд. Их впервые взяли как раз в Японию, и все шутили, что турне поэтому должны отменить. Так и случилось. Где-то не успели с рекламой, где-то не продали билетов, и через пять дней мы вынуждены были разъехаться по домам, но за эти пять дней успели побывать в старинной столице Японии — Киото и в Саппоро. Приятно было оказаться в городе, где я впервые принимала участие уже как тренер на Олимпийских играх. В Саппоро всех пригласили на пивной завод, Только советские фигуристы держались как кремень, благодаря им и сумели провести выступление, а многие зарубежные звезды как увлеклись на экскурсии, что вечером дальше того места, откуда выезжает заливочная машина, двинуться не могли. Американский танцевальный дуэт Коннор — Милз отправился из Саппоро со страшным алкогольным отравлением в США, не дожидаясь окончания турне.

В этих поездках хочется одного: чтобы память работала лучше, чтобы все осталось в голове на вечные времена. Где ты был, что видел, что ел. Ради интереса и как кулинар со стажем я готова все попробовать, никогда не думала, например, что сырая рыба может так понравиться. Я ела «сусси» так, как будто выросла на ней, будто это мои любимые котлеты.

Эти поездки, после которых вспоминаешь массу историй, я, например, воспринимаю как подарок после тяжелого, напряженного сезона. Тренерам они ничего не дают, но приносят определенную пользу нашему виду спорта. Что может быть лучшей агитацией для фигурного катания, чем выступление его сильнейших представителей.

Надо сказать, что для спортсменов турне не бывает отдыхом. Каждый день перелет в другую страну, тренировка, выступление и снова в самолет или в автобус. К концу все сильно изматываются. И лишь два-три дня, не больше, за три недели выступлений бывают выходные. Поэтому в этих поездках они мало что видят. Во всяком случае значительно меньше, чем

хотелось бы. Тем не менее они нужны спортсменам, у которых есть возможность в это время спокойно пообщаться не в соревновательной ситуации, а главное, тренироваться вместе — это важный этап в их работе.

Выдающиеся тренеры

Специалистов в фигурном катании, которых я могу назвать выдающимися, немного. Я говорю о тренерах, чью работу видела, о тренерах, которые оказали большое влияние на мое становление. Конечно, не случайно, что именно у них больше всего чемпионов. Это — Е. Чайковская, С. Жук, Т. Москвина, И. Москвин, К. Фасси, Ю. Мюллер, Б. Калловэй, Э. Целлер.

Елена Чайковская.

Свой рассказ начну с Елены Анатольевны Чайковской — моего наставника, человека, близкого мне на всю жизнь. Если бы я в свое время не оказалась у нее в группе, может быть, никогда и сама не стала бы тренером. Пример Чайковской был для меня слишком заразителен.

Про Елену Анатольевну я могу рассказывать очень долго. Но прежде чем вспоминать, когда и при каких обстоятельствах мы с ней встретились, я должна предупредить, что Чайковская мой товарищ, мой педагог, с которым у меня складывались разные отношения, от самых близких до тяжелых, когда мы превратились в двух тренеров-соперников.

Познакомилась я с ней на Петровке, 26, на маленьком динамовском катке, популярном у москвичей и зимой, и летом (с мая там открываются теннисные и волейбольные площадки). Я каталась в паре с Жорой Проскуриным, нам было по шестнадцать лет, тренировал нас Виктор Иванович Рыжкин, а хореографом к нам пришла 21-летняя студентка балетмейстерского факультета ГИТИСа Лена Чайковская, тогда Новикова. Пришла она в валенках и тулупе, в большом мохеровом платке, модном в те годы. Забот у нее дома, пожалуй, было больше, чем на работе,— родился сын. Сейчас Игорь закончил институт международных отношений, а тогда это был четырехмесячный Игоряша, постоянно требующий внимания и заботы.

Новый хореограф сразу же произвела на нас сильное впечатление: красивая, стройная, с загадочными глазами. Не заметить Чайковскую в толпе прохожих было невозможно. Мы знали, что Лена была чемпионкой Советского Союза и тренировалась у Татьяны Александровны Гранаткиной (Толмачевой). Теперь она пришла работать на каток «Динамо».

Занимались мы с Чайковской не только на льду, но и на полу. Тогда не катались так много, как сейчас, и урокам хореографии отводилось немало времени. На занятия мы ходили с Ирой Даниловой, будущее которой определила Лена, когда стала изучать с нами характерные танцы, о которых мы вообще ничего и никогда не слышали. Она на нас надела сапоги, юбки, и мы с упоением — сначала под счет, потом, когда Лена привела концертмейстера, и под музыку разучивали танцы.

Для Иры эти уроки кончились тем, что она по совету Чайковской оказалась в моисеевском ансамбле, где с успехом работает по сей день.

Вот так Лена вела с нами занятия. Дробить, то есть отбивать чечетку, нам хотелось с утра и до ночи. Не говоря уже о том, что мы сразу же привязались к новому хореографу — человек она открытый и добрый, стали пропадать у нее дома, нянчить ее ребенка. Она вошла во вкус тренерской работы, набрала себе группу, тем более что Рыжкин, оставив нас, начал кататься в паре с Милой Пахомовой, и теперь уже Чайковская нам придумывала программу. Короче, события менялись со страшной быстротой. Рыжкин из тренера превратился в ученика, Чайковская из хореографа сделалась тренером Рыжкина. Такое было возможно лишь в те годы становления фигурного катания в нашей стране. В

итоге мы с Жорой попросились учениками к Елене Анатольевне.

Своего тренера мы полюбили до самозабвения. Ужасно боялись ее в чем-то подвести, не дай бог, расстроить. Так получилось, что мы с Жорой стали ее основной парой. И на своем первом чемпионате Европы — для нас, кстати, тоже первом международном старте, который в 1965 году проходил в Москве, — Елена Чайковская выводила на лед Тарасову и Проскурина. Позже у нее выросли сильные спортсмены, такие, как одиночница Елена Котова, но мне кажется, мы с Жорой тогда были для нее дороже всех. Чайковская творчески подходила к тренировкам, каждый день проводя их по-разному, и создавала по тем временам необычные программы. Нам первым в нашей стране она поставила танец под песню. Взяли песню Бабаджаняна «Не спеши» в исполнении Муслима Магомаева, и под нее мы с упоением катались с Проскуриным, публика нас вызывала по многу раз. Я ходила за Леной, как тень, забыв про свой родной дом. Бегала в молочную и булочную, химчистку и прачечную, сидела днем с Игорем и стала просто членом ее семьи. Все ее друзья стали моими. Не было такой тайны, какой бы я не могла рассказать ей. Мы были очень близкими подругами. Впрочем, и сейчас в тяжелые дни мы всегда вместе.

Мы ездили вместе отдыхать, и я не переставала удивляться, что даже летом на восстановительном сборе, по сути дела, на отдыхе, Лена постоянно в работе, придумывает что-нибудь новое. Как-то она попросила велогонщика Толкунова помочь нам подобрать упражнения для общефизической подготовки. Заметив, что не все его упражнения подходят к нашей специфике, она переделала их, что дало нам немало. На следующий год мы катались с Жорой очень уверенно.

Масса различных историй происходила у нас с Еленой Анатольевной. Мне было восемнадцать лет, когда в Горьком она отпустила меня и Лену Котову погулять. Нас молодые люди пригласили в кафе. Чайковская не возражала, но велела в десять быть дома. В десять мы, естественно, не пришли, в одиннадцать тоже, добрались до гостиницы где-то без четверти двенадцать. Первое, что мы увидели, когда крались по коридору, это голову Чайковской, которая выглядывала из комнаты. Я жила вместе с ней, и когда вошла в номер, Чайковская встретила меня с наплаканными глазами, так как уже представила себе все ужасы, какие могли с нами случиться, и довольно конкретно сказала, кто мы есть такие и что она о нас думает. Легла она вся в слезах, повернувшись к стенке. Я не спала полчаса, час, мучилась, что расстроила тренера, и, наконец, решила: сейчас с ней помирюсь, прыгну к ней на кровать, обниму ее, поцелую, и она мне все

простит. И при погашенном свете я делаю большой прыжок со своей кровати и падаю на Чайковскую, которая уже безмятежно спала. Ох, как она кричала!

Лена мне прощала любые выходки. Даже те, какие красивая женщина девочке простить не может. Мы возвращались летом с юга в Москву. Ей предстояла важная встреча, и было необходимо выглядеть очень красивой. Пива, чтобы накрутить волосы, мы не нашли, и тогда я ляпнула, что накручиваю в таком случае бигуди на арбузный сок. Я старательно причесала Чайковскую, и мы легли спать. Утром бигуди отрывались от головы только вместе с накрученными волосами. Понятно, что на свидание, которое невозможно было отменить, Чайковская пришла с прической, не соответствующей значительности момента.

Она была для меня образцом во всем. Одевалась Лена тогда совсем не так, как сейчас мы видим ее по телевизору, жили они материально не очень легко, но она всегда выглядела ослепительной женщиной, источающей тонкий аромат французских духов. Чайковская купила по дешевке (за десятку) для тренировок валенки сорок пятого размера, но, надевая на каток тулуп и валенки, она умудрялась сохранять изысканность и элегантность. Когда она шла, все оглядывались. А летом! Высокая, красивая, стройная. Туфли у нас были всегда на двоих. Я на нее мало чем походила. Лена всегда и во всем искусный дипломат, а я очень часто в тех вопросах, где надо проявить некоторую, будем говорить, тонкость, выбрать момент, чтобы что-то попросить или где-то вовремя промолчать, удивительно неуклюжа. Обращаюсь с просьбами не вовремя и говорю то, что думаю.

Как складывалась у меня дальше жизнь в спорте? Очень печально: я вывихнула плечо. Раз вывихнула, второй... Вывих стал привычным — это трагедия в парном катании. У Лены появилась Пахомова, но теперь уже с Горшковым. Чайковская начала с ними готовить «Кумпарситу».

Не вызывало уже сомнений, что у Чайковской свой стиль, свое видение фигурного катания, что она незаурядный тренер. Понимая это, я любила ее еще больше, старалась из последних сил. А силы действительно были последними, все время из плечевого сустава вылетала рука, ни о каких поддержках и речи быть не могло. Я понимала, что Чайковской уже не до меня, что с появлением Пахомовой и Горшкова перед ней встали более серьезные и важные задачи в фигурном катании, чем те, что ставились передо мной и Жорой. Понимала, но обижалась очень. Чайковская, естественно, все меньше и меньше обращала на нас внимания, много работала с Пахомовой. Конечно, пора было

оставлять спорт. Постоянная травма руки болезненно влияла не только на мою психику, но и на психику Чайковской. Она ведь была не только моим тренером, но и подругой и резко расстаться со мной не могла. Между нами начали складываться очень тяжелые отношения. Я ходила угнетенная и подавленная.

В итоге, назло Чайковской, перешла в ЦСКА. В ЦСКА тренировалась несколько месяцев, сменив парное катание на танцы, но ничто уже помочь не могло — рука не позволяла кататься в полную силу. Надо было подыскивать себе работу. Все это время я ходила, надувшись на Чайковскую, считая, что она поступила со мной жестоко.

Потом дружить нам стало очень трудно, У нее росли свои пары, у меня — свои, наши ученики почти все время противостояли друг другу, следовательно, противостояли и мы. Я внимательно следила за ее работами. Ведь долгое время она ставила программы лучшим в мире танцорам, Пахомовой и Горшкову. Помню, как на одном из традиционных соревнований «Московские новости» в обязательные танцы входила румба. Я приехала с соревнований в таком восторге от танца Пахомовой и Горшкова, что не смогла себя сдержать и в двенадцать часов ночи позвонила Чайковской, сказав, что она гениальный тренер, что ничего подобного я в своей жизни не видела и что танцевали ее ученики блестяще. Я говорила, что преклоняюсь перед ней только за то, что она дала мне возможность увидеть такой неподражаемый танец.

В 1976 году на зимней Олимпиаде в Инсбруке мы жили в одном номере. И хотя задачи у нас как у тренеров в танцах были разные (Пахомова — Горшков были первой парой сборной, Моисеева — Миненков могли рассчитывать только на второе место), трудных дней хватило и ей, и мне. Ведь, кроме танцоров, у Чайковской еще выступал Владимир Ковалев, а у меня Роднина и Зайцев. Поддерживали мы друг друга как могли. Бегали по очереди в шесть утра за соком. Сама издерганная ничуть не меньше меня, Чайковская, когда мне становилось совсем плохо, садилась рядом успокаивать меня и могла так просидеть всю ночь. А на следующую ночь я просиживала с ней. И наше общее тренерское дело, которое развело нас, в эти нелегкие дни вдруг объединило. В Инсбруке я поняла: никто и никогда из тренеров не был и не будет мне ближе, чем Чайковская. Никого я так не понимаю, как ее. Мне может в ней что-то не нравиться, и что-то ей не нравится во мне, но это не мешает нашей дружбе. И даже соперничество наших танцевальных пар не поколебало ее. Какое это имеет значение для моей привязанности к Елене Анатольевне? Чайковская — мой тренер, благодаря ей я стала

тренером, а может быть назло ей, но все равно примером служила Чайковская. Она привила мне много хороших человеческих качеств. Моя забота об учениках воспитана отношением Чайковской ко мне. И постановочный период для меня такой радостный потому, что радостным был для нее, я видела, какое наслаждение она получает, когда ставит танец. То, что я работаю обычно без хореографа, тоже от нее, так работает Лена. На Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, когда у меня была очень сложная ситуация с Родниной и Зайцевым, менять или не менять им программу, я смогла сохранить выдержку и не шла на уступки во многом благодаря поддержке Чайковской. Я радуюсь и горжусь, когда она меня поздравляет — Чайковская ведь очень скупа на похвалу.

В Лейк-Плэсиде немало неприятностей было и у Чайковской. Заболел корью Ковалев, и мы по очереди носили ему еду, передавая кастрюльку через хоккеистов, так как в олимпийской деревне проход женщинам в мужские корпуса запрещен, впрочем, наоборот тоже. Когда у меня на душе неспокойно, я ложусь и лежу пластом. Лена, наоборот, бегает. С шести утра до глубокой ночи. Одевается затемно и целый день где-то носится.

Я знаю, как она любит своих учеников, обожествляет их. Недостатки их у нее превращаются в достоинства, мало того, и других умудряется заставить в это поверить. Между прочим, такой дар — тоже одно из великолепных тренерских качеств, которым обладают немногие. Она заставила всех поверить, что Ковалев — лучший в мире фигурист, а ведь катался он нередко не на самом высоком уровне. Но он умел выигрывать. Умел выигрывать, когда она была рядом с ним. Она учила и научила его побеждать, учила его быть таким злым, каким он был. Сейчас она тренирует в мужском одиночном катании Владимира Котина. Мне нравятся программы, которые она с ним делает. Они меня волнуют, катание его меня трогает. И Лену вижу всю в его композициях. То, что она незаурядный тренер, подтверждает история восхождения танцевальной пары Линичук — Карпоносов, У этого дуэта были отлично поставленные танцы, но самих фигуристов я не могу назвать выдающимися — это не чемпионская пара. Чайковская сумела заставить всех судей в течение нескольких лет отдавать Линичук и Карпоносову первые места. Вот Пахомова по своим природным данным талантливейшая фигуристка. Горшкова Лена подняла до уровня партнерши исключительно своим трудолюбием. Она создавала для этого дуэта такие танцы, которые вошли в историю фигурного катания. От «Соловья» у меня просто дух замирал. Я забывала, что ее ученики — наши соперники, восторгалась

Ковалевым в «цыганочке», именно таким цыгана я себе и представляла. Хорошо смотрелись в паре мой прежний партнер Георгий Проскурин и Галина Карелина. Они показывали в парном катании интересные находки Чайковской, прекрасно придуманные ею поддержки, а программа Карелиной — Проскурина на музыку из фильма «Восемь с половиной» была просто блестящей.

Почти все ее ученики расстаются с ней тяжело, сохраняя потом не лучшие отношения.

Очень трудно вот так, на нескольких страницах, рассказать о Чайковской. Она очень разная — нетерпеливая, добрая, злая, великодушная, как любой неординарный человек. И говорить о ней однозначно нельзя. Тем не менее я могу выразить свое к ней отношение одной фразой: Лена Чайковская — дорогой и близкий для меня человек. И в трудные минуты откровения она мне говорит: «Люблю тебя, Тарас!»

Станислав Жук.

Станислав Алексеевич тренер, который, кажется, из любого может сделать чемпиона, человек, который, как никто, предай фигурному катанию. Человек, которого нельзя не уважать за то, что он вот такой, какой есть: то со зверским выражением лица, то с чрезмерной радостью и без всякой попытки выглядеть лучше перед камерой телевидения.

Не понимать и не отмечать, что Жук талантливейший тренер, может только человек, далекий от фигурного катания. Великолепно знающий технику катания, умеющий находить для себя материал — и, только для себя. Предугадывающий на год, чему надо учить и, главное, как, какие мышцы накачивать, сколько часов провести в зале, с какими предметами. Сколько нужно пробегать, сколько нужно проплакать, сколько нужно выкатать, сколько нужно выстрадать. Прежде он тонко чувствовал время, когда необходимо тренироваться вместе с ним, а когда нужно выходить на лед без него... Энциклопедические познания Жука в фигурном катании нельзя не признавать любому тренеру, даже и тому, который не любит Станислава Алексеевича.

Как трудно спортсменам, которые тренируются с ним, которые ушли от него, которые собираются прийти к нему. Жук — фигура в спорте сильная (и в то же время в каких-то вопросах очень слабая), по характеру всегда тяжелая. Я наблюдала за ним, еще когда была спортсменкой. Он постоянно что-то изобретал в фигурном катании, постоянно экспериментировал, не жалея спортсмена, но в первую очередь самого себя. Рассказывали, что

когда распался его союз с первым и единственным тренером Петром Петровичем Орловым, Жук себя и Нину (свою партнершу и жену) тренировал сам. Тренировал много и жестоко. Я плохо помню, как он катался, но зато прекрасно помню его первых учеников — Татьяну Жук (Таня его родная сестра) и Александра Гаврилова, которые уже в те годы катались точно, как часы. А глядя на них, можно было понять, что молодой Станислав Алексеевич — незаурядный тренер. Его питомцы не срывали элементы, каждый шаг у них был отточен, движения строго параллельны. Они делали элементы, которые никто в парном катании не делал, а то, что уже было известно, они исполняли с абсолютной чистотой. Потом Гаврилова заменил Горелик. Я тогда сказала сама себе, что если мы с Жорой их не обыграем хотя бы раз, я перестану кататься, а может быть, вообще умру. Мы у них выиграли на отборочном турнире накануне первенства Европы, заняв второе место, а Жук — Горелик стали третьими. Им в катании не хватало эмоций, но все окупалось отточенной техникой. Наступали они стремительно, довольно быстро став второй парой мира. Стали знаменитыми, объехали полсвета — и все это заслуга Станислава Жука.

Сколько же учеников прошло через его руки, и сколько же из них стали чемпионами! Галя Гржибовская, Сергей Четверухин — это первые маши одиночники, которые уверенно выступали на чемпионатах мира и Европы. Причем тренерская тактичность Жука в работе с Галей проявилась в том, что он сохранил Гржибовской не свойственный для него самого стиль — тонкий, романтический. Великолепная техника Четверухина, призовые места Сергея на мировых первенствах — это тоже заслуга Станислава Алексеевича. Потом у Жука появилась Роднина.

Я первый раз увидела эту маленькую девочку с партнером — мальчиком лет семнадцати по фамилии Уланов на льду в Лужниках. Мы с Жорой выступали с любимым мною и зрителями показательным номером «Не спеши». Девочка в первом отделении, задолго до нас, катала турнирную программу — показательных номеров у нее еще не было. Для меня, наблюдающей за ней из прохода, откуда фигуристы выходят на лед (сколько раз я потом буду стоять в нем в роли тренера Родниной), стало ясно, что девочка скоро всех обыграет — да не одна я, должно быть, это про себя отметила.

Так получилось, что в 1971 году на чемпионат Европы в Гармиш-Партенкирхен Жук не поехал, не выступала уже и я, но на соревнования попала, правда, в составе группы журналистов, договорившись писать и передавать материал с чемпионата в газету «Красная звезда». Так как Роднина и Уланов оказались на

чемпионате без тренера, я была рядом с ними, провожала их на лед. В тот год они впервые победили. Так случилось в жизни, что на первую и последнюю победу Роднину напутствовала у кромки льда я.

Ира — маленькая, смешная, чудная, подстриженная коротко, похожая на медвежонка, просидела со мной всю ночь. Мы баловались, хохотали, болтали, находились в одинаковом восторге от этой победы. Ее богом был Жук. Через несколько лет он сумел найти замену ушедшему Уланову.

Александра Зайцева я хорошо помню еще до того дня, когда он стал партнером Родниной. Он ездил вместе с нами в турне по Сибири. Как фигурист Саша был незаметный, только что высоко прыгал и в нем чувствовалась большая физическая сила. А Жук разглядел в Зайцеве что-то, чего никто разглядеть не смог, взял из Ленинграда, перевел в Москву. Через несколько месяцев в Запорожье на показательных выступлениях я впервые увидела новый дуэт Жука — Роднина — Зайцев. Но до этой премьеры на запорожском льду у меня в Москве произошла небольшая встреча с бывшим партнером Иры. Леша Уланов и Люда Смирнова (двое новобрачных) пришли ко мне убежденные, что я возьму их в свою группу. Но я им отказала. Как тренер, как человек, связанный со спортом, я не могла примириться с тем, что сделал Леша. Речь идет не о том, что он женился на Люде. Это прекрасно, что они полюбили друг друга и решили создать семью. Но для этого совсем не обязательно ломать пару. Ведь для Иры с уходом партнера спорт, причем в самом расцвете ее сил и возможностей, мог закончиться навсегда. Нельзя, невозможно оставлять товарища, с которым в спорте уже так много пережито с самого начала, но путь еще не пройден до конца. Леша и Люда почему-то решили, что я очень добрая, что я буду их тренировать, и первое, что спросили, придя ко мне, когда будем планы писать. Я сказала, что планов писать не будем, потому как совместных занятий не предполагаю. С той поры мы долгих бесед не заводили.

Жук создал новую пару — Роднина — Зайцев. И весь тренерский состав сборной сидел и смотрел их тренировки. Это было феноменально. Чувство нереальности происходящего в Запорожье не покидает меня и по сей день. Невозможно себе представить, чтобы за такой короткий срок можно было сохранить чемпионский почерк дуэта, в котором осталась только партнерша. Мало того, сделать катание пары еще лучше — мощнее и интересней. Первая победа Родниной и Зайцева — настоящая победа — пришла к ним не на международном турнире, а именно на том выступлении в Запорожье, когда лучшие специалисты страны увидели, что можно сделать в

фигурном катании. Я помню, как Ира и Саша впервые поднялись на пьедестал — это было на европейском первенстве в Дортмунде в 1973 году, на табло горели оценки в шесть баллов, и Жук хохотал. Я помню, как на следующий год в Братиславе, на чемпионате мира, во время произвольной программы отключилась музыка, и композицию Ира и Саша докатывали в абсолютной тишине. Потом, когда на видеозапись наложили музыку, выяснилось, что спортсмены двигались точно в мелодию. Такое самообладание под силу только ученикам Жука. Он как скульптор лепит не только великих спортсменов, но и великие характеры.

Когда я ушла от Чайковской в ЦСКА, то на три месяца попала к Жуку. Даже за это короткое время, что я провела у Станислава Алексеевича, я очень ему благодарна. Я поняла, как надо работать. Я выходила на каток в шесть утра и каталась при свете единственной горящей лампочки, так как знала, что в семь появится Жук и будет смотреть, что я выучила. Тогда он вел и танцевальный дуэт (Бережкову и Рыжкина), танцами хотела заняться и я. Очень старалась и работала без устали. Видела, как все замирают, когда он приходит на каток, как все хотят показать ему самое лучшее из того, что сделано. Нельзя у Жука было не выучить то, что он велел подготовить на завтра, нельзя было стоять у бортика. Много чего было нельзя, и только одно разрешалось — совершенствоваться.

Потом Жук начал экспериментировать. Он объединил в одной паре маленькую Марину Черкасову и высокого Сергея Шахрая. Многие говорили: «ужасно», а мне пара нравилась, хоть я и понимала, что Марина вырастет. Все его поиски в создании «идеальной пары» — это поиски талантливого тренера, человека, способного на большие дела. Когда писались эти строки, у Жука, как всегда, тренировались лидеры, на сей раз в одиночном катании — Елена Водорезова и Александр Фадеев. Правда, после неудачи в Сараеве Лена окончательно решила оставить спорт. С Водорезовой ему пришлось нелегко, он в полном смысле слова испытал с ней тяжелую болезнь, страдания, надежды на радостное будущее. Лене было очень трудно после болезни прыгать, а он вселял в нее уверенность, и она совершает па льду то, что вообще за гранью логики и рассудка. Лена первая, кто принесла нам медали в женском одиночном катании. Вот пример тренерской самоотверженности, тренерской преданности и любви. У Водорезовой, на мой взгляд, в пору расцвета никакого особого дара никогда и не было, она лишь хорошо до болезни прыгала. А когда казалось, что все уже в прошлом, она начала удивительно красиво кататься. И это немыслимое возвращение

Водорезовой в большой спорт — успех Жука. Тренерская победа ничуть не меньшая, чем воспитание за несколько месяцев партнера для Родниной.

Сараево — последний старт Лены. Седьмое место на Играх — не лучший результат. Но любителям спорта надо сказать спасибо тренеру и ученице, потому что в бронзовой медали Киры Ивановой и в пятом месте Ани Кондрашовой на этой Олимпиаде есть большая доля заслуг Водорезовой с Жуком.

А Фадеев, Фадик, как его называют фигуристы, первым в мире продемонстрировавший прыжок в четыре оборота! Фадеев выиграл в 1984 году золотую медаль Европы. Как Жук хотел, чтобы его ученики боролись за медали в Сараево. Но Лену уже подготовить к Играм не смог, и Фадик получил травму, растянув связки буквально за две недели до отъезда в Югославию. Это несчастный случай, но в нем есть определенная закономерность. Мне кажется, Жук устал.

Говорят, что Жук жестокий. Конечно, он суров, но только по отношению к работе. Я не раз видела, как его ученики, правильнее сказать, его дети, по рассказам, будто бы замученные и угнетенные им, обнимали Стаса, ползали по нему, когда мы летали вместе в самолетах (самолет, по-моему, становится самым популярным местом общения тренеров сборной) на чемпионаты и турниры. Они всегда относились к Жуку, как к отцу с тяжелым характером, но единственному и родному. Дети не хуже взрослых понимают, кто определяет их судьбу. Мне может нравиться или не нравиться стиль работы Жука, стиль исполнения программ его ведущих учеников, но я не могу отрицать: человек нелегкой судьбы, Жук — тренер, который всегда стремился к прославлению своей Родины.

Не испытывая к Жуку теплых чувств и практически не встречаясь с ним, вижу, что ему нелегко, что он страдает и мучается, и тренерский хлеб достается ему не только с потом, но и со слезой, хотя он никогда не жалуется. Впрочем, мы почти с ним не разговариваем. С ним трудно общаться, он обособленный человек, не хочет никого к себе подпускать.

Когда у меня оказались Роднина и Зайцев, прошедшие рядом со мной шесть и счастливых и тяжелых лет, дважды, тренируясь у меня, победившие на Олимпийских играх, я никогда не забывала, что их воспитал Жук. Я могла подобрать им музыку, на мой взгляд, лучше, чем он, поставить программу, на мой взгляд, интереснее, чем он — все равно они были его детьми. Он «родил» их, он их воспитал. Точно так же, как и Моисеева и Миненков, какого бы тренера ни меняли, оставались моими учениками, моими детьми.

После того, как Ира и Саша начали заниматься у меня, Жук много лет со мной не здоровался, считая, что я их позвала к себе. Жук был неправ. Но понять я его могла.

Я отдаю должное тренерскому таланту Станислава Жука. Историю мирового фигурного катания без него написать невозможно.

Игорь Москвин и Тамара Москвина. За работой Игоря Борисовича Москвина я наблюдала еще в те годы, когда каталась сама, так как он вел тогда две сильные пары. Работал он с ними очень интересно, но по-своему, несколько парадоксально, вроде бы вопреки всем канонам, зато на льду сразу по фигуристам было видно, чьи они ученики. Повторить Москвина очень сложно, у него трудный почерк. Игорь Борисович, пожалуй, больше других советских тренеров работал в мужском одиночном катании. Многократный чемпион страны Владимир Курбенин, такие известные фигуристы, как Юрий Овчинников, Игорь Бобрин, Владимир Котин, тренирующийся сейчас у Чайковской, — все они вышли из «школы» Москвина. С семи-восьми лет эти фигуристы начинали познавать спорт у него. Он их вырастил, выучил, воспитал, поставил на коньки. В то время, когда только начал раскрываться талант Юры Овчинникова, у меня пошел отсчет по годам тренерского стажа. Мы с Игорем Борисовичем оказались на совместном сборе (он привез Овчинникова), и какое-то время я работала рядом с ними на одном катке. Наблюдение за великолепным спортсменом и прекрасным тренером, их общение на занятиях и на отдыхе вылились для меня в хороший семинар по тренерскому мастерству. Огромная популярность Овчинникова, а позже и Бобрин, заслонила собой, возможно, даже и от специалистов такую простую истину, что тонкий вкус, остроумие, с которым эти фигуристы выполняли свои композиции, был им привит Игорем Борисовичем. Несколько лет Москвин ни с кем не работал. Мне кажется, он тяжело переживал уход сразу четырех своих учеников: Овчинников вообще оставил занятия спортом, выбрав поначалу тренерский путь, к нему перешли Игорь Бобрин и Леня Казнаков, Котин уехал в Москву. И очень радостно, что Игорь Борисович нашел в себе силы, чтобы вернуться к нашей сумасшедшей жизни.

Но не просто вернуться. Он взял пару — Ларису Селезневу и Олега Макарова. Они у него выиграли юниорский чемпионат мира, позже стали второй парой в стране, четвертой в Европе, а в Сараеве, вопреки всем прогнозам, обошли два сильных дуэта из ГДР и стали бронзовыми призерами. Я снова вижу почерк Игоря Борисовича в новых элементах и нестандартном подходе к парному катанию.

Игорь Борисович начинает работу с учениками сразу с подбора музыки, как правило, классической или из нового балетного спектакля. Когда-то он поставил Бобрину программу под музыкальные пьесы Мусоргского «Картинки с выставки», и это, безусловно, было тогда новаторством. Выбор Москвиным музыки для спортивных пар всегда предусматривает и предопределяет образность программы, четкое взаимодействие партнеров, а не автоматическую параллельность движений. К тому же на протяжении всего проката Москвин требует от партнеров не терять выработанных взаимоотношений, то есть постоянно придерживаться, даже в момент подготовки к выполнению сложного элемента, того образа, который в данной композиции придумали тренер и хореограф, что в парном катании сделать очень сложно. Композиция Москвина — это не просто скольжение из угла в угол с накручиванием сложных элементов. В его программах всегда есть идея или, другими словами, чисто балетная канва. Впечатление такое, будто он перед постановкой пишет либретто. Даже в короткой программе Селезневой — Макарова (показанной на Играх в Сараеве) он удивил всех, поставив им ее на блюз — мелодию, принятую у танцоров. Если пары и используют блюз, то только в произвольной программе, но никак не в короткой. И то, что показали Селезнева — Макаров, действительно настоящий танцевальный блюз, с совершенно неординарными соединениями между элементами. Такой эксперимент, с одной стороны, риск, а с другой — новый путь в парном катании, где всем уже надоели заученные диагонали — в одну сторону прыжки, в другую — поддержки. Риск заключается в том, что сложность нестандартных соединительных шагов между элементами отнимает у спортсменов много сил. К тому же необычный подход к обязательным элементам короткой программы забирает уйму времени в репетиционной работе.

Особых слов заслуживает семья Игоря Борисовича, но это уже и рассказ о Тамаре Москвиной.

Тамара Москвина.

Тамара Москвина —фантастическая по внутренней организованности женщина, сумевшая лет за двадцать успеть столько, на что у других всей жизни не хватит. Она заслуженный мастер спорта, призер чемпионата мира и чемпионка Европы в паре с Алексеем Мишиным, закончила институт, аспирантуру, вышла замуж, защитила кандидатскую диссертацию, выучила английский язык, родила одну дочку, потом вторую, воспитала

две чемпионские пары — Воробьеву и Лисовского и Валову и Васильева. Но еще до всех этих перечисленных мною важнейших событий из жизни Москвиной, она уже успела выступить как одиночница, тогда еще под фамилией Братусь, а не Москвина, и быть неоднократной чемпионкой Советского Союза.

Энергия этой маленькой женщины поразительна. Она способна в течение всего лишь одного дня проделывать титаническую работу. Преподавание в институте, тренерские заботы, воспитание дочерей, — все это, без всяких преувеличений, на ее хрупких плечах. Взяв в свою группу одиннадцатилетнюю Иру Воробьеву, она провела ее через годы, травмы, разочарования до звания чемпионки мира. Она сумела убедить руководство Спорткомитета включить в состав команды на чемпионат Европы 1983 года Валову и Васильева, в которых никто не верил, а они, дебютанты международных соревнований такого класса, сразу же стали вторыми на континентальном первенстве, затем выиграли и мировое. Сама же Тамара чуть не опоздала на чемпионат Европы, так как ее документы не оформляли и посылать за рубеж не собирались. В Сараеве ученики Москвиной Елена Валова и Олег Васильев стали олимпийскими чемпионами. Невероятный, ни с чем не сравнимый взлет пары получился во многом благодаря психологической устойчивости партнеров (о их выучке я не говорю — это само собой разумеется), но его целиком сделала Москвина.

Дочки Москвиных занимаются английским языком в спецшколе. Старшей в олимпийский год было четырнадцать лет, она учится в художественной школе. Младшая, девятилетняя, тренируется в гимнастической секции, дома обе учат с преподавателем еще один язык. И хотя им помогает мать Игоря Борисовича, Тамара мотается на машине с дочерьми по Ленинграду из школы к учителям, от учителей в секции, как сумасшедшая. Продукты — Тамара, готовит — Тамара. За все отвечает Тамара. И два раза в день в обязательном порядке тренировки. Как положено мужчине, Игорь Борисович занимается прежде всего работой, и счастлив в своей семье. Как Тамары на все хватает? Как она всюду успевает — загадка.

С Тамарой в одно время выступала на соревнованиях и я. И она, перейдя в парное катание, стала моей соперницей. Однажды мы прилетели в Киев, ее родной город, на соревнования, Тамара выступала тогда в паре с Гавриловым. Леша Мишин появился позже, когда она переехала к мужу в Ленинград. Мой партнер в Киеве раз семь успел упасть за два дня соревнований. Оценки не выставляли час. Мы с Проскуриным — уже известный дуэт, в Киев

прилетели с международных соревнований, а Тамара только начинала выступать в парном катании. Нет пророков в своем отечестве — Тамару поставили на второе место. Даже такая откровенная несправедливость не сказалась на ее отношении ко мне. Весь этот час, пока судьи мучились, что с нами делать, мы с Тамарой беседовали. Добрые наши отношения сохраняются и по сей день. Последние годы в поездках я довольно часто живу с Тамарой в одном гостиничном номере. У нас есть и свой ритуал: перед стартом я ее причесываю, повязываю на костюм косыночку (у нее всегда во время соревнований на шее косыночка), потом молча посидим и отправляемся во дворец.

Весь нелегкий путь Тамары с Ирой Воробьевой прошел на моих глазах. Как тренер верила в свою ученицу! Такая вера была только у Жука в Водорезову. Ира осталась в спорте только благодаря этой вере. Ведь как только у Воробьевой появлялись результаты, как только пару Воробьева — Власов брали в сборную — партнершу настигала травма. Это продолжалось не сезон, не два — около десятка лет. Сменился в дуэте партнер, стал тренером в группе Москвиной Александр Власов. Но травмы Иры не прекращались и тогда, когда она каталась с Игорем Лисовским. В 1981 году Ира с Игорем выиграли чемпионат мира, казалось, все горести позади, и накануне чемпионата Европы 1982 года Ира падает с поддержки — снова тяжелая травма. Они все же выступали, пытались бороться за первое место, но ничего уже сделать не смогли. И тогда настал тот день, когда стало ясно, что надо прекращать тренировки. Но Ира, спортивная девочка, любимица команды, никак не могла понять, что пора прощаться со сборной, хотела заниматься дальше. Тамара позвонила мне и попросила поговорить с Воробьевой, для которой я, как она сказала, — большой авторитет.

К счастью, судьба Воробьевой и Лисовского пока складывается нормально. Эти ребята, как и несколько известных в недавнем прошлом фигуристов, с успехом сейчас выступают. Об идее концертной группы бывших чемпионов уже рассказано в предисловии, так что вернемся к Тамаре Москвиной.

Личные качества человека для меня определяются его окружением и преданностью к нему друзей. На протяжении многих лет Тамара не расстается со своим хореографом Валентиной Вигант — человеком редкой доброты и порядочности. Впрочем, одна из отличительных черт характера Москвиной — это доверие, которое она вызывает у людей, с которыми общается. Я знаю, что с Тамарой можно поделиться самым сокровенным, и Москвина сохранит твою тайну, никому никогда ничего передано не будет.

За последние годы Тамара Москвина вошла в число сильнейших тренеров не только благодаря победам учеников на крупных турнирах, но прежде всего нешаблонностью своих программ, открытиям, которые эта маленькая женщина сумела сделать в парном катании. Она показала Валу и Васильева как фигуристов, не только владеющих труднейшими элементами, но и в то же время сумевших, не потеряв в программе сложности, остаться лирическими, тонкими, какими-то по-балетному ленинградскими. В парном такая красота, какую можно увидеть в выступлениях Лены и Олега, наблюдается не часто.

Никогда прежде Тамара не пила успокоительных таблеток, а теперь говорит: «Татьяна, я, как и ты, с лекарствами не расстаюсь, нервы ни к черту».

Все нынешние знаменитые ленинградские фигуристы выросли как спортсмены у четы Москвиных. И Леша Мишин тоже из этого клана. Безусловно, семья Москвиных еще долго будет определять направление в развитии парного катания, возможно, именно она стоит у истоков нового стиля в этом виде спорта.

Я обожаю наблюдать за Москвиными. Игорь Борисович держится всегда особняком, Тамара человек очень контактный. Трогательна ее забота о нем во время поездок. А как он целует жене руку после победы ее учеников!

Ютта Мюллер.

Габи Зайферт, Соня Моргенштерн, Аннет Пётч, Ян Хоффман, наконец, Катарина Витт — все эти чемпионы и призеры мировых первенств разных лет в одиночном катании (причем Аннет Пётч и Катарина Витт — олимпийские чемпионки, первая завоевала это звание в Лейк-Плэсиде, вторая — в Сараеве) — ученики маленькой женщины Ютты Мюллер, без сомнения, одной из основательниц одиночного фигурного катания в ГДР.

У меня с ней за много лет знакомства сложились теплые товарищеские отношения. Она всегда высказывает мне свои замечания по поводу программ моих учеников, хорошо понимает мои проблемы, поздравляет с успехами. Мы проехали с ней турне по Северной Америке, и я обратила внимание, что своих питомцев даже после соревновательного сезона она держит в большой строгости. Но в то же время я вижу, с каким обожанием они смотрят на нее. Может быть, мне кажется, но из всех своих учениц она больше всего любит Катарину Витт, хотя, конечно, Габи ей ближе, Габи ведь дочь. Но и к Витт она проявляет буквально материнские чувства. Даже в том, как одевается Катарина, видны рука и стиль Мюллер.

Мюллер — тренер высокой квалификации. Высочайшей. Столько лет иметь учеников-чемпионов может только выдающийся тренер. Ее спортсмены всегда великолепно подготовлены в школе, стабильно, без малейших срывов, катают произвольную программу. В своем, в немецком, стиле, возможно, не таком артистичном, как у других команд, но до предела насыщенную техническими элементами. Ютта создала методику освоения многооборотных прыжков, и я, приезжая в Карл-Маркс-Штадт, где живет и работает Ютта, видела, как быстро и качественно она обучает прыжкам в два с половиной и в три оборота фигуристов.

Вызывает восхищение непрерывность смены классных спортсменов у Мюллер. Не успела сойти одна чемпионка, на ее месте уже другая. Я помню, как вместе с Моргенштерн Ютта привезла на соревнования Пётч. Это была слабая девочка, и не поймешь, зачем ее вообще включили в команду и на какое место, кроме последнего, она может рассчитывать. А на следующий год Пётч уже ходила в призерах. Причем Мюллер — истинный тренер национальной сборной, она переживает за каждого спортсмена из сборной ГДР.

Я не могу сказать, что мне нравится стиль Ютты Мюллер, он далек от моего понимания фигурного катания, но должна заметить: на сегодняшний день из зарубежных тренеров по титулованным ученикам Ютта на первом месте. Она и Фасси.

Карло Фасси.

Карло Фасси один из самых именитых в мире тренеров по фигурному катанию. В США, где он работает, почему-то он не признан, хотя заниматься в его школу едут отовсюду, и из Финляндии, и из Японии. Во всяком случае, уже не первый сезон в списках чемпионов Соединенных Штатов нет его учеников, в то время как ученики Фасси и его супруги из других стран носят звание национальных чемпионов в разных концах света. У Фасси даже не школа — «фабрика чемпионов», расположенная недалеко от Колорадо-Спрингс, известного американского зимнего курорта.

Фасси очень общительный, энергичный и деловой человек. Если он появляется в кулуарах соревнований, то можно быть уверенным: он точно знает, с кем и по поводу чего необходимо переговорить. Фасси на развлекательные прогулки и пустые беседы времени не тратит. Все его ученики остались на коньках и пополняют ряды различных ледовых шоу. Занимается он только с одиночниками, и список его учеников-чемпионов с именами и

титулами займет не одну строчку. Это Хэмел, Карри, Линн, Казинс, Флеминг, Скотт, не считая призеров.

Фасси окружен легендами, как дымом от трубки,, которую он не выпускает из зубов даже тогда, когда стоит в проходе, наблюдая за катанием своего ученика на очередном чемпионате,

Последнее время его питомцы не ходят в чемпионах крупных турниров, но Фасси не тот человек, чтобы спокойно удалиться на отдых. Думаю, «фабрика чемпионов» после кризиса или застоя продолжит выпуск «продукции».

Бэтти Калловэй

Бэтти Калловэй, известный английский тренер, прочно вошла в историю спортивных танцев на льду. Почти пятнадцать лет назад она привела к высоким наградам и званию чемпионов Европы пару из ФРГ —брата и сестру Бук. То, что успех Бук и стабильное выступление английского дуэта Джаннет Солбридж и Бернарда Форда не случайно, и что Бэтти большой тренер, доказали ее ученики Кристофер Дин и Джейн Торвилл, нынешние четырехкратные чемпионы мира и Олимпийских игр. Сильнейшей тренерской стороной Калловэй, я считаю, является ее глубочайшее понимание обязательного танца. Ее почерк можно угадать, даже не зная, тренируется ли у Калловэй эта пара или нет. Я абсолютно точно могу по обязательным танцам определить, занимались ли эти фигуристы хотя бы год у Калловэй.

В чем это выражается? Широкому кругу зрителей понять тонкую специфику танцев трудно и совсем необязательно. Специалисты же знают: школа Калловэй — это прежде всего очень близкая и абсолютно правильная позиция партнеров, наиболее рациональные перестроения в позиции, правильность расчета: в каком положении удобно выполнять элементы, наконец, манера скольжения и удивительная синхронность, помноженная на стопроцентную точность при исполнении элементов. Что касается произвольного танца и оригинального, то мне кажется, что оча сама их не ставит, а подбирает исключительно сильных хореографов.

Долгое время, по вполне понятным причинам, мне приходилось внимательно следить за работой Калловэй, возможно, поэтому она и попала в мой список, но, безусловно, Бэтти Калловэй заслужила право стоять в шеренге сильнейших тренеров мира.

Эрик, Целлер — это тренер из ФРГ, которого, мне кажется, должны знать все любители фигурного катания. Целлер самый

надежный тренер в мире. Он воспитал Килиус—Боймлер (призеров чемпионатов мира по танцам середины шестидесятих годов), он подготовил в разные годы целую группу великолепных спортсменов. Последний его ученик Норберт Шрамм, чемпион Европы 1982 года, серебряный призер чемпионатов мира 1982—1983 годов.

Эрик Целлер

Эрик Целлер — ведущий тренер у себя в стране, как, например, Мюллер в ГДР. Я на соревнованиях встречала его ровно столько, сколько езжу сама. В Будапеште в январе 1984 года он мне сказал, что это его 43-й чемпионат Европы. Надо проверить, правильно я его поняла? И если из этой цифры исключить годы собственных его выступлений, наверно, они входят в это огромное число, то сколько же учеников он воспитал на таком уровне, что их можно привозить на чемпионаты Европы. Но стариком он не выглядит. Когда приезжаю на турнир и встречаю Целлера, я понимаю, что у нас в фигурном катании все в порядке. Он на месте и он действует.

Целлер всегда предельно доброжелательный. Что бы там ни наделали твои спортсмены на льду, он всегда ласков и искренне говорит: «Гут». Сейчас в нем появилась усталость, его немного подергали в последние годы ученики, но рядом с Целлером всегда его красивая, преданная жена, которая ухаживает не только за мужем, но и за всеми его учениками.

Я, например, никогда не думала, что Дагмар Лутц, чемпионка Европы 1982 года, способна прыгать. Начинала она с того, что на любом турнире не прыгала, а падала. Для меня было потрясением, когда Лутц вдруг вошла в число сильнейших фигуристок мира. Что помогло свыкнуться с этой мыслью, так это то, что Лутц тренировал Целлер, а он абсолютно правильно и методично учит высочайшей технике. Всегда у учеников Целлера были интересные программы. А пластика Шрамма? Он же не сам по себе такой родился. Иногда мне кажется, что Целлер всю свою жизнь провел на льду. Высокий, с рыжими бровями, пронизательным взглядом, он даже внешне настоящий тренер. Мастер, способный делать из обыкновенного фигуриста знаменитого, и поэтому мастер выдающийся.

Музыка в моей жизни

Музыка основа основ в фигурном катании. С музыки начинается рождение новой программы, иногда благодаря музыке возникают новые элементы.

С музыки для меня открывается новый сезон. Какую музыку выбрать для танца будущего года, начинаешь думать в разгар зимы, еще тогда, когда твои ученики вовсю катаются, еще выступают на соревнованиях с программой, которую называют новой.

Музыка определяет для меня стиль, характер, направление программы, и лишь потом я задумываюсь о поиске движений. В тот же момент, когда я почувствую себя свободной от поставленной программы, я начинаю слушать и искать мелодии для новой. Как только появляются клочки свободного времени, как, например, сейчас, когда диктуется эта глава, между чемпионатом Европы и Олимпийскими играми, я иду слушать музыку, выбирая ее для программы Наташи Бестемьяновой и Андрея Букина 1985 года.

Выбор мелодии невероятно трудное и ответственное занятие. Какой характер будет у пары в новом сезоне: драматический, романтический, лирический — определит музыка. Может, она должна состоять из нескольких кусков? Может, она должна быть из единого произведения?

Итак, я начинаю подбирать музыку в январе. Она должна быть готова в апреле, а если ее еще нет и в мае — это катастрофа! Пока не подобрана музыка, в отпуск не ухожу. Нельзя уехать без музыки. На юг я беру ее с собой. Слушаю. Сколько нервы позволяют, не насилую себя. Все же отпуск. Потом прибавляю, прибавляю время прослушивания. И так по часу, два, три в день. Сперва ни о чем не думаешь, смотришь на море. Потом потихоньку что-то складывается, что-то хочется под нее делать. И вот она уже живет в тебе со всеми своими нотами. Теперь приходит очередь движений.

«Тарасята» И. Моисеева, А. Миненков, И. Черняева, В. Благов, Т. Тарасова, В. Жигалин, Т. Войтюк

Невозможно сразу сделать драматический танец под сложную незнакомую широкой публике музыку, тем более, что фигуристы обычно выступают под знакомые мелодии, а кататься, используя произведение, узнаваемое только профессиональными музыкантами, могут лишь известные спортсмены, и положительная реакция у публики будет только в этом случае. До использования в программах классической музыки спортсмены должны дорасти, подняться. Когда Бестемьяновой и Букину был поставлен показательный танец на бетховенского «Эгмонта» — для меня этот номер звучал как победа на соревнованиях, потому что мои ученики открыли в себе новые качества. В следующем сезоне я поставила Наташе и Андрею танец на музыку Альбинони «Непокоренная». Она была понятна им, и они смогли раскрыть в ней движением каждый нюанс.

То, что людей, профессионально связанных музыкой, не только не коробит от такого обращения с классикой (уже это немало), а они говорят: «Танец смотрится блестяще», свидетельствует о настоящем интеллектуальном катании — таких пар, поверьте, немного.

Но все же какую музыку я предпочитаю слушать сама?

Если мерить мерками спортивного тренера, то есть с профессиональной точки зрения, ту, под которую катаются мои ученики. А вне спорта? Так сразу не ответишь. На мой вкус большое влияние оказал мой муж. Конечно, я не понимаю музыку так, как Володя, но чувствую ее душой.

Володя для меня незаменимый помощник по любой музыкальной справке. Когда я ставлю танец, он подбирает мне литературу: когда написана эта вещь, в каких условиях, кому посвящена. Он разбирает ее со мной буквально по нотным знакам. Он садится за рояль и проигрывает в разной манере фрагменты. Безусловно, я советуюсь с ним, какую музыку мне выбирать, что мне послушать и что может мне пригодиться.

По примеру тренера все мои ученики ходят на концерты в

консерваторию, и я вижу, как гармония звуков, которая очаровывала их в зале, наполненном музыкой, находит воплощение потом на льду.

В шестнадцать лет я впервые серьезно познакомилась с концертами Рахманинова. Его музыка меня потрясла. Тогда я начала собирать для себя фонотеку классики, чего, по-моему, не делал никто из моих друзей-ровесников. Я оставалась одна, ставила на проигрыватель пластинку — мне искренне казалось, что я понимаю эту музыку и тонко ее чувствую. С годами выяснилось, что мое представление о собственном понимании классической музыки несколько не соответствует действительности.

Я с детства не то что влюблена — помешана на балете, на этом слиянии музыки и движения, на разговоре, который проходит без слов, где их заменяют жесты и фигуры. Конечно, вся балетная музыка любима с детства, как и все знаменитые спектакли Большого театра.

Впрочем, говорить о балете я могу очень долго, а времени у меня мало, и подходит пора слушать музыку. Конечно, я не собираюсь часами слушать все подряд. Так не бывает и быть не должно. Я еду слушать музыку определенную, того направления, которое выбрала для будущей программы, но пока не имею права сказать какое. Это секрет. Тайна предстоящей постановки. Но для примера можно взять 1983 год, когда готовилась программа к нынешнему олимпийскому сезону.

Мне помогает музыкальный редактор Михаил Белоусов, которому я очень доверяю. Я говорю Мише, в каком стиле я вижу программу следующего года, и он подбирает мне для прослушивания конкретную музыку, благо сам работает в Доме звукозаписи.

С Мишой Белоусовым мы понимаем друг друга с полуслова, и когда я говорю, г. каком ключе мне нужна музыка, он сам делает отбор, а порой и сам приносит го единственное, что нам необходимо.

В свое время очень много как музыкальный редактор сделал для наших фигуристов пионер в этом деле Александр Гольштейн. Он был первый, кто начал скрупулезно подбирать мелодии для выступлений и привил профессиональное отношение к поискам музыки и нам, фигуристам.

Накануне сезона 1984 года я долго выбирала испанскую или русскую музыку для произвольного танца Бестемьяновой и Букина. Остановилась на русской. И вот, исходя из этой задачи, начался поиск. Раньше просто слушали пластинки и складывали, склеивали понравившиеся мелодии. Но наш вид спорта

развивается, и нам уже не хочется многочастных программ — это, я считаю, пройденный, правда, очень важный, этап, когда пара показывала свои возможности от вальса до рок-н-ролла. Такая программа может существовать и дальше, но лишь в том случае, если ее пронизывает общая идея, если это не набор случайно нахвачанных кусков.

Вернемся к весне 1983 года. Стил танца определен, начинаем перерабатывать весь материал, который есть дома, у друзей, у учеников, в Доме звукозаписи. Я той весной переслушала, по-моему, все русские мелодии, во всех видах обработки, какие только были. Невозможно сосчитать эти километры пленок и сотни пластинок. Как в чтении есть умение просматривать страницу по диагонали, так и у меня выработалось быстрое прослушивание, наверное, также по диагонали.

У меня сейчас занимается семь танцевальных пар. Значит, ищу музыку для семи произвольных танцев, семи оригинальных и, как минимум, каждому по показательному номеру, а кому-то три-четыре. И каждый год всем разное. И движения им надо подыскивать разные. Получается в сумме, что каждое лето я ставлю большой балет в трех действиях.

Если что-то в музыке не нравится, пусть маленький кусочек, — лучше под нее не ставить, программа будет неудачная. Надо биться, биться, искать, искать, до самого конца, пока не почувствуешь душой — вот музыка, которая поможет тебе создать танец!

Музыка должна до того доводить и так нравиться, что если бы ты захотел от нее избавиться, она от тебя бы уже не отцеплялась... И вдруг замечаешь, что внутри тебя эта музыка разложилась на маленькие нюансы, маленькие картинки, и это ощущение так приятно, что словами не передать.

Иногда решение брать ту или иную музыку приходит сразу. Например, Родниной и Зайцеву я взяла увертюру Г. Свиридова из фильма «Время, вперед!» после единственного прослушивания, потому что знала, что хотела. Родниной так же быстро выбрала романс Свиридова из фильма «Метель». Прекрасный романс! Музыка Марка Фрадкина из фильма «Человек с другой стороны» тоже не потребовала долгих поисков, по сей день я очень ее люблю. Но бывает... Еще раз повторяю, поиск музыки, на мой взгляд, одно из самых трудных тренерских занятий в фигурном катании, особенно для ведущей пары. Ведь она определяет моду в ганцах, в парном катании. Как здесь боишься промахнуться. И чтобы людям нравилось, и тебе нравилось, и повторов чтобы не было. Поэтому поиск музыки для ведущей пары обычно длится до тех пор, когда уже и искать нельзя.

Делались попытки заказать музыку композитору. Но путь этот очень непрост. Композитор пишет, приносит, а тебе его опус не нравится. И сказать ты ему об этом честно не можешь: обидишь человека. Он представляет себе музыку к выступлению твоих учеников только так и не иначе, Тебе не нравится мелодия — и все. Почему, объяснить не можешь, от этого стыдно вдвойне, ну, разве скажешь: «Не волнует, не плачу под эту музыку и не смеюсь»?

Другое дело, обратиться к композитору с просьбой сделать аранжировку своего произведения. Когда-то мне очень нравилась мелодия из мультфильма «Бременские музыканты», и я преследовала композитора Геннадия Гладкова повсюду. Где я только его не находила! Он был от этого в ужасе, потому что избавиться от меня не мог: уехал отдыхать в Рузу, за 110 километров от Москвы, я появилась на следующее утро к завтраку. Увидев меня на пороге столовой, он потерял аппетит на неделю. Потом мы стали большими друзьями, но первый мой натиск на талантливое, тонкое и не очень общительного человека привел его в негодование. Но Гладков быстро догадался, что я отношусь к категории одержимых, и сказал, что готов сделать аранжировку и продиржировать на записи, но только в зале кирхи фирмы «Мелодия», где пишутся лучшие наши пластинки, предполагая, что меня туда на порог не пустят.

Я села в кабинете директора «Мелодии» и целый день вела вместе с ним прием граждан. Директор сказал мне, что я сумасшедшая и что в зале, где сейчас записывается Рождественский, Рихтер, Коган, «Бременские музыканты» исполняться не будут. А я твердила, что мне надо для записи всего лишь четыре минуты. Выгнать меня из кабинета не могла никакая сила, и, чтобы от меня отвязаться, директор «Мелодии» дал прямо на следующий день один час на запись. До сих пор я не могу понять, как мне удалось завершить это фантастическое мероприятие.

На следующий день Геннадий Гладков приехал на фирму «Мелодия» и в знаменитом зале четыре минуты из «Бременских музыкантов» были записаны. Гладков же окончательно убедился, что тренер Тарасова потеряла рассудок, когда я, стоя в дверях кирхи, из собственного кармана расплачивалась с каждым музыкантом, пришедшим на запись. Оформлять официальные бумаги времени не оставалось. Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин катали под эту музыку произвольную программу, зрители были в восторге. Не звучали знаменитые «бьяки-буки», так как в наших выступлениях (исключая показательные) использование голоса запрещено, но мелодию эту в конце

шестидесятих годов очень любили и пели повсюду.

Трудно сказать, какая музыка больше подходит для использования в фигурном катании. Самая разнообразная. В большой программе оркестр может смениться одной струной. И этот переход может прозвучать замечательно. Все зависит от тысячи факторов. Вот пробую я сейчас подготовить номер, идущий под стихи Тютчева. Их будет читать Михаил Козаков. Потом голос сменится музыкой. Я хотела подготовить этот номер к нынешнему сезону, но не успела, олимпийский год — времени не хватило.

Есть у меня постановки, которые я могу назвать своими любимыми. Это программа Ирины Моисеевой и Андрея Миненкова 1977 года, построенная на классической музыке: Бах, Вивальди, Моцарт. Обожаю короткую программу Родниной—Зайцева — «Время, вперед!» и цыганский танец Желобинского из «Дон Кихота», произвольный танец Бестемьяновой—Букина 1979 года на мелодию чаплинских фильмов. И их первую программу — под испанские мелодии. Я помню каждое движение по сей день. И наконец, нынешнюю, олимпийскую, русскую, плясовую, ярмарочную.

Меня все время окружает музыка. На тренировке магнитофон работает непрерывно, дома репетирует муж... Закономерен был бы вопрос: не надоела ли мне музыка вообще? Возвращаясь домой, я выключаю все, что можно выключить: телевизор, магнитофон, телефон. Радиоточки у меня нет. Я отдыхаю только в тишине. Володя обычно репетирует, когда я на работе. Но если он играет при мне, я только счастлива. Люблю его слушать. Наверное, у каждого есть мелодии, дорогие сердцу. У меня — Второй концерт Рахманинова, Я в восторге от музыки Шварца в кино. От всех его песен. Когда у Марины Неёловой дома делался ремонт, она жила у нас, и каждое утро, два месяца подряд, мой муж будил нас, включая запись романса Шварца и Булата Окуджавы «Кавалергарды, век недолог». Мы с упоением подпевали пластинке и готовы были это делать полдня. Марина прекрасно поет. У нее замечательный прозрачный голос.

И я люблю петь. И если рабочая неделя прошла благополучно, мы со Светланой Алексеевой, тренером, работающим много лет со мной, садимся рядышком и, как нам кажется, тихо распеваем. Русские романсы. Нет ничего на свете лучше русского романса. Хорошо поет Володя. Мой с ним дуэт чаще всего возникает, когда он везет меня куда-нибудь в машине. Его бесконечные гастроли, мои соревнования и сборы... и мы поем «Когда два сердца разлучаются».

Пою всегда, когда хорошо на душе. Когда возвращаемся с

чемпионата мира. Если Чайковская видит, что настроение у меня хорошее, то сразу же просит: «Пой». И я, невзирая на то, что голос у меня давно осипший от вечного крика на катке, начинаю петь, увлекаюсь, и остановить меня невозможно.

Я возвращалась с тренировки. В Москве начиналось лето, окна были распахнуты, и, еще идя по двору, я услышала пение. По всему нашему подъезду были выставлены стулья и открыты двери, практически все соседи переселились из квартир на лестничную площадку. Дома Володя репетировал с Евгением Нестеренко. И все на лестнице сидели и слушали.

Я, естественно, знакома с множеством людей, чья профессия в той или иной степени связана с музыкой. Но есть среди них те, кто особенно мне дорог. И прежде всего — Альфред Шнитке. Талантливый, тихий человек, избегающий шумных компаний. Я познакомилась с ним давно. Преследовала в свое время так же, как и Гладкова. Музыка Шнитке к фильму «Спорт, спорт, спорт» полностью перевернула мое представление о современной классической музыке. Я очень хотела ее использовать в своей работе. Долго звонила Шнитке. Звонила, пока не добилась согласия составить для меня партитуру. Альфред посвятил Володе один из своих концертов. Сейчас у меня на руках ноты Шнитке «Зимняя сказка». Я мечтаю, чтобы вдруг у меня появилась возможность поставить на эту музыку балет.

Полная противоположность замкнутому Шнитке Евгений Баранкин, музыкальный критик, журналист. Редчайший дар общения с людьми. Необыкновенно остроумный человек. Необыкновенно музыкально эрудированный.

Жизнь с Володей подарила мне много прекрасной музыки, дружбу с самыми замечательными музыкантами. Я говорю об этом и сразу вспоминаю первое прослушивание парного фортепьянного концерта Крайнева—Виардо, когда они сыграли «Вариации на тему Паганини» Литославского. Нас, зрителей, которые сидели за чаем, они позвали к Володе в кабинет. И мы долго после того, как они перестали играть, не могли вымолвить ни слова.

Мои друзья

Им я хочу посвятить главу в своей книге. Дружья неотделимы от моей жизни. Они моя совесть, судьи, помощники. Новые программы я сперва показываю им, и если они их одобряют, значит, можно «открыть занавес» и перед зрителем.

У меня много друзей. Наверное, как и у всякого человека, который на виду. Но больше всего в кругу артистов, музыкантов, режиссеров, журналистов. Конечно, это легко объяснить работой, которой я занимаюсь, и работой моего мужа.

Какой бы я ни была усталой, стараюсь не пропустить у друзей премьеру, чаще общаться с ними и слушать их. Я благодарна судьбе, которая свела меня с такими людьми, благодарна своей профессии, поскольку повышенный интерес к фигурному катанию помог мне познакомиться со многими из тех, кого обычно знают по экрану или из газет, а не беседуют о всякой всячине, сидя на кухне за столом, за тем же столом, где пишутся сейчас эти строки. Это Алла Пугачева и Вахтанг Кикабидзе, артист Николай Караченцов, кинорежиссер Александр Митта, Лиля Майорова, жена Саши, книжный график, и их сын Женечка, обещающий вырасти в большого художника, дирижер Дмитрий Китаенко, пианист Владимир Виардо, главный режиссер театра «Современник» Галина Волчек. У нас много друзей и среди людей не столь известных, но близких и дорогих для нас с мужем. Кто-то приходит чаще, кто-то реже, как правило, все наши друзья очень занятые люди, да и у нас с мужем редко бывает свободный вечер. Хочется всех видеть не так редко, как приходится, но, увы, это не удастся. Только раз в году, в день моего рождения, собираем мы у себя дома наибольшее число своих друзей. Меньше пятидесяти человек последние годы не принимаем. Но это именно те люди, которые составляют часть моей жизни, которые в той или иной степени влияют на мою тренерскую деятельность.

В водовороте все возрастающих знакомств и в увеличении круга друзей особенно близкими и дорогими для меня остаются Ирина Люлякова и Ирина Возианова (Данилова), Марина Неёлова, Александр Веденин и Михаил Жванецкий. Двух Ир и Сашу я знаю с детства, со стадиона Юных пионеров, выросла с ними, Маша и Миша вошли в мою жизнь позже, но в разлуке я скучаю по этой пятерке, как по собственным детям.

«Тарасята» Л. Караваева, И. Моисеева, И. Роднина, Т. Тарасова, Т. Васюкова, А. Зайцев, В. Жигалин, А. Миненков

Ира Люлякова. Ира старше меня на два года. Она давно уже больше чем подруга — она мне как родственница. Старшая сестра. Прекрасная в прошлом спортсменка, чемпионка Советского Союза в одиночном катании, она сейчас замечательный детский тренер, директор школы юных фигуристов Дворца спорта автозавода имени Ленинского комсомола. Ира всегда рядом со мной, в самых трудных и самых радостных ситуациях. Влияние Люляковой как старшей подруги на меня всегда было огромным. Именно она сказала мне, когда я училась в восьмом классе: «Ты хочешь два раза в день тренироваться, давай я переведу тебя в сменную школу рабочей молодежи, я там давно уже занимаюсь». Естественно, я послушала умную Иру, которая всегда училась на пятерки, она ведь даже эту сменную школу закончила с золотой медалью, а институт с красным дипломом.

В эту школу рабочей молодежи номер восемнадцать Ира перевела и Сашу Веденина, и Сережу Четверухина, а потом я привела по накатанному пути уже «своих» Татьяну Войтюк, Ирину Моисееву. Нас, фигуристов, в 18-й школе любили, учиться было легко. Ира Люлякова внимательно проверяла все мои уроки. В числе первых она ушла из спорта в цирк на льду, но прокаталась там недолго и вернулась снова на СЮП — теперь уже старшим тренером «Труда». И работу мне подыскала Ирина. Она буквально притащила меня за руку к Вячеславу Васильевичу Хатунцеву, который двадцать лет возглавлял спортивное общество «Труд». Проведя войну в партизанах, суровый, даже жестокий на вид, Хатунцев был замечательным человеком, необыкновенной доброты. Он посмотрел внимательно на меня, потом на Иру, которая с убежденностью отличницы твердила: «Она будет хорошо работать», и велел написать мне заявление с просьбой принять на работу.

Мне шел девятнадцатый год, а Ире — двадцать первый. Мы совершенно не расставались. Я, длинная и худая, ходила на

высоченных каблуках, а Ира обычно шла впереди, полненькая и маленькая. У нас даже имелся такой «показательный номер»: я раскидываю руки, а Ира под ними проходит.

Мы были счастливы. Отныне мы могли вместе ездить на сборы и соревнования. Захлебывались от восторга, когда проводились командные турниры, и наши дети обыгрывали учеников опытного Виктора Кудрявцева. Готовили спортсменов, настраивали их, выводили их, считали очки. О, какое наступило золотое время, даже во сне о таком счастье не мечталось!

У Иры мужской склад ума, мужской характер, и это очень ценит мой отец. Когда он видит Иру, всегда встает на одно колено и целует ей руку. Становясь перед Люляковой на колено, отец делается с ней одного роста — сцена насколько комичная, настолько и трогательная.

Я человек разбросанный, нервный, страдаю, когда порой со мной жестоко поступают, теряюсь и начинаю реветь, когда нарываюсь на хамство. В любой сложной ситуации сразу же бегу к невозмутимой Люляковой советоваться. Ира — моя совесть. Так же, как и я, ее любят все мои спортсмены, и бывшие и нынешние, даже те, кто со мной теперь в сложных отношениях. «Ирина Васильевна!» — слышу я вскрик на тренировке и вижу, как мои ученики всей гурьбой поехали к выходу. Значит, на каток пришла Люлякова. Вместе с ней мы отдавали замуж моих учениц, с ней советуется моя мама, когда считает, что я в чем-то не права. Теперь Люлякова — мать чемпионки, ее десятилетняя Маша выиграла первенство Москвы в своей возрастной группе.

Известный тренер из Иры не получился, наверное, потому, что по складу характера — она руководитель, организатор. Она может и любит что-то пробовать для школы, судить соревнования, затеять что-то новое в нашем виде спорта. У нее на все своя точка зрения, хотя возможность стать прославленным тренером чемпионов у нее была. Но в тот год, когда у Иры подросли ученики и обещали стать классными спортсменами, она родила ребенка, помогать было некому, и несколько лет она провела дома, полностью выключив себя из тренерской работы.

Немного существует в жизни каждого из нас людей, кого мы стремимся видеть всегда. Ира Люлякова относится именно к этим людям.

Ира Возианова. Двадцать лет назад моя подруга, с кем я начала заниматься фигурным катанием, Ира Данилова, тогда еще Данилова, а не Возианова, по совету нашего молодого тренера, оставила спорт и перешла в училище при Государственном ансамбле народного танца СССР. Чайковская точно угадала Ирину счастье. Вот уже двадцать лет не ослабевает ее

влюбленность в ансамбль, преклонение перед руководителем коллектива Игорем Александровичем Моисеевым. Я быстро разделила и разделяю по сей день чувство Иры.

У Иры в ансамбле работали родители, сама же она специально танцами не занималась. Но с первых же ее уроков в училище вместе с ней начала учиться и я. Повторяла все знаменитые моисеевские номера — арагонскую хоту, молдавский танец, тарантеллу. Ира вся светилась от счастья, что оказалась в ансамбле. Я выучила с ней всю программу ансамбля начала шестидесятых годов и была счастлива не менее.

К сожалению, большой, серьезной партии Ира у Моисеева не станцевала, хотя была занята во всех постановках и объездила с ансамблем весь белый свет. Это обидно. У Иры такие легкие ноги, она такая сценичная. И даже сейчас, когда ей осталось работать всего год, она сильно переживает, что ее не поставили в какой-то номер. Она хочет и умеет танцевать, но теперь за подобные желания полагается слишком дорого платить. Ее пятнадцатилетний сын Коля-, находясь в том возрасте, когда дети, кроме себя, ничего вокруг не замечают, уговаривает маму лечь, видя, как болят у нее ноги.

Она человек очень эмоциональный. Может прибежать ко мне днем на тренировку и, запыхавшись, выдохнуть: «Он такое ставит (это о Моисееве), ты сойдешь с ума! Я плачу на репетициях от восторга!»

У Иры есть черта характера, которая, как мне кажется, передалась мне. Она, если смотрит балетный спектакль, видит в нем только то, что ей нравится. Есть люди, которые, наоборот, замечают только недостатки! Ире доступны прежде всего достоинства. И Ира может позвонить мне в одиннадцать и сказать: «Тань, ты устала, приезжай, я тебя накормлю». Нас всех научила готовить Возианова, потому что кулинарка она изумительная.

Ира хозяйка, каких сейчас нет, и это при том, что из-за гастролей она по полгода не бывает в Москве. Зато в оставшиеся полгода она, наверстывая, заготавливает в немыслимом количестве варенья и консервы. Возможно, частые отъезды Иры спасают ее мужа Юру и нас, ее друзей, от переедания.

Ужасно одиноко чувствуешь себя в Москве, когда в ней нет ни Люляковой, ни Возиановой, ни Неёловой. Впечатление, что ты в пустыне или что жизнь проходит зря. Причем совсем не обязательно им сидеть у меня или мне ездить к ним. Важно знать, что они здесь, рядом, всегда можно снять трубку и позвонить. Услышать родные голоса. Когда Иру провожаем в долгую гастрольную поездку за рубеж, на три-четыре месяца, то мы все

подруги плачем. Раньше не могли утерпеть и писали ей длинные письма.

Марина Неёлова. Иногда мы тренируемся в тех городах, где летом гастролирует «Современник». Тогда мы с Машей счастливы и живем вместе, в одном номере, правда, наговориться за эти дни все равно не успеваем. С Неёловой мы познакомились лет восемь назад, но у нас с ней такое впечатление, будто мы знаем друг друга чуть ли не всю жизнь. Будто с детства вместе. Маша человек интересный, тонкий, талантливый. Все лучшие слова, которые можно сказать о настоящей драматической актрисе, относятся к Неёловой. Ей я стыжусь показать некачественную работу и, наоборот, стремлюсь, чтобы Маша посмотрела программу, если чувствую, что она удалась.

Я стараюсь чаще бывать у нее в театре. Мы часами разговариваем о моем деле, о ее ролях. Полуночные разговоры, не дающие нам спать. Разговоры о том, как надо и не надо играть, как надо и не надо ставить спектакли. В наших профессиях есть схожие моменты. Люблю смотреть ее репетиции, когда уже роль получается, впрочем, неудачных работ у Неёловой в театре я не видела. Иногда она звонит и говорит: «Я запрещаю тебе смотреть такой-то фильм, я с тобой не буду больше видеться, если ты его посмотришь». Я этих фильмов не смотрела, следовательно, и в кино ее плохих ролей не знаю.

Зато на ее спектаклях я испытывала такие чувства, которые вообще счастье в этой жизни испытать. Когда я смотрела «Спешите делать добро», «Три сестры», «Валентин и Валентина», «Вечно живые», мне казалось, что участвую в действии так же, как и Маша. Полное растворение в пьесе. Даже не помню, есть ли в них антракты.

Счастье дружить с таким творческим человеком, как Неёлова. Она никогда не бывает собой довольна. Мне нужна ее дружба, потому что Маша — мой главный судья, потому что оценка Маши всегда правильная. Человек, не умеющий ни в чем фальшивить, она точно ощущает любую неправду, даже на льду. Она никогда не скажет, что ей нравится то, что на самом деле ею не принято. Именно Маша дает окончательное разрешение на выпуск новой программы. Она приезжает в свободный вечер на СЮП, очень серьезная (сама за рулем), и я трепещу так, как будто сейчас начнутся международные соревнования.

Режиссура танца, работа над образом, подтексты, второй план — сколько мне дало знакомство с Неёловой и Галиной Борисовной Волчек, которую я смею называть Галей! Я слышала о всех этих приемах, но никогда не думала, что все они станут необходимы мне в тренерской работе.

Какая она, моя Марина Неёлова? Это постоянно читающая маленькая женщина в очках, на столе перед которой стоит тарелка с макаронами, а за макаронами деревянная подставка для книги. Такие подставки есть в обеих комнатах ее двухкомнатной квартиры, включая и кухню. И на разных подставках разные книги. Где она ни окажется, сразу начинает читать. Лежа — читает, сидя — читает, везде она читает. Так и живет с книгами и с этими макаронами по-флотски, от которых она одна в мире не поправляется. Еще может прекрасно варить кислые щи. Звонит: «Приезжай скорей, сварила щи, есть будем!» Шикарная грива волос, полное отсутствие тела. Худоба нечеловеческая. Она однажды в Сочи, решив, что сильно поправилась, встала на весы. Центр Сочи утыкан ими, как пальмами. Ей объявили: «Сорок шесть килограммов». Она стоит на весах и с гордостью смотрит по сторонам: мол, смотрите, какая я! Поправилась как! А дяденька, который ее взвешивает, говорит: «Девочка, арбуз отдай подруге». И опять — постоянные сорок. Когда Маша сдает роль, она доходит до точки. Здесь, у меня на кухне, она читала монолог из пьесы «Спешите делать добро». Этот монолог в театре с первых же слов вызывает у меня слезы.

За что мне такое счастье послано, услышать Машу не в зале, не на спектакле, а рядом, когда еще можно и о роли поговорить.

Она очень дружит с моим мужем. Они часами разговаривают по телефону. Володя читает мужскую роль в новой пьесе, которую она репетирует, подает ей реплики.

Зимой она уезжает отдыхать в какой-нибудь профилакторий. Ходит гулять по парку, закутываясь в три свитера и шубу. И только ест, спит и ходит, ест, спит и ходит. Терпеть не может ресторанов, бурных развлечений. Красивая и скромная, занимающаяся только своим искусством и не разменивающая его ни на что. Очень серьезно относящаяся ко всему, что о ней пишут.

Примеров преданного отношения Неёловой к делу сколько угодно. Я приехала к ней на съемку фильма «Дамы приглашают кавалеров». Ей по эпизоду полагалось купаться в море, но у нее выступила экзема. Жара стояла плюс тридцать пять, и она со слезами лезла в соленую воду, боясь сорвать съемку. Фильм она возненавидела еще до выхода на экран.

Наверное, когда-нибудь найдутся драматурги, которые будут писать для нее. Но пока идут годы, и мне странно, что до сих пор таких сценариев и пьес нет.

Александр Веденин. Саша Ведения — ныне государственный тренер, отвечающий за подготовку фигуристов-одиночников. В нашем тренерском мире знают, что мы дружим всю жизнь. Саша

— человек, к чьему мнению я прислушиваюсь, с кем знакома уже тридцать лет, хотя редко сейчас видимся: он занят, у него свои спортсмены, свои сборы. Мы вместе выросли, вместе катались. Только Люлякова и Веденин стали чемпионами Советского Союза, а я нет. У них тренировки проходили в другое время, в самое хорошее, и тренировала их Татьяна Александровна Толмачева.

Саша Веденин предан своему делу без остатка. Пока еще не так ярки, как в танцах и парном катании, успехи советских одиночников, но то, что они есть, особенно в женском катании, во многом его заслуга. Саша собрал картотеку на всех более или менее способных ребят по всей стране, на всех тренеров и следит за ними пристально, контролирует работу каждого, организует огромные сборы и сидит на всех тренировках с утра до ночи. Ребята его любят. Любят по-настоящему, преданы ему, и если они прокатают на международных соревнованиях программу плохо, им стыдно перед Ведениным. Побывав совсем недавно на юношеских соревнованиях, я воочию увидела огромную селекционную работу, которую он проделал за последние годы.

Саша абсолютный профан в житейских делах. В Америке, в Колорадо-Спрингс, в единственный свободный от соревнований день Леша Мишин, Саша и я поехали забрать из магазина веденинское пальто. Саша мне сказал, что деньги уже заплатил, пальто отдал перешивать: Саша маленького роста, и его размера в магазине не оказалось. Он объяснил, что выбрал себе дубленку очень теплую, долговечную, но я в его рассказы верила мало, так как знала, что, замороженный своим одиночным катанием, Веденин ни в чем больше не разбирается, поэтому поехала вместе с ним проверить, на что он тратит деньги.

Мы заявили в магазин. С ужасом я увидела, что Веденин за бешеную сумму, практически на все деньги, что у него были, купил из свиной кожи, выдубленной под замшу, пальто без подкладки. Лишь на воротнике виднелось что-то меховое. И укоротили ему только рукава, карманы остались у колен.

Пальто нам все же всучили, правда, сделав скидку. Саша его, конечно, ни разу не надел.

Саша всегда трогательно ко мне относился и называет только «Танечка». «Танечка, ты так устала!» А Танечке уже сколько лет и она действительно устала. И никто ее уже так не зовет: «Танечка».

Дипломат я, как говорила, плохой и обычно у нашего руководства веду себя неправильно. Саша нервничает и очень расстраивается. Он потом часами убеждает меня, в чем я не права, требует, чтобы я пошла и покаялась.

В свое время Саше в спортивной карьере очень не повезло. И виной тому мы с Ирочкой Даниловой. Саша тогда был на взлете,

собирался ехать на чемпионат Европы. Пятого декабря у Веденина день рождения. Год шел олимпийский, и сборная уезжала чуть ли не первого января. Он объяснил нам, что справлять день рождения будет в кафе «Московском» на улице Горького, очень модное заведение в начале шестидесятых годов. Но поскольку мы с Ирочкой запомнили, куда нам полагается идти, то прошли по всем кафе на улице Горького, начиная с Белорусской площади и, естественно, только в самом конце нашего путешествия попали в «Московское». А Саша на протяжении полутора часов в двадцатиградусный мороз выбегал все время на улицу в рубашечке и свитере, ждал нас у дверей кафе — стояла огромная очередь, и он боялся, что нас вовнутрь не пустят. Шестого декабря он слег с двусторонним воспалением легких, и вместо него на чемпионат поехал Четверухин.

Михаил Жванецкий. Мои регулярные поездки в Одессу все последние годы проходят под знаком летних встреч с Михаилом Жванецким. Познакомились мы с ним лет десять назад в вечер Первомайского праздника в доме у общих друзей. Компания собралась интересная, читали свои стихи Евтушенко и Вознесенский, говорили об искусстве. Потом попросили почитать Жванецкого. Мы с Ирой Возиановой хохотали так, что с глаз потекла краска. Даже не хохотали, а выпускали какие-то вопли. Жванецкий в тот вечер нас и заметил. Таких сумасшедших в этой интеллигентнейшей компании оказалось только две. Миша галантно проводил нас в ванную умыться. Мы с Ирой и в ванной комнате еще долго хохотали. В день нашего знакомства он первый раз читал «Собрание на ликеро-водочном заводе».

Жванецкий — замечательный писатель. Писатель, которого так много даже в самой короткой фразе.

Из ванной комнаты мы вышли к столу с опухшими глазами, с мокрыми волосами и, конечно, малопривлекательные. Но Мишу наша внешность не волновала. Его вдохновляла наша реакция на только что написанную миниатюру. Реакция превзошла все ожидания, произошло братание. С тех пор Миша часто читает нам свои новые рассказы.

Я люблю Мишину квартиру в Одессе, где зимой живет одна мама, люблю их одесский дворик на Желябовском спуске, во дворе, на втором этаже справа, лесенка, двенадцать ступенек, маленькая застекленная терраска (на ней прошла вся мамина и Мишина жизнь), потом кухня в два квадратных метра. Маленькая уютная мамина комната и крошечная комнатка Миши, где помещается только диван, письменный стол и кипа написанного. Лето в Одессе — его болдинская осень. Мама ему готовит, он пишет целыми днями. До вечера. Вечером он выходит в гости.

Жванецкого теперь знают все и везде. Его любят, ему всегда рады.

Как я бываю счастлива, когда он появляется на пороге нашего дома со своим стареньким портфелем. В нем рукописные, и только рукописные странички десятков рассказов, которые вечно путаются между собой. Я зову его к себе в гости просто посидеть, поговорить, вкусно покормить. Но когда Миша входит, мои глаза автоматически опускаются вниз и влево. Что он там несет в руке? В портфельчике, ручку которого он сжимает, лежит столько горькой иронии, столько юмора, что их вполне бы хватило на творческую жизнь нескольким писателям.

А как он читает свои рассказы! Никто, кроме него, не может так замечательно «читать Жванецкого».

На моем дне рождения он обязательно достает из портфеля какой-нибудь новый рассказ. Когда он, сидя на диване в окружении наших друзей, роется в своих бумагах — эти минуты самые дорогие для меня в мой праздничный день.

Миша заходит в Одессе к нам на тренировки. «О-о-о!» — с таким кличем он со мной встречается. Летом 1978 года Бестемьянова и Букин разучивали танец под мелодию чаплинских фильмов. Он смотрел на Наташу и Андрюшу долго, потом сказал: «Таня, в них есть то, что нет в других. В них есть юмор. Я буду им читать». С тех пор он постоянно читает ребятам свои записи, а они готовы его слушать сутками.

Миша мне говорит: «Знаешь, Татьяна, как ни зайдешь на каток — ты все там и сидишь, а ты как ни заглянешь ко мне — я все пишу. И как-то спокойно сразу становится. Все сидят и вроде все при деле и на месте».

Анну Ильиничну Синилкину я могу и в то же время не могу отнести к числу своих близких друзей. Она занимает в моей жизни особое место, как в жизни любого человека, который соприкасался со сборной по фигурному катанию.

Анну Ильиничну все тренеры и спортсмены называют мамой нашего фигурного катания. Долгие года она возглавляла Федерацию фигурного катания, сейчас она ее почетный председатель.

Никто из нас никогда не был обделен ее вниманием. Она никого не выделяла из огромного числа фигуристов, которых опекала и пестовала действительно, как заботливая мамаша. Помогала в жизни и советом, и делами. Если у фигуристов случались какие-нибудь неприятности, в первую очередь бежали к Анне Ильиничне. Она успокоит, она выслушает, она, наконец, пойдет за тебя хлопотать. Мы ездили с ней на многие соревнования, по многим странам. Когда руководитель делегации Синилкина, в команде все спокойно, никого по пустякам не

отрывают, никто по пустякам не нервничает. Анна Ильинична больной человек, ей тяжело давались поездки на соревнования, но она все равно собиралась и ехала поддержать спортсменов в самые трудные дни их жизни. Не могла Синилкина смотреть лишь выступления Роднимой и Зайцева — так сильно волновалась. Ходила к ним только на тренировки. Здесь свое пристрастие она не скрывала. Анна Ильинична всегда ставила Роднину выше всех, всегда ее очень любила.

Синилкина пользуется большим уважением в спортивном мире. Иностранцы ценят в ней прежде всего делового человека, ведь Анна Ильинична — директор Дворца спорта в Лужниках. Мы отдаем должное ее доброте и справедливости.

Не каждый мужчина директорствует так, как Синилкина. Скоро третий десяток ее дворцу, а выглядит он прекрасно. Мало в Москве таких ухоженных залов, как этот. Она все время что-то придумывает, что-то ремонтирует, что-то перестраивает. Сотрудники дворца ей подчиняются беспрекословно. Она любит всех, кто с ней работает во дворце, — от контролера до буфетчика, хотя и устраивает им страшные разносы, но никого не оскорбляет. По-моему, за последние двадцать лет от нее не ушел ни один человек—это говорит о многом. Партер во дворце убирают и вместо него заливают на площадке лед за шесть часов. В таком большом зале! Идеальная организация работы. Наверное, Анна Ильинична ночами не спит, а сидит у себя во дворце. Дома шестидесятитрехлетнюю Анну Ильиничну не застать. Со счета можно сбиться, сколько чемпионатов мира она у себя во Дворце спорта провела, сколько международных турниров.

Анна Ильинична для сборной СССР по фигурному катанию — талисман. Много лет Синилкина как руководитель советской делегации привозила на международные соревнования команду, у которой выиграть было практически невозможно. Несколько раз она не выезжала с нами на чемпионаты, и именно тогда команда выступала слабо. В начале сезона она внимательно смотрит программы у всех, кто поедет на соревнования за рубеж. Беседует со спортсменами, с тренерами. Ей одной позволено сказать прямо, что программа никуда не годится, с такой программой она спортсменов никуда бы не повезла. Но так же прямо и открыто она может признаться в том, что неправа.

Для меня и моих спортсменов Анна Ильинична Синилкина сделала очень много. Я помню, в те дни, когда ко мне перешла Роднина, я очень нервничала, и Анна Ильинична позвала меня к себе, чтобы успокоить. Она не только обещала мне полную поддержку, но и назначила лучшие часы на льду для тренировок. Анна Ильинична умудряется быть в ровных дружеских

отношениях со всеми тренерами сборной, что очень непросто. Понимает, что каждый из нас по-своему прав. Понимает и пользуется полным доверием каждого.

Когда-то я жаловалась ей, что Бестемьянову и Букина, как мне казалось, засуживают. «Подожди, Таня, не дергайся, всему свой срок, и твои будут чемпионами»— так говорила Анна Ильинична, и ей невозможно было не верить, потому что за много лет в фигурном катании она научилась точно предсказывать судьбу спортсменов.

Синилкина очень помогла Родниной, когда Ира решила перейти на тренерскую работу. Разместила всех ребят, которых Ира пригласила из других городов, дала зал, лед... Что еще тренеру надо? Анна Ильинична всегда верила в Роднину. Она помогла Моисеевой и Миненкову, когда они от меня ушли, она помогла Миле Пахомовой, когда та решила стать тренером. Набрала Наташа Линичук за месяц себе группу, и опять я вижу помощь Анны Ильиничны в организации тренировок для группы Линичук. Заканчивают люди кататься и идут не к кому-нибудь, а к Сикилкиной. Судьба многих больших фигуристов после расставания со спортом была определена Анной Ильиничной Синилкиной.

День тренера

Он складывается по-разному, но всегда превращается в бесконечную гонку. Тренеры одиночников встают обычно в шесть утра, потому что заведено неведомо кем и когда — с семи у одиночников тренировка, тренеры пар и танцоров появляются на катке позже, но и уходят позже. Приходит тренер на работу, переодевается во все зимнее (если даже на улице лето), раньше в валенки и шубы, а сейчас во все надувное и поролоновое, становится похожим на шар, надевает коньки—неважно, сколько тренеру лет — и идет на лед вместе со своими учениками. Только так и не иначе начинается день у любого тренера по фигурному катанию.

Я, например, много лет начинаю работу в девять тридцать. Первая утренняя тренировка — занятия с парами. Два часа урок, пятнадцать — заливка льда и снова два часа, теперь уже с танцорами. После утренней тренировки приблизительно три часа перерыв.

Наступает вечер, и опять пары, потом танцоры. Так до десяти — раньше не получается, чаще задерживаюсь. В трехчасовой перерыв надо не только пообедать, но еще успеть с массой дел, казалось бы не связанных с твоими прямыми обязанностями, но неизбежных: поездки спортсменов, питание, медицинское обследование и даже учеба ребят — в школе, институте — тоже забота тренера. Часто надо ездить на примерки, когда шьются новые костюмы для твоих спортсменов. А если сложить число учеников и костюмов, которые им шьются (это очень важное дело и нельзя его никому доверить), то получается, что я сижу в Доме спортивной моды месяцами.

Так проходят дни, недели, а теперь уже, можно сказать, и годы.

В любой семье, где один из супругов тренер, самым глазным невольно становится его работа, так как семья, никуда не денешься, начинает жить в режиме тренировок, сборов, соревнований. Муж в гости без меня идти не хочет, в кино не пойдет. Он может поехать на концерт, так как это ему надо по работе. Но обязанности хозяйки на мужа я перекладывать не могу и не собираюсь. Да и вообще как-то странно представить Володю — известного пианиста — за уборкой или готовкой. Но обедать надо, и вообще в доме, учитывая мои отлучки, должны быть запасы еды. Я приезжаю с тренировки, ставлю на маленький огонь огромную кастрюлю супа и ложусь спать, заведя будильник. В два часа ночи встаю, иду снимать кастрюлю с огня. Вот у меня

уже готов и бульон. Утром я его заправляю. Котлеты или отбивные я готовлю в таком количестве, как небольшая заводская столовая к обеденному перерыву, и так же, как в столовой, они все съедаются за день — у нас дома всегда бывает много людей. Хотя я по наивности рассчитываю, что Володе обедов хватит недели на две.

Конечно, совмещение в одной семье наших с мужем профессий, связанных с постоянными разъездами, немислимым расписанием, требует от членов семьи доброжелательного отношения друг к другу.

Нам помогает то, что у нас одинаковые характеры. Володя, как и я, уживчивый и отходчивый человек. Нам не надо друг другу объяснять свои поступки. Он понимает меня моментально.

Не часто мы с мужем оказываемся вместе

Человек с тонким, хорошо развитым вкусом, Володя помогает в работе и мне. В Москве я не пропускаю ни одного его концерта. Очень нервничаю, когда он играет. Просто колотун бьет. Внимательно слушаю, сколько аплодисментов, считаю, сколько «бисов». А я не помню концерта, чтобы его не вызывали еще и еще... Слушаю, как и кто его поздравляет. Уши у меня вырастают до необыкновенных размеров. Мне очень стыдно, но как же иначе?

Я всегда и во время и после выступления своих учеников очень внимательно слушаю аплодисменты зала. Всегда их тщательно взвешиваю. Зала видеть я не могу, не могу на него отвлекаться, но слушаю его с первой же секунды... На сколько "больше аплодисментов у меня, чем у других? Где они теплее, где равнодушнее? Да, бывают и равнодушные овации. Иногда вместо аплодисментов наступает пауза, мертвая тишина, порой она

дороже любых криков.

Нет, я ничего не вижу, но дыхание зала ощущаю, как свое. Зал меня вывести из себя или раздражать не может. Публика, если она не принимает программу, в этом не виновата. Наверное, ужасно обидно, когда освистывают твой труд. За все время моей тренерской работы я, к счастью, подобного не испытала.

Аплодисменты — это же точная оценка твоей работы. И у Володи, и у меня.

В гости я ходить люблю, но мне это делать нелегко. Сложностей возникает немало, и прежде всего у хозяина, когда гость ввалился в дом ближе к полуночи. Все уже пьют чай, а ему надо разогревать еду. Но если устроишь себе праздник и сходишь вечером к друзьям, потом отправишься на следующий день к другим, то к третьим уже выберешься не скоро. Нельзя выбиваться из ритма, ведь вечером полагается готовиться к утренней тренировке, посидеть, записать план, просто продумать, как ее завтра построить.

Многие тренеры днем спят. Хотя бы пятнадцать минут — полчаса. Это дает силы на вечернюю тренировку. Когда идет какой-то интересный спектакль и пропустить его невозможно, я ухожу в театр, оставив ребятам точное задание на весь вечер, но удовольствия от спектакля я получаю меньше, чем остальные зрители, потому что, целиком доверяя ребятам и даже зная, что с ними мой помощник, мой ассистент, отличный молодой тренер Светлана Львовна Алексеева, мне кажется, этот вечер для спортсменов прошел зря, и ничего они на льду не делали. Бегаю в антракте звонить на стадион Светлане Львовне. Кто пришел? Кто не пришел? Как тренируются? В разгар сезона на какой-то из рядов вон выходящий спектакль (прежде всего балет) беру их с собой, но мучаюсь не меньше, так как смотрю на сцену, а вижу пустующий лед на СЮПе. Хотя разумом понимаю, что вечер, проведенный на хорошем спектакле, порой дает спортсмену не меньше, чем хорошая тренировка. Хотя сильным ученикам необходимо давать время для самостоятельных тренировок — это вырабатывает у них очень важные навыки, а у тренера всегда найдется работа на льду, не все же могут работать самостоятельно, но я живу в постоянном страхе, чтобы ничего не прошло мимо моих глаз.

Если я пропустила День, то у меня создается впечатление, что я не появлялась на катке два дня, так как ежедневно проходит две тренировки. Заболеть и пропустить три дня работы — катастрофа. Пропустить неделю — просто страшно об этом подумать! Поэтому

Тренер старается не болеть. Так работаю не только я, так

работают все тренеры.

За много лет я ни разу не была а отпуске положенных 24 дня. Две недели, вот и весь отдых, Первую неделю я отсыпаюсь. Сплю столько, что теряю человеческий облик. Семь дней не открываю глаз, встаю только на завтрак, обед, ужин. Если отдыхаю на побережье, бывает, что в первую неделю моря не вижу.

На вторую неделю отпуска меня начинает мучить страх, что время идет, скоро сезон начнется, а у меня еще ничего не готово. Ни одной программы. Достаяю из чемодана магнитофон. Начинаю слушать музыку, привыкаю к ней, вживаюсь в нее, возникают образы будущего танца, что-то уже придумывается конкретно, а движениях. Отдыхая, незаметно перехожу в работу. Насколько я знаю, так проводит отпуск любой тренер в фигурном катании.

Мой мир, мое фигурное катание

Эта книга открывается рассказом о моих детских занятиях спортом. И последнюю главу, в которой говорится о традициях и развитии моего вида спорта, тоже хочу начать с детей. Мне кажется, что бум фигурного катания, поднятый в нашей стране в шестидесятые, когда фигуристов и их соревнования стали часто показывать по телевидению, начал сходиться на нет. В свое время эти телепередачи сыграли положительную роль — родители воочию увидели, что есть для детей занятие, где движение и музыка слиты воедино, и это не балет, в котором только в нескольких городах в класс принимают всего лишь по двадцать-тридцать человек, а спорт, и набирают в него почти везде целыми группами. К нам на СЮП приводили очень много детей. Но довольно быстро родители поняли, что занятия фигурным катанием для них дело довольно тяжелое, точнее, неудобное. Мы принимаем детей с четырех лет, с малышом надо ходить на тренировку и в те часы, когда, как правило, родители заняты. За детьми надо следить, они еще не могут сами раздеться, перейти из раздевалки в раздевалку, выйти на открытый каток. Тренер один справиться не может. Не успевает даже всем вытирать носы. Поэтому без помощи родителей не обойтись. А если ребенок втягивается в занятия, если ему нравится фигурное катание и он не хочет его оставлять, то приходится вставать с ним очень рано к утренним, начинающимся в восемь часов, тренировкам, потому что во всем мире катки открываются рано — в пять-шесть утра, у нас еще по сравнению с Западом щадящий режим.

И фигурное катание превращается в страшную обузу для родителей: нет ни суббот, ни воскресений, разбиты дни, в итоге выходит, что кому-то в семье надо не работать. Спасение здесь только в бабушках. Дальше— больше, начинаются большие нагрузки, которые требуют серьезного контроля за режимом ребенка. То, что ноток спал, мне кажется, неплохо. Теперь ребенка критически оценивают дома, способный он или неспособный, а не тащат сразу же на каток, мечтая о дальнейшем его появлении перед телевизионными камерами.

Серьезный отбор детей ведется при приеме в нашу школу. Отбирают не только по физическим данным, но и по ритмике и хореографии. Создана целая комиссия из тренеров и хореографов, в нее входят даже тренеры по легкой атлетике. Это связано с тем, что кататься на искусственном катке ради развлечения пока еще мы не можем позволить, это очень дорогое удовольствие. Как известно, за границей за тренировки платят, и немало платят,

даже мастера, у нас же на каток вход бесплатный, но искусственных площадок пока не хватает. К тому же ребенку нужен еще и тренер, и хореограф, и тренер по ОФП. На протяжении первых четырех лет занятий фигурным катанием отсеивается еще значительная часть принятых в школу.

Несмотря на то, что детей приводят к нам на каток теперь значительно меньше, нехватки талантов не ощущается. Надо сказать, что способных детей сразу видно, они наперечет. Зайдешь на занятия в группу к младшим и сразу видишь: вот он, один катается! Не подозревает, какая ему уготовлена спортивная судьба! Впрочем, это уже относится к моей тренерской квалификации— разглядеть в ребенке будущую обаятельность, красоту и, главное, индивидуальность.

И все же я очень боюсь остаться без учеников. Сама дергаюсь, терблЮ Светлану Львовну: «Надо кого-то брать, надо детей смотреть». Страшно остаться без резерва. Бывает, что к тебе попадают уже готовые пары, но тут возникают свои проблемы, и забот с уже сложившимися спортсменами иногда больше, чем с молодыми. Брать опытных фигуристов можно только в том случае, если есть своя группа, своя школа, или, как я называю, свой клан.

Когда тренер стоит у льда, он ничего вокруг не замечает

Мне нравится быть тренером большой группы. Я тогда чувствую себя сильной. Я не люблю работать с одной парой, надо сказать, что никогда так и не работала. Да это и не интересно. Должны быть ведущие, должна быть молодежь, юниоры. Их всех надо воспитывать, выводить в жизнь, в люди. У меня одновременно занимается шесть-семь пар, не меньше. Сейчас одни танцевальные, хорошо бы взять еще три спортивные, и тогда я буду уверенно стоять на земле: во-первых, я буду знать, что не

теряю тренерской квалификации ни в танцах, ни в парном катании и, во-вторых, живу в таком темпе, в котором привыкла жить.

В большой группе быстрее растут результаты у спортсменов. Они друг на друга смотрят, друг у друга перенимают. Выучив одного технически правильно делать какой-нибудь элемент, облегчаешь задачу второму изучить то же самое — он осваивает этот элемент в два раза быстрее, третьему надо объяснять пять минут, не больше, четвертый, глядя на трех предыдущих, выучивает сам. Как ни странно, максимум информации в единицу времени тренировки усваивает фигурист не тогда, когда на катке занимается единственный ученик, а когда на льду работает группа.

Наш вид спорта развивает эгоизм — спортсмен отвечает только за себя, в фигурном катании нет команды. У меня она есть — мои «тарасята». «Тарасята» выпускают стенгазету, справляют вместе праздники, все дни рождения, вместе ходят в театр и кино и не расстаются даже тогда, когда уходят из спорта.

Ребятам надо прививать любовь к литературе, искусству, устраивать обсуждения просмотренного спектакля. Кормить, поить, следить, как одеты и обуты, — все это в современном спорте лежит на плечах тренера. Это не утомительно. В спорте дети быстро становятся самостоятельными. Тренер не должен превращаться в няньку, тренер должен стать близким человеком.

Работа над созданием команды — это большой педагогический труд. Задача тренера, в данном случае тренера по фигурному катанию, научить спортсмена не только набору элементов и умению скользить по льду, нет, прежде всего из детей, которые видят нас чаще, чем своих пап и мам, сделать настоящих людей. Чему ты научишь детей, то они и будут любить всю жизнь. Они же практически все время около тебя, они влюблены в тебя, они подражают тебе — смотришь в детские глаза, а там такая преданность!

Поскольку разговор идет о фигурном катании, то в нашем виде подобные команды существовали прежде всего у Станислава Алексеевича Жука, Елены Анатольевны Чайковской и у меня. В свое время это вызывало критику, писали и говорили, что в стране созданы условия только для трех тренеров. Но критики ошибались, их утверждение строилось на том, что чемпионами и призерами становились наши ученики. Но разве мало заслуг у Игоря Борисовича Москвина? Что же касается Тамары Николаевны Москвиной (сейчас в связи с большими успехами Елены Валовой и Олега Васильева) кажется наивным обсуждать, входит ли Тамара в элиту советских тренеров. Она сейчас в

первых их рядах. Прекрасно прежде работал в одиночном катании Виктор Кудрявцев. Давно уже всем известна как отличный тренер Людмила Пахомова. В число ведущих специалистов страны сейчас вышла и Наталья Ильинична Дубова (наставник танцоров Марины Климовой и Сергея Пономаренко). Она начинала вместе со мной, но тренерский путь к признанию у нее оказался дольше. Без сомнения, скоро заявит о себе Ирина Роднина, которая интересно и очень много работает со своими учениками. А Эдуард Георгиевич Плинер? всю жизнь он 'проработал с одиночниками. Тренер Наташи Бестемьяновой, Анны Кондрашовой, серебряного призера чемпионата мира 1984 года. У Плинера всегда был свой взгляд на фигурное катание, которому он никогда не изменял. Я думаю, вошел в число ведущих тренеров страны и Владимир Ковалев, его ученица Кира Иванова принесла нам первую олимпийскую медаль в женском одиночном катании.

Таким образом, я насчитала не три, а десять лучших тренеров страны. Не меньше тренеров и у юниоров, молодежная сборная СССР — одна из сильнейших в мире. На юношеских соревнованиях, за которыми зрители не следят столь пристально, я видела и вижу огромную и интересную работу своих коллег.

Лично я не отношу себя к числу главных специалистов в фигурном катании, во всяком случае одним из трех главных. Тем не менее опыт одного из «старейших» тренеров сборной позволяет мне иметь свой взгляд на некоторые вопросы фигурного катания. Поскольку у меня сейчас только танцевальные дуэты и я много занимаюсь сейчас именно этим видом, хотелось бы обратить внимание на то, что зритель не видит и в общем-то не знает.

Все шаги на льду у фигуристов состоят из тройки, крюка, выкрюка и скобки. И используя этот набор, можно придумывать сколько хватит фантазии. Одиночники к тому же еще и прыгают. Об обязательных элементах парного катания известно практически всем, но и в танцах существуют свои непреложные позиции, которые также объективно оцениваются, как и элемент парного катания, они определены по графе сложности и в правилах четко указывается, на что судьям следует обратить особое внимание. Если я буду об этом толковать даже очень подробно, все равно мои объяснения будут понятны лишь специалистам: «Вензель в звездном вальсе надо делать так, а не так». — «А что такое вензель?» — тут же спросит у меня обычный зритель. Я веду свой рассказ к тому, что не следует считать, будто танцы подчиняются лишь субъективной оценке судей. Да, действительно, судить их сложнее, чем одиночное катание, и

понимать сложнее, поэтому мнения арбитров и зрителей часто расходятся, хотя порой зритель бывает в своих пристрастиях и прав.

Арбитраж в фигурном катании, как и в любом другом виде спорта, где нет четких измерений в килограммах, метрах, секундах, всегда был и будет сложной задачей. Но для танцев есть твердое определение, которое требует максимального числа элементов в единицу времени. В танцах быстрое катание должно цениться выше, чем медленное, так как оно связано с определенными физическими возможностями спортсменов: с большим объемом легких, со степенью усталости от перемен ритма, с количеством ударов сердца в минуту. А главное, в быстром катании куда больше заложено риска, чем в медленном, а спорт, любой спорт, будь то фигурное катание, гребля или тяжелая атлетика, всегда связан с риском. И фигуристы должны танцуя рисковать. Тогда понимаешь, что танцы тоже спорт, потому что первенство в спорте всегда завоевывается на грани риска.

Я не согласна с высказываниями, что танцы в своем развитии придут к тому, что будут походить на парное катание. В этих двух видах действительно есть похожие элементы, но я глубоко убеждена, что они не могут слиться в один вид, танцы будут развиваться по своему пути, все более подчиняясь постановочной идее. Отмечу, что в этот вид спорта сюжетность и драматургию привнесли именно советские танцоры. Мы были первыми, кто начал ставить спортивные танцы с одной сюжетной линией, со сквозным действием — столь модное сейчас в фигурном катании выражение, обозначающее единую музыку на все четыре минуты произвольного танца.

Танцы должны выделяться блестящим скольжением. Конечно, спокойное, красивое, плавное скольжение вполне достойно внимания, но мне по душе все же резвый стиль.

Несколько слов спортсменам, которые мечтают о высоких местах. Только в том случае, если вы будете сами себе тренерами, можно надеяться на успех в спорте. Это единственный сейчас путь стать высококлассным мастером, способным бороться за мировое и олимпийское золото.

Тренер не должен постоянно твердить ученику: «У тебя спина слабая, рука слабая». Надо самому знать о своих недостатках и самому их устранять. Никакой тренер по ОФП не поможет так, как мы можешь помочь себе сам. Если спортсмен не просто выполняет задания тренера, а пропускает сказанное им через себя, через свои мышцы, он может на что-то рассчитывать в спорте. И когда тренера рядом нет и когда тренер рядом,

неважно, спортсмен, постоянно работающий сам с собой, обязательно добьется успеха. У нас есть такие спортсмены, но их еще мало, а должно быть большинство. Это спортсмены будущего.

Тренер должен заниматься доводкой мельчайших деталей в технике, а не проверять, соблюдает ли режим его ученик. Тренировка заканчивается, а мысль спортсмена — что сделано и что еще предстоит сделать — должна продолжать работать. Уже сейчас чемпионами становятся только фанатики, только те, которые целиком отдают себя спорту. О чем бы я ни заговаривала с Родниной, разговор все равно перескакивал на ее подкрутки и поддержки, хотя человек она широко образованный, начитанный, любящий театр, но со мной, с тренером, она постоянно обсуждала только наши проблемы. Поэтому она и была чемпионкой десять лет. Другие позволяли себе некоторые послабления, немного отвлекались, совсем немного, но этого было достаточно, чтобы покинуть пьедестал на следующий же год. Таких, как Ирина Роднина, сейчас единицы, такие становятся великими чемпионами, чемпионами на десятилетия. Но в дальнейшем именно такое отношение к спорту должно стать у тех, кто ему посвятил жизнь, законом.

Фигурное катание изменилось до неузнаваемости даже за те тридцать с небольшим лет, что я в нем сама тренировалась и теперь тренирую. Остались, как и прежде, только названия элементов: «аксель», «кауфман», «сальхов». Но «аксель», когда этот элемент так называли, прыгали, вращаясь вокруг своей оси всего лишь раз, а сейчас крутят в три с половиной оборота, «тулуп» делают в четыре оборота, все прыжки достигли трехоборотного вращения — и нет этому предела.

Изменился и подход к фигурному катанию. Раньше выступление спортсмена сводилось лишь к демонстрации набора прыжков под какую-нибудь музыку, да и музыку-то брали порой всего лишь за два дня до соревнований. Сейчас целые спектакли разыгрываются за несколько минут на льду. Нет в первой десятке участников чемпионатов мира во всех четырех видах фигурного катания, которые невнимательно бы отнеслись к подбору музыки, не придумали бы своего личного элемента. Советские фигуристы многое почерпнули из классического балета. Нам помогают лучшие хореографы. И программа теперь составляется так, чтобы между элементами не просто было два шага, а это должна быть целостная композиция, в которой прыжки, поддержки, позиции подчеркивают акценты в музыке.

Разве было что-нибудь похожее двадцать лет тому назад?

И разве можно было себе представить, каким будет фигурное катание через двадцать лет?

Наверное, технически оно будет выглядеть идеально. И выигрывать в нем будет тот, кто сумеет придумать что-то новое. А что придумают, какие немыслимые танцы поставят, не знаю. Но хочется и самой что-нибудь придумать через двадцать лет.

Может быть, к тому времени изменятся правила? Впрочем, я и сейчас бы внесла изменения в существующие правила ИСУ для фигуристов. Слишком много в них ограничений, тормозящих развитие вида. Возьму для примера только танцы. Подпрыжки — нельзя, поддержки не более чем на два такта музыки. И ряд других запретов, таких тяжелых, что я, например, когда ставлю программу, стараюсь о них не думать. Невозможно фантазировать, если постоянно помнить о всех этих запретах! И только когда танец готов, начинаю его чистить и с болью выкидываю то, что считается запрещенным. Обязательно, когда все поставлено и все подсчитано, находится лишняя поддержка (их число также ограничено). Я приучила своих спортсменов никогда не рассматривать программу, которую мы готовим к новому сезону, с точки зрения ограничений. Делать ее так, как требует музыка, как просит сердце. Не от правил идем, а от души.

Что будет со мной через двадцать лет?

Думаю, и через два десятилетия я буду приходить на каток с таким же удовольствием, с каким прихожу сейчас. Не хочу потерять ощущения счастья от своей прекрасной работы. Не хочу сделаться в своем деле ремесленником. Хочу оставаться и через двадцать лет таким же сумасшедшим тренером, каким я была, какая я есть. Так же бояться, что не сумею поставить программу перед новым сезоном, как боюсь этого уже два десятка лет. И все-таки ее поставить. И стремиться сделать ее самой лучшей в мире.

Я хотела бы иметь таких же преданных и любимых учеников, каких я имела и имею. Я хотела бы так же волноваться на тренировках. Страдать при каждом прокате.

Хочу, чтобы, как всегда, мои воспитанники приходили в мой дом, и чтобы я была здорова и могла их принимать, как принимала всегда, — вкусно кормить, долго беседовать. Чтобы комната, выделяемая нам на СЮПе для встречи Нового года, становилась все больше и больше. Хотела бы, чтобы каждое последующее поколение моих учеников знало бы, что делало предыдущее. Знали бы, как они дружили, как относились друг к другу, как вместе тренировались и катались. Как они жили и кем стали потом. И сколько было пролито пота и слез, чтобы кем-то стать.

Работать, пока есть силы, не знаю, на сколько их хватит, хотелось бы, чтоб их хватило надолго.

Мне нравятся все цветы, которые нам дарят. Отовсюду, где

проходят соревнования, я везу в Москву цветы: из Америки, Японии, Канады. Мои ученики отдают мне свои цветы. Им остаются аплодисменты. Дома я долго разворачиваю огромные пакеты, потому что ничего так тщательно перед дорогой не упаковываю, как цветы. Порой огромные целлофановые мешки, в которые я укладываю букеты, весят до десяти килограммов. Десять килограммов цветов!

Цветы потом долго стоят у меня дома, расставленные во все вазы. Стоят до самого своего конца.

После чемпионата 1983 года в Хельсинки я забыла в холле гостиницы букет. Как вспоминаю об этой потере, сразу хочется плакать, Там было не менее пятисот роз!

Честно говоря, мне больше всего нравятся незабудки, но их почему-то никто и никогда не дарит.

Однажды в сибирском турне сборная приехала в Кемерово во время страшного снегопада и дикого холода. А в Кемерове открытый каток. Вся площадка в снегу. Мы сами ее расчищали каждые пятнадцать минут, но все равно ребята катались буквально по колену в снегу. Люди, которые пришли на наше выступление, казались снежными бабами, тем более они смотрели на лед стоя и без перерыва. Полтора часа стояли зрители под снегопадом, а потом стали бросать на площадку цветы, выращенные на окне. В основном на снег ложилась герань. Ребята доставали из-под сугробов букеты, отряхивали живую красную роскошную герань. И еще к нам летели огромные белые, похожие на лилии, цветы — декабристы.

Люди делились с нами красотой. Отдавали выращенные в домашних горшках для домашнего уюта цветы. И, наверное, каждый из зрителей принес их с собой, потому что букетов мы собрали очень много. Вспоминая тот давний вечер, я могу сказать только одно: как же наши зрители любят фигурное катание!

Это последние строки моей книги. Последние не только потому, что они в конце рукописи, а потому, что дописывались они, когда книга была практически уже готова.

Я на пороге нового сезона. Сезона 1985 года.

Заканчивался октябрь. Программы для всех моих дуэтов уже готовы и по традиции, в середине сентября, были показаны на общем выступлении сборной в Харькове.

Чемпионы Советского Союза Наталья Бестемьянова и Андрей Букин продемонстрировали произвольный танец, поставленный на испанскую мелодию. Это музыка Жоржа Бизе к опере «Кармен» в балетной транскрипции Родиона Щедрина. Пять лет я мечтала поставить Наташе и Андрею испанский танец. В 1978 году они дебютировали как дуэт тоже с испанским танцем, и я очень

переживала, что он прошел не так ярко, как мне хотелось, хотя молодая пара сразу обратила на себя внимание специалистов.

Мы долго готовились к новой постановке. Пересмотрели все спектакли, фильмы, связанные с историей Кармен. Я даже стала называть эту цыганскую красавицу Кармен с ударением на первый слог, как это принято у испанцев. Смотрели и книгу с иллюстрациями Пабло Пикассо. Несколько странная подготовка к тренировкам для фигуристов, не правда ли?

Но я убеждена в ее необходимости, и продиктована она временем.

Турнир в Сараево завершил олимпийский четырехлетний цикл. И будучи на нем одним из самых внимательных зрителей, я осталась разочарованной. Разочаровало то, что многие пары похожи одна на другую. Нет яркого замысла, нет своего стиля. Просто набор красивых движений, исполняемых четко в музыку. Для современного уровня фигурного катания этого мало. Еще десять лет назад могло удовлетворить исполнение танцев в музыку и красиво, но сегодня все обладают хорошей поворотной техникой, все умеют правильно открывать руку. Дело даже не в новых элементах и трюках. Дело в новом направлении. Надо искать новые пути. Ведь в Сараево только у чемпионов, да и у Бестемьяновой с Букиным, был произвольный танец, поставленный, по сути, на единую музыкальную тему. Это одна из форм поиска необычного решения. Обидно, что только два дуэта в мире пытаются что-то сделать.

Танцы сейчас самый популярный вид в фигурном катании, но его уже «подпирает» мужское одиночное, катание, где идет напряженная борьба, где на первое место реально претендуют восемь спортсменов. Если положение не изменится, танцы перестанут в скором времени быть такими же зрелищными, как сейчас.

В нашем виде спорта есть фигуристы, которые значатся чемпионами лишь в справочниках, а были и лидеры, как Пахомова — Горшков, Роднина — Зайцев, и спортсмены, не увенчанные наградами, как, например, Крэнстон, чьи имена надолго запомнились любителям спорта. Их программы можно назвать этапными.

Немалое влияние на развитие танцев оказали и Тор-вилл — Дин. Безусловно, английский дуэт один из выдающихся за последнее десятилетие. Их удивительная синхронность, редкая отточенность элементов, умение придать каждому элементу свой характер превратили обязательный танец в интересное зрелище. Но велики они не этим. Качество выступлений помогли им стать чемпионами, а вот редкая интуиция в творческом поиске сделала

их лидерами. Именно они утвердили то, что сейчас называют сквозной темой в произвольном танце. Единую музыку и единую программу Джейн и Крис сумели заставить принять не только зрителей, но и судей. Последние программы Торвилл и Дин были настолько новаторскими, что они могли себе позволить нарушать правила, доказывая, что какие-то пункты нашего кодекса нуждаются в пересмотре. Их олимпийская программа на музыку «Болеро» Равеля просто завораживала зрителей.

Теперь, когда чемпионы ушли, можно услышать, что Бестемьянова и Букин их прямые наследники. О как хочется в это верить, тем более что сами чемпионы не раз говорили, что именно программы этой советской пары были для них постоянным стимулом в творчестве. Но спорт непредсказуем, в нем побеждают дебютанты, проигрывают фавориты, и заниматься спортивными прогнозами, уже доказано, бессмысленное занятие.

Вернемся к той необычной форме подготовки произвольного танца. Для меня в ней нет ничего странного. Наташа и Андрей должны войти в образ, почувствовать характер героев «Кармен». Ведь единая музыка подразумевает и общий сюжет. Наш новый произвольный танец—маленький балет, в котором есть завязка, кульминация и развязка. Эскизы костюмов, как и прежде, нам сделал Вячеслав Зайцев,

Я волнуюсь — чемпионским ли получился танец? Показывает ли он во всем объеме мастерство Наташи и Андрея?

Такова судьба тренера: все время опутан сомнениями. Весной — удачная ли выбрана музыка? Летом — правильно ли определен рисунок, хореография танца? Зимой — какие будут оценки? А осенью — удалось или не удалось сделать то, что задумано? Поистине — четыре времени года.

Как известно, Бестемьянова и Букин оказались вторыми на турнире газеты «Московские новости» в декабре 1984 года, а главное, что и на чемпионате страны в Днепропетровске в январе ничего не изменилось. Говорят, что судьям виднее. Однако не только мы, но и зрители не хотели согласиться с этим решением. Когда Наташа и Андрей закончили произвольную программу, на лед полетели букеты цветов, весь каток был сплошь усеян цветами. Можно, пользуясь профессиональной терминологией, запутать зрителя, но обмануть его нельзя.

Несмотря на два поражения в начале сезона, мы приехали в Швецию на чемпионат Европы уверенные, что победим. Никто перед соревнованиями не тренировался так много и с таким подъемом, как Наташа и Андрей. Они на каждой тренировке самоутверждались. После всех тяжелых переживаний, которые выпали на их долю, казалось, что сил у них только прибавилось.

Они прокатывали каждый раз весь танец целиком и прокатывали безупречно. Когда их танец увидел Лоуренс Деми, он бросился ко мне прямо через лед, на глазах его были слезы восхищения, и крикнул: «Татьяна, это фантастика!»

Во дворец «Скандинавиум» во время исполнения произвольного танца Бестемьяновой и Букиным мог войти любой: контролеры, полицейские, служители катка — все собрались у бортиков. А французский арбитр, г-жа Лерэ, зарыдала! Услышав довольно громкие всхлипывания, к ней поспешили Л. Деми и Г. Кучера (член ИСУ). «Вам плохо, Лизиан?» — встревоженно спросил Деми. «Нет, мне хорошо, я в восторге!» — ответила г-жа Лерэ. Надо сказать, что французский судья, человек твердого характера и высокой объективности. В свое время, на чемпионате Европы в Цюрихе в 1971 году, она не побоялась поставить советскую пару Пахомову и Горшкова выше пары из ФРГ — Анжелики и Эрика Бук, что наделало много шума. В своих оценках она оказалась права. Надолго Пахомова и Горшков стали лидерами в танцах на льду. Г-жа Лерэ тонко чувствует направление и стиль, по которому пойдут дальше танцы,

Наташа и Андрей выступили идеально во всех трех видах — обязательном, оригинальном и особенно произвольном танцах. Семь судей поставили им 6 баллов за артистичность. Безупречна была и их техника, оценка 6,0 за техническое исполнение бывает крайне редко, но мои ученики сумели получить ее, что для меня особенно дорого. Все это лишний раз подтверждает, что они мастера высокого класса.

Хочу отметить, что в произвольном танце на протяжении сезона от первого до последнего старта практически ничего не изменялось, ни элементы, ни шаги, ни позиции. Однако, точно следуя логическому ходу танцевального сюжета, ребята умели придать танцу импровизированный характер, и каждый раз он выглядел по-иному. На чемпионате мира в Токио, например, «Кармен-сюита» была совсем другой, чем в Гетеборге.

На чемпионате мира судьи пошли на нарушение. В произвольном танце Бестемьянова и Букин по жребии выступали первыми в группе сильнейших, по правилам судьи не имеют права давать первой паре высшую оценку, и все же двое выставили ребятам шестерки. Это беспрецедентный случай. И еще хочу сказать, что самые высокие оценки из всех видов фигурного катания по сумме чемпионатов мира и Европы принадлежат Бестемьяновой и Букину.

«Кармен» в исполнении Бестемьяновой и Букина наделало много шума. Нас хвалили, нас ругали, но сейчас признают все — танец стал событием. Джейн Торвилл и Кристофер Дин увидели

его до чемпионата Европы, в записи на видеокассете с чемпионата страны в Днепропетровске. В Гетеборг они прислали телеграмму, где заранее поздравляли своих бывших соперников с золотой медалью. В свою очередь, критически настроенные любители фигурного катания иронически замечали: не следует ли теперь раздавать программки с либретто накануне соревнований. Думаю, не стоит. Каждый человек, без сомнения, знает историю любви Кармен. Но дело даже не в известном сюжете: талантливые танцоры доступными им средствами создают художественный образ, который понятен зрителям. Здесь и раскрывается их талант и мастерство. Сюжетную канву танца должны знать спортсмены, чтобы в каждое свое движение на льду они вкладывали бы смысл, чтобы зрители понимали, о чем «говорят» партнеры.

До этого состояния тоже надо дорасти. И сейчас я с полной уверенностью могу сказать, что Наталья Бестемьянова и Андрей Букин по всем показателям — человеческой зрелости, спортивного опыта, понимания своего места в фигурном катании — достойны звания чемпионов мира. Они проделали долгий семилетний путь, который не всегда был усеян цветами. Они достойно выдержали все испытания, доказав, что лидерство в мировых танцах на льду принадлежит им по праву.

Они полны сил, планов, надежд. Обмануть их ожидания я не вправе. Ближайшие три-четыре года Наташа и Андрей со спортом прощаться не будут.

После чемпионата мира, как обычно, группа сильнейших фигуристов отправилась в большое турне по странам Азии. Поехали Наташа и Андрей, персональное приглашение получила и я... но вернулась в Москву.

Вместе с Еленой Анатольевной Чайковской мы подготовили для ансамбля «Все звезды» новую программу. Она называется «И помнит мир спасенный», посвящена и погибшим, и тем, кто остался живым в ту страшную войну. Программа построена на мелодиях того времени и современных песен о войне. По-моему, она волнует душу. Очень хочется, чтобы она понравилась зрителям. Мы работали с Чайковской много, чуть ли не по ночам. Но все это время я не забывала о Наташе и Андрее. В апреле у меня уже была готова музыка к их программам 1986 года. «Кармен» уже в прошлом. Новый произвольный танец должен быть сильнее.

Содержание

Предисловие

Мой талисман — черепаха